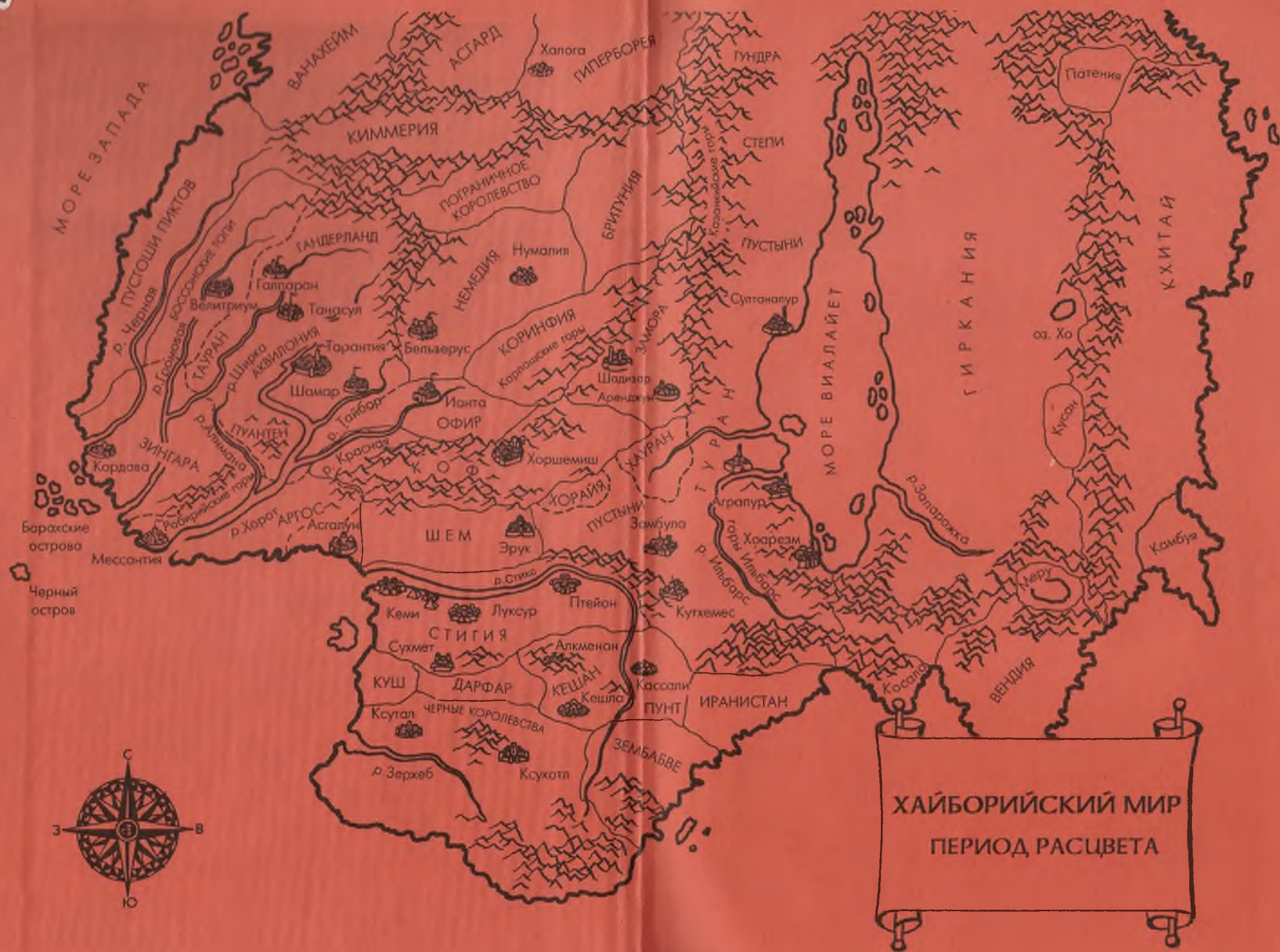

РЫЖАЯ СОНЯTM

РЫЖАЯ СОНЯ И ВЕТЕР БЕЗДНЫ

Северо-Знаг®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И
ВЕТЕР БЕЗДНЫ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

Р93 Рыжая Соня и ветер бездны.: Романы./Пер.
с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 480 с.

ISBN 5-7906-0098-0

Через пятьсот лет после правления Конана Аквилонского орды варваров предадут Хайборию огню и мечу. В этот жестокий мир приходит воительница, неустрашимая гирканка Рыжая Соня, встреча с которой ждет Вас в новом сериале героической фэнтези издательства «Северо-Запад».

84(7США)

ISBN 5-7906-0098-0

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

РЫЖАЯ СОНЯ: ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Было сделано множество попыток изыскать корни фэнтези. Можно спорить, о том, кто был прародителем этого жанра. Можно объяснять его возникновение завистью взрослых к детям. Можно вспоминать о вечной тяге людей к чудесам. Можно многое... И немало литературоведов, наверняка, вымучают не одну научную работу на этом материале. Наверняка кто-то ухитрится отыскать зачатки фэнтези в шумерской клинописи или наскальной живописи Ласко — что, в конце концов, не сделаешь ради того, чтобы собственное научное изыскание имело пресловутую «историю проблемы».

На эту тему сломано немало копий, но почему то никто не задался вопросом — а почему, собственно этот жанр возник именно в XX веке. Что мешало волшебной сказке социализироваться, повзрослеть, обрести приемлемую для взрослого восприятия литературную форму, скажем, пару веков назад. Почему светская литература Европы (об Азии говорить бессмысленно — «Восток дело тонкое», и его литература, как впрочем и вся культура целиком, стоят совершенно на иных принципах) не замечала столь очевидной лакуны в литературе? Почему, к примеру, тот же рыцарский роман, который прямо-таки просился в прародители фэнтези угас, зачах и вымер?

Вряд ли стоит утомлять читателя заунывными словопрениями на эту тему. Хотя на ум приходит весьма очевидный ответ — в XX веке религия утратила свою мифотворческую

функцию, которую успешно выполняла со времен эпохи Возрождения. Каждый, кто хоть раз удосужился побывать в картинной галерее, легко припомнит, что почти вся жанровая живопись со времен Учелло была посвящена религиозным сюжетам или, на худой конец, иллюстрировала греко-римскую мифологию. Вряд ли кто-то сможет с легкостью припомнить хотя бы одно полотно на котором были бы изображены сцены из «Старшей Эдды» или «Беовульфа», «Гильгамеша» или «Легенда о короле Артуре».

А вот начиная с конца XIX века стали появляться первые ростки нового мирозерцания. Рамки Библии и античного пантеона стали тесноваты. Появились робкие попытки привлечь что-то новенькое, добавить эдакого интеллектуального перчика. Конечно, первой мишенью стал Восток — в первую очередь Китай, Япония и Индия. Но культуры этих стран слишком чужеродны для европейского обывателя, и их влияние главным образом послужило источником вдохновения для создания будуаров и курительных комнат в восточном стиле.

Вот тут-то на сцену вышла муза фэнтези.

Конечно, это течение в литературе не появилось «вдруг». Конечно, у нее есть некая предыстория. Но только завзятые литературолобы смогут назвать тех мелких, почти неизвестных авторов, которые заложили по скромному кирпичику в основание ее величественного храма. И вдруг в конце XIX века появляется Амброуз Бирс, которого, кстати сказать, небезынтересно почитать и сегодня. Но Бирс, несмотря на всю свою гениальность, пока еще одиночка, Мастер Выдумки, но не более того. Все его рассказы построены по принципу «а вот был еще случай». У него не было ни того, что впоследствии в лингвистике назовут «картиной мира» ни собственно мифотворчества. Впрочем, он в нем и не нуждался!

Ему на смену приходят Говард Лавкрафт, Роберт Говард и Эдгар Райс Берроуз. Эта троица по праву может считаться авторами того явления, что было бы вполне уместно назвать «комплексом демиурга». Я далек от мысли, что все читающие эти строки сильны в теологии или филосо-

фии, поэтому не постесняюсь напомнить (тому, кто что-то на эту тему слышал) и объяснить (тем, кто не слышал совсем ничего) значение слова «демиург». Демиург (от греч. *demiurgos* — мастер) в античной философии (преимущественно у Платона) обозначал персонифицированное начало мироздания. Если это понятие упростить до максимума, то демиург — это творец миров, создатель вселенных (спасибо Фармеру за хороший образ!). Попутно заметим, что демиургами в Афинах именовали некое третье сословие, куда помимо, как мы сейчас бы сказали, промышленников, входили художники и врачи. В дорических городах демиургами называли высших правительственных лиц.

Как можно увидеть, во всех трех случаях основополагающее начало — творчество, будь то творчество политическое или творчество в прямом смысле этого слова.

Но вернемся к «комплексу демиурга». На мой взгляд, наличие такого комплекса (естественно не в медицинском и не в психоаналитическом смысле) побуждает автора замахиваться не менее, чем на построение собственного мира.

В конце нашего столетия карты и глоссарии в романах-фэнтези стали трюизмом. Но в первой трети XX века — это было открытием. Конечно, карты неведомых земель известны со времен Страбона, но миры *умышленно* придуманные, это, уж извините — ноу-хау по тем временам!

На эту тему можно говорить много. И тема эта весьма любопытна. Но, увы, здравый смысл (и рамки объема предисловия) заставляют нас избежать этого искуса. Отметим только, что в наше время, особенно с момента наступления эры мультимедиа, неомифотворчество стало настоящей эпидемией. Человек в эпоху НТР жаждет романтизма. Он хочет уйти из мира хот-догов, неоплаченных счетов за электричество и повышения цен на бензин — в простые, неиспорченные, пусть ирреальные миры.

В современной философии есть термины «обыденное сознание» и «иллюзорное сознание». Так вот, многие из современных людей пытаются поселиться в иллюзорных мирах и современ-

ная индустрия развлечений охотно помогает им в этом. К их услугам не только книги, и даже огромные сериалы, но и виртуальное пространство современных компьютерных игр и игрушечные артефакты — что пожелаете, хоть меч Конана (именно под таким названием мне доводилось видеть полуторазметровую декоративную испанскую железяку), хоть плащ Мерлина; и головоломные паззлы, и настольные игры, и игральные кости, карты и еще невесть что, вплоть до словарей эльфийского языка и декоративных шрифтов «*Руны Ктулху*».

В современном мире любой может жить в мире фэнтези и там ощущать себя сильнее, мудрее и самое главное — свободнее! Если в действительности барышня крива, косолапа и наделена ушами-варениками, то в иллюзорном пространстве она вполне может выбирать, быть ли ей прекрасной феей, или могущественной Владычицей Хаоса. Если молодой человек потлив, низкоросл и до старости страдает ночными поллюциями от непогашенной страсти, то в фэнтезийном мире он могуч, *мудер* и сексуально неотразим.

Любая социодрама Морено, в которой, как известно, пациент расстается со своими комплексами в процессе игры-пьесы, побледнеет от зависти перед психотерапевтическим КПД этого жанра.

Но любопытно и другое. «Комплекс демиурга» есть у каждого фэнтезийного писателя. В настоящее время писать фэнтези без карты, собственной системы мер и весов, свода законов а la Хаммураппи и очередного эльфийского разговорника — означает прослыть либо очень ленивым человеком, либо невежей, не знающим, как вести себя в приличном обществе.

Но вот загвоздка — этот самый комплекс имеется у всякого, кто норовит наплодить миров *покарасивше* и почуднее, а вот всякий ли способен быть этим самым демиургом?

Думаю, что не скажу ничего оригинального, если отвечу — нет, не всякий. Можно придумать мир, в котором все ходят на головах, справляют естественные надобности через нос и общаются не ртом, но, несмотря на все эти *навороты*, придуманный мир окажется столь же непригоден для проживания,

как тамбур плацкартного вагона для бальных танцев. Как ни грустно, но таких миров подавляющее большинство.

Сколько всего наговорено, наспорено, написано и исследовано о Средиземье — гениальном мире Толкиена. Сколько дебатов ведется вокруг Эмбера Желязны. Мы говорим о фэнтези, но хочется бегло упомянуть и популярные SF-пространства: вселенную Звездных Войн, Стар Трека и Вавилона-5. Да, в нашей стране все попытки привить их потерпели неудачу. Но на Западе их популярность огромна. Почему же одни миры нравятся, а другие нет? Ответить на этот вопрос вряд ли кто-то сможет...

Если свернуть на зыбкую тропинку мистики и парапсихологии (а куда прикажете идти, если никакого материалистического ответа нам «не светит»?), то следует предположить, что, по-видимому, у одних авторов есть некий энергетический потенциал, аура, харизма (называйте, как хотите) а у других таковой попросту отсутствует. А может быть, причина в том, что одни литературные демиурги *живут* в придуманных ими мирах, а другие погружаются в них, только когда вспоминают о сроках сдачи рукописи, уныло брэнча в кармане последними медяками?

Говорят, что Александр Грин мог в деталях описать каждый изгиб дороги, каждый куст и камень на пути из Зурбагана в Лисс. Может быть, поэтому его и читают до сих пор. А у многих современных авторов любой город состоит из джентльменского набора: «дворец, храм и таверна»... Может причина в этом, а может нет. Кто знает!..

Те, кто дочитали до этих строк, вправе возмутиться и сказать: «Хватит рассуждать — Соню давай!» Что ж, действительно пришло время Сони...

Хайбория Роберта Говарда обладает не то что харизмой, а какой-то суперхаризмой, харизмой в квадрате. Ее можно смело заносить в «*Книгу Рекордов Гиннеса*» — еще бы, вот уже на протяжении шести десятков лет неимоверное количество авторов пишут все новые приключения про ее героев, выходят фильмы, сериалы, ролевые онлайн-игры, ко-

миксы и пр. Самое главное — это не приедается! Мне доводилось видеть письмо одного конанолова, который (без малейшего юмора, отметьте) писал: «надеюсь, мне хватит жизни, чтобы дочитать до конца *«Сагу»* о моем любимом герое».

Проект «Хайбория» состоит из трех больших и почти самостоятельных частей. Основой его, естественно, является *«Сага о Конане»*. На сегодняшний день, в издательстве «Северо-Запад» сдан в типографию юбилейный пятидесятый том, но спешу обрадовать поклонников этого героя — продолжение будет! Издательство решило пойти навстречу многочисленным просьбам читателей не прекращать выпуск этой популярной серии! С пятьдесят первого тома начнут публиковаться (наряду с новыми, ранее не выходившими на русском языке произведениями) романы Лина Картера, Роберта Джордана, Джона Мэддокса Робертса, Шона Мура, Джона Хокинга и др., что частично (и то изрядно урезанные и скверно переведенные) были опубликованы издательством «Азбука» в 1994—96 гг.

Вторая составляющая проекта — *«Сага о Кулле»*. Король Кулл — герой, живший задолго до Конана, на заре хайборийской цивилизации. В настоящее время на русском языке вышли два тома *«Кулл и трон Валузии»* и *«Кулл и змеиное королевство»*. В ближайшем времени выйдет третий том *«Кулл и клинки Лемурии»*. В настоящий момент подготовлено еще шесть томов, но это только начало...

Прежде чем, начать разговор о третьей части проекта — *«Сага о Рыжей Соне»*, упомяну о еще об одном значительном событии (правильнее сказать издательской сенсации) — выходе полного собрания сочинений Роберта Говарда в издательстве «Северо-Запад». В момент, когда пишутся эти строки в продажу поступили первые два тома *«Черный камень»* и *«Ночь волка»*. Еще двенадцать (!) томов печатаются в типографии. Думаю, что порадовать коллекционеров, если перечислю их: *«Гонимые смерти»*, *«Проклятие океана»*, *«Железный кулак»*, *«Клинок судьбы»*, *«Кровь богов»*, *«Лик смерча»*, *«Тень ястреба»*, *«Врата империи»*, *«Знак огня»*, *«Воин снегов»*, *«Тропа войны»*, *«Брат бури»*. В настоящее время

идет работа еще над пятью томами. Всего их, по-видимому, будет двадцать пять.

На сегодняшний день — это самое полное собрание в мире! Составителями и переводчиками издательства, совместно с американскими коллегами была проведена кропотливая работа по поиску и систематизации *всего* творческого наследия Мастера. Те, кто любят этого автора, поставив последний том на полку, будут иметь полное право сказать себе: «Теперь у меня есть весь Говард!».

«Сага о Рыжей Соне» — заключительная часть проекта «Хайбория». Те, кто насторожился и приготовился запутаться в обилии хайборийских героев могут вздохнуть с облегчением. *«Рыжая Соня»* — последний сериал этого цикла.

Логически «Хайборийский проект» распадается на три хронологических периода: доконановский (повествующий о короле Кулле), конановский (как нетрудно догадаться — о самом Конане) и постконановский (героиня которого — Рыжая Соня). Период, в котором действует отважная воительница, отделен от времени Конана примерно на 450—500 лет. Это время распада Хайбории, завоевания ее варварскими племенами пиктов и гирканцев.

Большинству любителей имя «Рыжая Соня» знакомо по одному (!) самиздатовскому переводу и фильму Ричарда Флэшера с Арнольдом Шварценеггером и Бриджит Нильсен в главных ролях.

На самом деле, *«Сага о Рыжей Соне»*, в отличие от *«Конана»* и *«Кулла»*, практически целиком создана после смерти Говарда. Что же послужило основой для ее написания?

В архиве Роберта Говарда Гленом Лордом было найдено несколько рукописей с незаконченными рассказами в которых действует женщина-воительница — этакий Конан в юбке. Интересно, что в каждом рассказе она выступает под чуть разными именами (видимо, Говард экспериментировал, пробовал на вкус разные созвучия, пытаясь найти наиболее интересное и запоминающееся). В английском написании оно чаще всего выглядит как Sonya.

Большинству русскоговорящих читателей это имя покажется забавным, сразу веет чем-то бабелевским, всплывает в памяти одесский местечковый говорок времен НЭПа, или Сонька Золотая Ручка. Но, естественно, эти ассоциации возникают только у нас с вами. На самом деле, имя Sonya — скандинавского происхождения (вспомним, что нынешнюю королеву Норвегии зовут именно так), и для американского читателя оно куда более экзотическое, чем Конан.

Заметим также, что создатель Хайбории, вообще, был лишен каких-либо предрассудков по части имен. Лавкрафт как-то ссызвил по этому поводу в частном письме, мол, молодой автор Роберт Говард даровит, но его никак не удастся отучить от манеры небрежно обращаться с названиями.

Действительно, он мало уделял внимания на этническую принадлежность того или иного имени, оттого и аквилонского бога величают персидским словом Митра, его собрата по пантеону на индийский лад — Асурой, а ведьму из южной страны Хауран — Саломеей.

Вторая особенность Мастера была в том, что он мог запросто одним и тем же именем нарекать разных героев (так, например, Стивену Костигану довелось жить в трех разных эпохах и побывать моряком, частным сыщиком и искателем приключений на Ближнем Востоке). Поэтому в рассказе «Тень Вальгары», где действие происходит в XVIII веке, действует двойник хайборийской воительницы — некая Рыжая Соня (Red Sonya), кстати русская уроженка.

Вот из этих рассказов Гленом Лордом и Спрэггом де Кампом и была собрана по кусочкам та Рыжая Соня, о которой ныне написана целая сага.

Собственно, поначалу никто о саге и не помышлял. Задача была куда более скромная — отыскать у Говарда женский образ, годный стать героиней комиксов, наряду с Конаном. Эта идея полностью претворилась в жизнь — в США было выпущено немалое количество комиксов, где Рыжая Соня успешно конкурировала с Суперменом, Бэтменом и Капитаном Америка.

Интересно, что последователи Говарда слегка «подрихтовали» ее имя, решив сделать его поэзотичнее. Поэтому в комиксах она именуется Red Sonja — букву у заменили на j, получилась Рыжая Сонджа. Но впоследствии вернулись к первоначальному варианту, поэтому во всех романах она именуется Рыжей Соней.

После успеха «книжек-картинок» была создана Red Sonja Groups — группа молодых авторов, которые разработали (на основе статей и набросков Говарда) весь антураж Поздней Хайбории: географию, политическую карту, религию, культуру и пр. Так появились первые романы о Рыжей Соне. Проект имел успех и к нему подключились многие пишущие о Конане и Кулле, поэтому вы сможете обнаружить знакомые имена в списке авторов.

Интересен образ Рыжей Сони. В одноименном фильме она предстает в достаточно гротесковом виде — девица-культуристка, запросто махающая огромным мечом. В книгах она иная — умнее, психологичнее, женственнее, что, кстати, видно на примере первого романа, представленного в данном томе, который был создан на основе архивных набросков Роберта Говарда и некоторых сюжетных ходов фильма — и вы сами увидите, что из этого получилось... И это логично, ведь за пятьсот лет Хайбория изменилась: стали иными характеры людей, цивилизация не стояла на месте, шла вперед. Поэтому, я полагаю, не будет преувеличением сказать, что люди стали психологически *сложнее*, чем во времена Конана.

Не менее, чем сама героиня, интересен мир, в котором Рыжая Соня жила, странствовала, любила и ненавидела, сражалась и участвовала в придворных интригах. Мир на грани краха, неустойчивый, готовый рухнуть в любое мгновение. Мир, где с невиданной прежде яростью столкнулись две силы: древняя, устоявшаяся, доселе незыблемая цивилизация — и стремительно набирающее силу варварство. Должно быть, в этом еще одна причина, почему данная тема так заинтересовала современных авторов...

Столкновение дикости и культуры персонифицируют враждующие религии: антропоморфные божества времен Конана (Митра и пр.) и Зверобог как воплощение темных сил человеческой души и исконного природного Хаоса. Но эти древние, пра-человеческие божества не являются символом Вечной Ночи — они заставляют скорее вспомнить Огонь, что несет одновременно деструктивную и очищающую функцию. По крайней мере, именно таковы они в восприятии героини, которая в молодости принимает этот культ. Здесь уместно было бы вспомнить, к примеру, о противостоянии язычества и христианства... однако это тема отдельного разговора.

Впрочем, философский подтекст и двойной смысл, литературные реминисценции и игра ума — это лишь для любителей. Так сказать, приправа к основному блюду, которая украшает добротную героическую фэнтези, но отнюдь не является ее обязательным компонентом.

Истинных поклонников жанра на страницах «Саги» ждут каскады приключений, тайны и колдовство, интриги и сражения. Загадочный и опасный, сверкающий и многогранный, Хайборийский мир предстанет перед вами с новой стороны — сохранив, одновременно, всю прелесть узнавания.

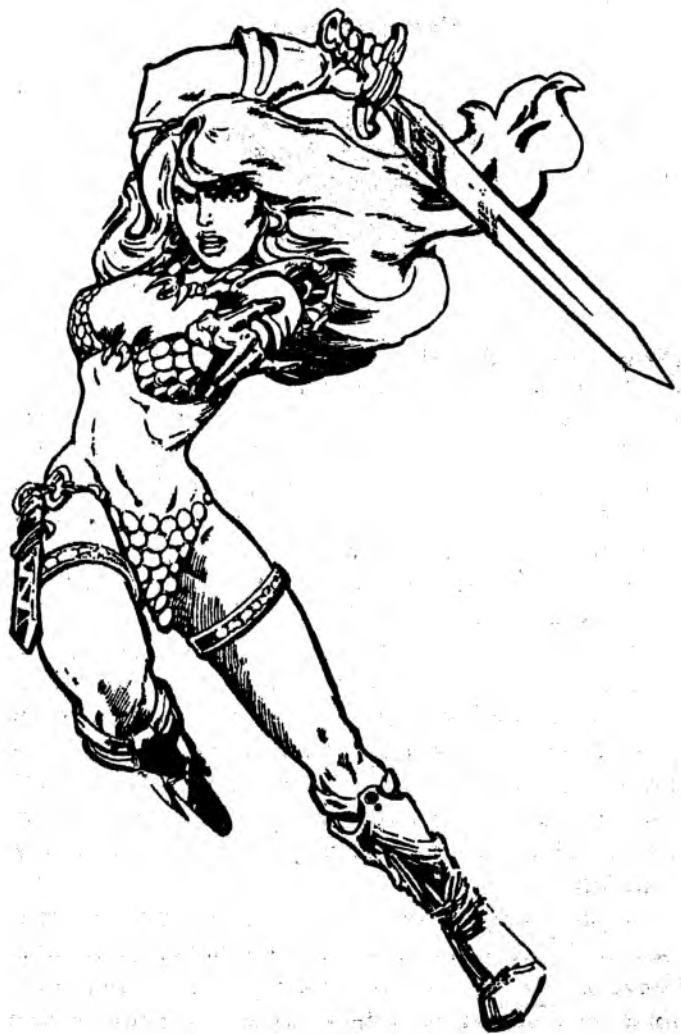
Так не откладывайте же это путешествие — и перелистните страницу! Ручаюсь, вы не сможете остановиться, пока не дочитаете до конца...

Дмитрий Арсеньев

Глава первая

Снег играл на земле, точно огромный белый пес: вилял мохнатым хвостом поземки, царапался острыми когтями льдинок, пластался по жухлой траве и скулил, завывая, в скальных расселинах. Ветер шершавым языком лизнул Соню в лицо, едва она выбралась из шатра, и, поминая недобрым словом Имира со всеми присными, девушка поспешила плотнее закутаться в плащ.

И это они называют весной! Время, когда на юге, в сиятельном Хауране, цветут персиковые сады, бескрайние, точно шемская пустыня, и аромат их разносится на целые лиги вокруг, а деревья стоят, сгибаясь под тяжестью белых шапок, точно под снегом... Тьфу, пропасть! Опять этот снег! Верно, и думать уж больше ни о чем невозможно.

Порыв ветра швырнул ей пригоршню ледяных игл прямо в глаза, точно надеясь ослепить. Ледяные змейки взвихрились у ног, обвивая сапоги из мягкой замши — слишком тонкие для

этой погоды. Да и остальная одежда едва ли рассчитана на холода. Но кто же знал, что в это время в Кезанкийских горах вновь вернется зима!

Да, далеко ей пришлось забраться, исполняя поручение Белой Волчицы. А всего-то и надо было — вручить старому Таргаю послание в футляре из толстой бычьей кожи, запечатанный воском с волчьеголовой метой... Содержание письма Соню не слишком интересовало. Она догадывалась, что главным там были отнюдь не слова.

Отыскав в заснеженной долине шатер далхамана, она сухо представилась по всей форме, вручила послание и, не задержавшись, как ни приглашал старик, ни на ночлег, ни даже на ужин, поспешила прочь. Тот не слишком удерживал ее, вопреки всем законам гостеприимства. Руки тряслись — так торопился взломать печать.

Чего он ждал? Мира или войны? Что было выгоднее для него, вождя крохотного племени, волею судеб оказавшегося в центре больших событий?

Его алатары держали перевал Кривой Пасты — боги, до чего однообразны все эти горские названия! — столь незначительный, что даже не на всех картах он был отмечен. И добычи-то у него было хорошо если с десятка захудалых караванов в год.

А затем все переменялось. Перевал Большая Пасть — о Небо! — завалило камнями... работа

бежавших от стен Султанапура колдунов, что сопровождали гирканскую орду, осадившую город. На самом севере — у Столпов Имира — хозяйничали гиперборейцы. Белая Рука спешно запырала все ходы и выходы, с тревогой ожидая, чем кончится южная смута. Так что на севере, кроме Кривой Пасты, удобных проходов через горы почти не осталось. Тогда вспомнили и о Таргае.

Старый далхаман тут же заартачился, принялся набивать цену. Недоумок! Со своей-то полусотней!..

Соня незаметно прошлась острым взором по сторонам, подмечая, запоминая, надежно укладывая в памяти все, что видела. Пусть и не пригодится никогда — привычка... Далхаман выбрал для лагеря хорошую долину. Здесь, на пригорке, было ветрено, зато чуть ниже — где стоят шатры воинов, где всхрапывают и бьют копытами застоявшиеся без дела мохнатые горские лошадки — там, должно быть, спокойно и тихо. Дымок от костров поднимался почти ровно, столбом, и только выше ветер раздувал его, разносил серой пеленой над черными, зазябшими, скрюченными деревьями, точно окутывая их погребальным саваном.

Женщин не видно, да и детей тоже. Впрочем, скорее всего, они живут отдельно, в скрыве от любопытных глаз поселке, куда мужчины возвращаются лишь после очередного набега. Разумно. Зачем рисковать... Да и холодно в горах под открытым небом. Какими шкурами

шатер ни покрывай, сколько ковров ни стели — все равно от земли тянет стужей, и ветер так и норовит запустить в щели когтистые лапы...

Судя по числу шатров, теснившихся вокруг далхаманова, в лагере сейчас человек двадцать, не больше. Когда она въехала в лагерь с проводником, на них едва ли кто лишний раз взглянул: Нуртана они знали давно. Соне повезло, что она наткнулась на купца в Атлумасе, а не то искать бы ей Таргая до самого Последнего Дня!.. И то еще неизвестно, впустили бы ее в долину или нет. Торговец послужил посланнице Волчицы надежным прикрытием: с подобранными волосами, закутанную в плащ, алатары приняли ее за простого слугу. А к мальчишке какой интерес?..

Нуртан сразу отправился к кострам — выбирать товары на продажу: в Атлумасе уже знали, что седмицу назад в Кривой Пасти опять пропал без вести караван, и купец торопился взглянуть на добычу. Соня же, убедившись, что никто не обращает на нее внимания, отыскала старого Таргая и вручила ему послание из Храма. И все устроилось ко всеобщему удовольствию...

Добравшись до вершины холма, где оставила привязанной свою гнедую, Соня, дуя на озябшие пальцы, принялась отвязывать поводья. Двигалась она нарочито неспешно, уверенная, что — несмотря на кажущееся благодушие — из разбойничьего лагеря за ней наблюдают.

Распутав заледеневший на ветру узел, она оглянулась. Шатер далхамана выделялся не толь-

ко размерами. Бараньи шкуры, покрывавшие его снаружи, были выкрашены пурпуром. Соня усмехнулась. Ну просто король аквилонский! Должно быть, эту драгоценную краску, что везут сюда из самой Вендии, грабители отыскиали в поклаже какого-то каравана...

Она не спеша поправила стремяна. Проверила, хорошо ли натянута тетива у маленького гирканского лука.

...Поземка улеглась. Белый пес припал к промерзшей черной земле, высматривая поживу.

Прочел ли уже далхаман письмо? Должно быть, как раз закончил. И сейчас застыл в нерешительности, не зная, то ли кричать людей, то ли взывать к богам, то ли...

Вспышка алого пламени озарила алый шатер изнутри.

Словно кто-то зажег огромную масляную лампу.

В долине на мгновение сделалось светлым-светло...

Соня сощурилась, чтобы Волчье Пламя не опалило глаза, и прикрыла лошади глаза. Слышно было, как мечутся по лагерю разбойники, опрокидывая котлы, роняя оружие, спотыкаясь и падая. Вопли разносились в вечернем безмолвии пронзительно и ясно. Затем их заглушило истощное ржание обезумевших коней — животным понадобилось чуть больше времени, чем людям, чтобы осознать боль.

Грохот, стоны, визг и ругань над лагерьем. Ветер переменялся — и донес до Сони облако гари. Она закашлялась. Затем вскочила в седло.

Ослепнут далеко не все в лагере, ведь не все смотрели на Волчье Пламя в упор — и не все потеряют голову. А значит, очень скоро кто-то вспомнит и о таинственном гонце...

Точно! Вон, уже сгоняют лошадей, отбирают тех, что сохранили зрение, седлают... Пора!

Соня повернула гнедую.

Алый шар солнца, точно сгусток огня, вырвавшийся из сожженного шатра, стремительно угасал в оскаленной пасти гор. Клочковатые тучи стремительно уносил прочь ветер, и сытая бледная луна взошла над долиной.

Вслушиваясь в звуки погони, девушка пустила гнедую с холма. Та, застоявшись на холоде, была рада вновь обретенной свободе и понеслась во весь опор по замерзшей земле. И только у входа в ущелье Соня натянула поводья: когда они проезжали здесь днем, она заметила, что дно его усыпано острыми камнями. Гнать здесь лошадь — это верная смерть!

А погоня была уже совсем рядом. Соня нахмурилась. Проклятое благодушие! Зачем же она медлила?! Нужно было сразу скакать прочь — и не пришлось бы теперь тревожиться!

Но в глубине души она сознавала, что может клясть себя сколько угодно — ничего от этого не изменится. Опасность подхлестывала ее, добавляла яркости красок миру, веселила, точно ледяное вино... Подвергаясь ненужному риску, она словно искупала скуку последних седмиц, вымещая обиду, что ее — ее! — отправили с таким простым поручением, исполнить которое

мог бы любой послушник-первогодок. Не оглядываясь, по звуку, она попыталась определить, сколько человек гонится за ней. Семь? Восемь?..

У самого уха просвистела стрела.

Похоже, она недооценила противника... Слишком расслабилась в теплых южных краях, привыкла к неспешному благодушию. Но горы — иной мир. Любая оплошность здесь может стоить человеку жизни. Алатары подобны голодным снежным барсам — злобные, отчаявшиеся, неутомимые. Такие не теряют времени на пустые раздумья. И никогда не отступаются.

Звуки погони сделались ближе. Сотня шагов отделяла девушку от преследователей. Гнедая не успела отдохнуть после дневного перехода, а кони горцев хотя и уступают ей в скорости, но привычны к этим диким местам, тогда как Соне приходится беречь лошадь, чтобы та, не приведи Небо, не поранилась во тьме.

Впервые за все это время девушке сделалось не по себе. До намеченного места казалось еще так невероятно далеко... А если она не успеет?

Погоня приближалась.

Позабыв об осторожности, девушка ударила гнедую пятками в бока. Каменная крошка полетела из-под копыт. Высекая искры, ударила в стену ущелья стрела, в десяти шагах впереди. Проклятая луна!..

Одной рукой сжимая поводья, пригибаясь в седле, другой рукой Соня стала нащупывать за спиной лук. Хотя на скаку это бессмысленно. Она не успеет перестрелять их всех. Хорошо

хоть додумалась тайком от Нуртана загодя натянуть тетиву!

Разбойники что-то кричали у нее за спиной — но ветер уносил голоса прочь. А проклятое ущелье все не кончалось. Или это тьма обманывала ее?..

Наконец-то!

Густая тень скрывала поворот. Здесь, должно быть, изгибалось русло давно иссохшей реки, что пробила себе путь в камнях в незапамятные времена. Вот и огромный обломок скалы, лежащий чуть справа от дороги, — каменный палец, как видно, рухнул, подточенный водой. Или эту глыбу сами разбойники обрушили с высоты на проходивший внизу караван...

Едва свернув за поворот, Соня на ходу спрыгнула с седла, срывая лук и колчан со стрелами, и с кошачьей ловкостью принялась карабкаться вверх по скале. Да, память никогда ее не подводила, наставники в Логове были бы ею довольны! Одного взгляда, брошенного на камень днем, хватило, чтобы запомнить все его трещины и уступы — так что сейчас она без труда взобралась на самый верх. И застыла, сливаясь со стылым базальтом, выглядывая из-за самого краешка. Камень как нарочно для нее подготовлен — с ложбинкой, чтобы удобнее было устроиться стрелку... Первая стрела легла на тетиву.

Маленький лук бил без промаха. Первый из скакавших во весь опор всадников пошатнулся в седле и рухнул наземь. Остальные еще не

успели сообразить, что происходит, как вылетел из седла и второй, также поймавший стрелу горлом. Третий начал было что-то кричать — но захлебнулся кровью...

Оставалось пятеро.

Разбойники живо попадали на землю, пустив коней вперед, и затаились за камнями. Мгновение затишья. Девушка покосилась назад, вспомнив, что бросила кобылу без присмотра... не унеслась бы следом за лошадами горцев. Но нет, послушная гнедая неподвижно стояла у скал, нервно всхрапывая и провожая тревожным взглядом перепуганных сородичей.

Успокоившись, Соня вновь принялась за работу.

Что-то шевельнулось среди камней — она спустила тетиву! Нет, мимо... Две стрелы одна за другой просвистели над ее укрытием, но слишком высоко. Можно было не беспокоиться. Из такого неудобного положения им в нее никогда не попасть, если только она не выпрямится во весь рост. Зато сами алатары неосторожно открылись. Хотя и маленькие луки у горцев — еще меньше Сониного, — а лежа из них не постреляешь. Хотя на одно колено, но встать придется... Высунувшись из-за камня, она спустила тетиву. Сдавленный крик подтвердил, что удача вновь на ее стороне.

Оставались четверо.

Горцы хрипло переговаривались между собой. Что они задумали? Стрелять больше явно не собираются. Убираться восвояси, увь, тоже...

Значит, постараются незаметно добраться до нее. Ну, это у них вряд ли получится...

Ах, проклятье!

Луна сегодня явно было на стороне ее врагов. Когда девушка спасалась бегством — она полыхала, как лампа в покоех купца. А теперь, когда Соне так нужен свет, чтобы целиться, — прячется в тучах!

Девушка поежилась: от камня тянуло стужей. В ущелье наступила крошечная тьма. Слева донесся какой-то хруст, покатались камешки, и она немедленно послала в ту сторону стрелу. Ни звука. Видимо, промахнулась. Соня на ощупь проверила колчан. Он был почти полон — но во тьме от лука мало толку...

Метательные ножи привычно оттягивали пояс, однако их было всего два. Меньше всего девушке хотелось бы схватиться с преследователями на мечах — но, как видно, избежать этого не удастся. Хотя клинком она владела превосходно... и все же драться с разъяренными разбойниками в крошечной тьме, на камнях, где того и гляди подвернешь ногу, было слишком рискованно. Да еще одной против четверых...

Опять шорох слева — на этот раз уже ближе. Теперь ей показалось, она заметила тень. Пятно мрака на фоне черной земли. Тщательно прицелившись, она послала стрелу в цель. Ответом был сдавленный крик. Есть!

Итого трое. Но где же они, Огонь их побери?

Ничего. Ни звука, ни движения. Слишком поздно Соня вспомнила, что имеет дело с опыт-

ными воинами, не первый год охотящимися в горах. Должно быть, искусством беззвучно подкрадываться к добыче они владеют в совершенстве. А значит, эти трое могут быть сейчас где угодно. Слева. За спиной. На скалах сверху...

Ее пробрала ледяная дрожь. Вот так впуталась! И все — по собственной глупости. Побавляться захотелось. Перед кем?!

Соня стиснула зубы. Нет, так не пойдет. Впадать в панику, клясть себя последними словами — все это потом... Ну же! Вспомни, чему тебя учили!

Упершись в собственный страх руками, точно в стену, она отодвинула его, запирая за ним неуверенность, волнение, суетливость, нерешительность. Сейчас она должна была стать зверем — без мыслей, без любых человеческих эмоций. Зверем, движимым единственным желанием — выжить.

Рысь пробудилась...

Чуткое ухо уловило звук, но даже прежде, чем мозг успел осознать его, рука сама приняла решение. Метательный нож просвистел в воздухе и, судя по сдавленному булькающему хрипу, донесшемуся в пятнадцати шагах от скалы, где пряталась Соня, точно поразил врага.

Из горла девушки вырвалось торжествующее рычание. Она облизнула губы и потянула воздух. Все ароматы ночи доносились отчетливее, словно крохотные иголки вонзались в нос. Пахло стелыми камнями, жухлой травой, конским потом, кожей и сталью. Пахло кровью.

Ночные тени приобрели необычайную глубину, позволяя различать сотни оттенков черного цвета. Речь покинула ее, а потому не было слов, чтобы назвать эти новые цвета, но она никогда бы не спутала их.

Вот движется черное на черном. Ползет, вжимаясь в камни, воняя потом и страхом. До чего неловок этот живой кусок мяса! Камни грохочут под ним. Сухая трава скрежещет. Будто в голос кричит — вот он я, иду! А этот глупец мнит, будто подкрался неслышно...

Рысь жаждала броситься на добычу, рвать ее когтями и зубами, отведать теплой крови, что хлынула бы мощной струей, окропив иссохшую землю... и Человеку стоило огромного труда сдержать Зверя. Напомнить, что у него есть иное оружие — малый клык, что поражает на расстоянии. И большой, что ждет своего часа, убранный в ножны...

Бросок!

Человек-добыча взмахнул руками, словно пытаясь поймать стальную птицу на лету... но она уже вылевала ему глаз и добралась до мозга. Крови оказалось совсем немного. Мертвое мясо повалилось на бок.

Так близко... Рысь облизнулась. Она была голодна. Ее слишком долго держали в темноте, в клетке. Она рычала и металась... А теперь был свет. Была пища. Была свобода.

Кто-то пытался удержать ее. Кто-то стегал ее раскаленным огненным бичом. Рысь гневно зарычала в ответ.

Голод.

Добыча была совсем рядом. Летающий клык поразил мясо. Теперь пришла пора насытиться.

Рысь мягко прыгнула на камни. С силой втягивая воздух, наслаждаясь ароматом предстоящего пиршества, сделала шаг в сторону лежащей на камнях жертвы. Ветер дул в ее сторону. Запах крови был нестерпимо сладостен, затмевая все прочие, заставляя забыть...

Шорох сзади она слышала слишком поздно. Человек за Стеной взвыл от ужаса, отбрасывая бесполезный огненный бич. Рысь развернулась в прыжке, чудом ускользая из-под лезвия кривого меча, норовившего снести ей голову.

Копье лунного света, пробившись сквозь облачную завесу, вонзилось в землю, осыпав ущелье серебристыми искрами. В его дымчатом сиянии мир сделался одновременно отчетливым — и нереальным, как бывает только во сне.

...Последний разбойник сумел незамеченным пробраться выше по скале — и теперь бросился с отчаянным криком на убийцу своих товарищей. Он был жилистым и бородатым. От него несло кислым молоком и прогорклым жиром. У него были черные глаза безумца, рваный шрам на щеке и крючковатый переломанный нос.

Все это Рысь успела заметить в считанные мгновения, перекатываясь по земле, чтобы уйти от удара сабли. Она вскочила на ноги, одновременно выхватывая меч и подхватывая полу плаща, чтобы использовать его вместо щита.

Прямо в прыжке, не тратя времени на подготовку, нанесла колющий удар. Разбойник лег-

ко отбил его. И тут же вновь перешел в нападение.

Он удивленно выкрикнул что-то на гортанном наречии горцев — впрочем, Рысь не нуждалась в словах, чтобы его понять. Он увидел самку — вместо ожидаемого врага-самца. Самку, что танцевала перед ним со стальным когтем в руке, недоступная и манящая, желанная и дерзкая.

Рысь дразнила его, соблазняла, угрожала, заставляя терять голову от ярости и вожделения. Капюшон упал, и рыжие волосы развевались на ветру. Стройное тело призывно изгибалось. Разбойник хрипел, глаза его полыхали, в уголках пересохших губ выступила пена. В этот миг он жаждал ее больше всех женщин на свете, больше золота, больше самой жизни. И танец двух клинков стал для него прелюдией к иному танцу. Он уже видел, как сомнет эту прекрасную плоть, раздавит алый рот, станет терзать податливое тело...

Рысь оскалилась. В глубине сознания Человек корчился от ненависти, умоляя Зверя закончить с отвратительной игрой — но сейчас Рысь была сильнее.

Голод отступил... да она и не была голодна в обычном смысле. Страха жертвы, вот чего она хотела. Ненависти. Бешеной ярости и упоения боя. Всего этого она получила в избытке.

Удар.

Рысь по-прежнему больше оборонялась, без особого труда уходя от атак чернобородого. Да

и тот, сопя и то и дело облизывая губы, явно нападал, желая только ранить или обезоружить, но не лишить противника жизни. Он опять что-то выкрикнул, и на сей раз слова достигли сознания Человека.

«Брось меч. Я хочу тебя».

Соня захохотала.

— Так приходи — и возьми! — И с размаху ударила чернобородого по предплечью. Рукав тут же окрасился черным.

Вожделение в глазах разбойника сменилось яростью.

— Ах ты, тварь! Ну подожди... — Сиплый голос срывался — сказывалась усталость. Но и Соня начинала выдыхаться. Рысь отняла слишком много сил. Пора было кончать с этой забавой...

Клинок сверкнул в ее руке, описывая восьмерку. «Крыльями бабочки» называли этот прием наставники... От первого крыла разбойнику удалось увернуться, подставив вовремя саблю. Второе крыло полоснуло по правой щеке, оставив шрам, симметричный тому, что красовался на левой.

Чернобородый взвыл, бросаясь на девушку. В другой руке его возник длинный кривой кинжал.

Натиск был так силен, что ей пришлось отступить на шаг. И еще.

Где-то сбоку, почти на границе видимости, ей почудилось движение.

Человек?

Неужели разбойнику пришла подмога?..

Мгновенная растерянность едва не стоила девушке жизни. Уворачиваясь в прыжке от свистящей сабли, она подставила под удар плащ — и ощутила жгучую боль выше запястья. Проклятье!

А с другой стороны кинжал уже целил ей в бок. Она отбила удар. Отскочила...

Нога попала на острый камень, подвернулась... Соня потеряла равновесие. Пошатнулась. И едва успела отразить новую атаку — уже в падении.

Падала она мучительно долго. Бесконечно ожидая, что острая сталь вот-вот пронзит сердце... Но так и не дождалась.

Перед глазами мелькнула огромная вздутая луна — белесая проплешина на иссиня-черном небе.

...И труп разбойника рухнул прямо на нее, заслонив собой ночное светило.

Последнее, что ей запомнилось, были выпученные от ужаса и удивления глаза. А потом, от удара затылком о камни, она потеряла сознание.

Глава вторая

Она плакала во сне. Плакала от обиды и горя.

Светлая Мать! Как могло такое случиться со мной? Ты обещала, что я никогда не умру.

Но Богиня лишь молча взирала на нее, и в глубине сияющих глаз вспыхивал и угасал огонь. А затем обнажила клыки в усмешке — и Соня поняла, что еще жива.

Она протянула руки, не утирая слез, струившихся по щекам... но Мать уходила от нее.

В чем я виновата?

Огромная кошка фыркнула, свирепо скалясь. И Рысь, что жила в сознании Сони, меньшая дочь Богини, сжалась в комок, чувствуя ее гнев.

Человек и Зверь устали друг на друга в упор, поверх разделявшей их Стены. Во взглядах были недоверие и обида.

Твоя жадность едва не стоила нам жизни, сестра.

Нет — всему виной твоя самоуверенность и беспечность! Я спасла нас обеих — и Мать знает это.

Человек и Зверь смотрели вслед исчезающей Богине.

Уверенный в своем праве, Человек попытался оттеснить Рысь за Стену.

Прочь! Прочь! Или ты не ведаешь, где твое место?

Но Зверь воспротивился с неожиданной силой — точно явление Матери придало ему решимости. И огненный бич выпал из рук Человека — и рассыпался роем огненных пчел.

Ты не смеешь! Ты и без того слишком долго держала меня взаперти!

Глупая кошка! Тебе от роду нет и трех лун — а ты берешься судить...

Рысь неожиданно заурчала — этот звук заменил ей смех.

Неужели ты думаешь, будто я явилась в твой дом, лишь когда ты вознесла мольбу в храме Матери? Но я куда древнее тебя... и была здесь вечно! Богиня лишь помогла мне обрести обличье — и разум. И открыла тебе глаза, дабы ты могла узреть меня! Кошка обнажила клыки. Она больше не позволит тебе запира́ть меня! Пришло время... Речь ее перешла в рычание — Богиня покидала своих детей, и они теряли способность понимать друг друга.

...Пришло время исполнить Обет!

Бесплотный голос, не принадлежавший ни Рыси, ни Человеку, рассыпался мириадами шорохов и шепотков, растекся струйками тумана.

Бесплотный смех разнесся, точно дым, и от него запершило в горле.

* * *

Девушка открыла глаза.

Сон еще туманил взор, но явь настойчиво вторгалась в сознание тысячами ощущений, запахов и звуков, оттесняя грезы, разрывая их и без того непрочную ткань.

Ощущение тепла. Слышится треск сучьев в костре. И аромат... упоительный аромат жареного мяса.

Взгляд девушки прояснился, сделался осмысленным. И, поскольку притворяться спящей не было никакого смысла, рука ее молниеносно метнулась к поясу.

Кинжалов не было!

Она рывком приподнялась, готовая сразиться с пленившим ее врагом, — но голова закружилась, багрово-черные круги поплыли перед глазами, и она вновь рухнула наземь.

— Вот твоё оружие, — раздался негромкий голос. Соня приподняла веки, но тьма по-прежнему застилала взор, мешая что-либо рассмотреть. Слева от нее, совсем рядом, лязгнуло железо, и по звуку она поняла, что это её меч и два метательных ножа.

Ни слова не говоря, она на ощупь принялась нацеплять оружие, один из ножей незаметно оставив, чтобы был под рукой. Если от незнакомца и не ускользнули её манипуляции, он ничего не сказал.

В глазах наконец прояснилось, и девушка обнаружила, что лежит на земле, укрытая плащом. Ря-

дом потрескивал костер. Над ним, на самодельном вертеле, поджаривалось мясо, аромат которого пробудил ее к жизни. Незнакомец сидел чуть поодаль. Один. Лица его она не могла рассмотреть.

— Кто ты такой? — Голос ее звучал хрипло и настороженно. Соня попробовала шевельнуться под плащом. Нет, ноги не связаны. Значит, это не враг. Однако таинственный спаситель появился в ущелье слишком уж вовремя! Что он мог делать в этом глухом месте среди ночи?

Бурная, полная опасностей и приключений жизнь девушки приучила ее не доверять никому и всегда готовиться к худшему. А в чудесные совпадения она попросту не верила!

— Мое имя — Калидор, — представился мужчиной. Он повернулся к ней, и в отблесках костра Соня заметила, что он очень хорош собой. Длинные черные волосы перехвачены на затылке, на манер наемников. Лицо смуглое, обветренное, взгляд карих глаз — немигающе-жесткий. Ее удивило, как чисто он выбрит, — такое нечасто встретишь в горах!

И одежда... Наметанный взор воительницы задержался на украшенной медными бляхами куртке-веллане, из тех, что носят в Заморе взамен легких доспехов, и на высоких походных сапогах. За голенищем в таких нередко прячут нож...

— Я — Рыжая Соня, — коротко представилась она в ответ.

— Рад познакомиться с тобой. Ты согласишься разделить со мной трапезу? — Не дожидаясь ответа, Калидор принялся нарезать мясо, затем достал

из походного мешка несколько лепешек. Девушка с удовольствием принялась за еду, не переставая исподволь наблюдать за новым знакомцем.

Наемник, но родом не из простых, с уверенностью сказала она себе. Сын обедневшего барона или ярла, каких сейчас множество скитается по свету в поисках богатства и приключений... Старинной работы меч в потертых ножнах и хорошие манеры, — должно быть, его единственное наследство.

Насытившись, Соня довольно вздохнула, чувствуя, как разгорается внутри огонек, разгоняя по жилам застывшую кровь. Головокружение прошло, от недавней слабости не осталось и следа. В сероватом свете нарождающегося утра девушка огляделась по сторонам.

Они оказались совсем недалеко от того места, где она приняла бой, — едва ли в сотне шагов, у самого выхода из ущелья. Здесь, в расселине между скалами, незнакомец разбил свой лагерь. Двое коней были привязаны поблизости — ее гнедая и крупный вороной жеребец с коротко остриженной гривой. Да, похоже, этот Калидор либо родом из Заморы, либо был там совсем недавно: так расширяют серебром упряжь именно в тех краях...

— Благодарю тебя, — с достоинством промолвила Соня, как велел ей воинский кодекс чести. — Ты спас мне жизнь и преломил со мной хлеб. Что я могу сделать для тебя?

Вместо ответа Калидор потянулся за своим походным мешком и извлек оттуда свернутый пергамент. Девушка с изумлением увидела на послании знакомую печать.

— Так ты принадлежишь Стае?

Воин покачал головой:

— Я не принадлежу никому, кроме себя самого. Но в храме Волчицы в Арэнджуне мне сказали, где тебя найти, и просили передать вот это.— Он протянул ей свиток.

Это объясняло, как Калидор мог оказаться на перевале Кривой Пасти. Но почему в Храме доверились чужаку? Она недоверчиво взглянула на мужчину, не торопясь взломать печать.

— Они узнали, что я ищу тебя, Рыжая Соня,— ответил он на невысказанный вопрос.— Полагая, моя история показалась им достаточно интересной. И жрецы согласились мне помочь.

Что ж... Тогда самое время узнать, что именно заинтересовало Волчицу! Соня вскрыла послание.

Лист выбеленного пергамента был испещрен черными значками, напоминавшими отпечатки на снегу; тайнопись Стаи ничего не сказала бы непосвященному, но Соня читала ее с той же легкостью, что и обычные лесные следы.

Однако чтобы проникнуть в смысл послания, недостаточно было знания символов: они образовывали между собой причудливые сочетания, являя в совокупности совсем иное значение, нежели взятые порознь. Так, знак *ххор* — «лось» — сам по себе означал силу. Два таких символа друг напротив друга — поединок. В сочетании же с «волком» — отступление... *Байга* — «ворон» — означал магию. А *маласар* — «охотничий пес» — поиски...

Пристально взглядевшись в пергамент и убедившись, что запомнила послание целиком, де-

вушка прикрыла глаза, восстанавливая его в памяти. Черные значки мгновение пребывали в неподвижности — и вдруг налились огненным светом и закружились перед ее внутренним взором, складываясь в единую, цельную картину.

Не глядя, Соня бросила письмо в огонь. Вспышка ослепительно белого пламени — и пергамент исчез. Только восковая печать с оскаленной волчьей пастью зашипела на углях, плавясь густыми кровавыми каплями.

— Итак,— повернулась девушка к Калидору,— ты искал меня, чтобы просить о помощи. Волчица желает, чтобы я отправилась с тобой. Остается только решить, захочу ли этого я сама.

— Но разве слово жрецов не закон для тебя? Ведь ты служишь им.

Поигрывая кинжалом зингарской работы, с вделанными в рукоять клыками рабирийских гудей, воительница нахмурилась:

— Я сама устанавливаю для себя законы... Но я в долгу перед тобой и постараюсь тебе помочь. Что за человека ты хочешь спасти? И какой магией владеет колдун, который держит его в плену?

— Колдунья,— поправил девушку Калидор.— Ее имя — Гедрен.

— Гедрен?! — Стиснув зубы, Соня метнула кинжал — и тот вошел прямо в трещину между камнями, в двадцати шагах от того места, где сидели они с Калидором.

Гедрен.

Так звали ведьму, чьи наемники несколько зим тому назад сровняли с землей горный храм Айн-

сор, убили всех жриц и похитили хранившуюся там святыню. Одной из жриц была Сониная сестра Ална...

— Тогда я пойду с тобой! Даже если мне преградят путь Дикие Псы Мангара! Даже если Мировая Бездна разверзнется под ногами и Предвечный Огонь спалит мою душу! — Полный решимости взор серых глаз мог бы обратить в лед кипящий гейзер. Девушке вспомнились бессонные ночи, что она провела, узнав о гибели сестры... клятва кровной мести, принесенная ею на жертвенном камне Белой Волчицы... долгие, изматывающие, бесплодные поиски убийц... — Расскажи мне все, что ты знаешь! — обратилась она к Калидору. — Где нам искать Гедрен? Что за сокровище она похитила в храме? И почему ты искал именно меня?

...Она была готова к любому ответу — но слова воина прозвучали громом с небес. Вскочив, она схватилась за меч.

— Ты насмехаешься надо мной?! Так издай гнев Рыси, лжец!

Калидор поднял руки ладонями к девушке:

— Прошу тебя, выслушай до конца! Твоя сестра не погибла с остальными — это правда! Клянусь, я и не думал смеяться над тобой. Иначе откуда мне было узнать о тебе, Рыжая Соня?

Воительница медленно опустила на свое место, не торопясь, однако, вкладывать меч в ножны. Горячий нрав, доставшийся ей от отца-гирканца, нередко брал верх над благоразумием, и сейчас она с трудом заставила себя успокоиться. Калидор был единственным, кто мог отвести

ее к Гедрен. Единственным, кто знал, что произошло на самом деле в ту роковую луну...

— Говори! — повелительно бросила она Калидору.

— Ална уцелела, потому что Гедрен нужна была жрица, которая научила бы ее обращаться с Талисманом Айнсор. Поэтому она увезла ее в свою цитадель. Там я и увидел твою сестру.

— В цитадели Гедрен? — Рука девушки вновь легла на меч. — А что ты делал там?!

Воин помрачнел. Между бровей залегла глубокая складка.

— Я служил Гедрен. Был наемником в ее отряде. Но, клянусь, — добавил он поспешно, — меня не было с ними в храме! Я никогда не поднял бы руку на жрицу Айнсор. — Он помолчал немного и добавил, в упор глядя на Соню: — Твоя сестра достойна тебя, Огнегривая! Хотя ты — воительница, а она — лишь жрица. Но она всеми силами противилась Гедрен. И не ее вина, что колдунья все же одержала победу.

— Что произошло?

— Она принудила твою сестру открыть ей тайну Талисмана и овладела его силой. Кристалл дал Гедрен власть над душами людей. И первыми ее жертвами стали мои товарищи по отряду. Ведь теперь воины были колдунье не нужны... — Калидор помрачнел. — Когда мы осознали, что происходит, то пытались освободить Алну. Только она могла бы направить силу Талисмана против Гедрен... Но ведьма опередила нас. Мне единственному удалось бежать из цитадели. Не знаю, что

стало с моими друзьями. Но я должен попытаться спасти их — и твою сестру!

Соня пристально взглянула на воина. Когда тот говорил о Алне, глаза его туманились и на губах появлялась чуть заметная улыбка. Ей сделалось жаль Калидора. Пусть они давно расстались с сестрой — но едва ли та могла измениться за эти годы.

У Алны было холодное сердце, точно навеки скованное льдами Ванахейма, и лишь Небесный Огонь мог воспламенить его, опалив священным жаром. Мирские страсти всегда казались чужды юной жрице. Ни один смертный никогда не будет значить для нее столько, сколько Вера!..

Впрочем, сказала себе Соня, отношения этих двоих ее не касаются. Довольно и того, что сестра жива. И она сделает все, чтобы спасти ее!

И добыть Талисман Айнсор... Белая Волчица желала получить сокровище древнего храма — поэтому жрецы и отправили за ней Калидора. Они знали, что никто лучше огнегровой воительницы не справится с этим делом, — ведь они сами обучали ее!

Но окажется ли напарник достоин ее?

Калидор, не замечая, что за ним наблюдают, потянулся, разминая затекшие мышцы. Затем поднялся и стал методично затапывать огонь.

— Мы заговорились — а время близится к полудню, — буднично заметил он. — Если ты твердо решила ехать со мной, то нам пора в путь.

— Ты прав, — кивнула девушка. Уверенными, экономными движениями она собрала свои не-

хитрые пожитки, проверила лук, упрятав его в сафьяновый футляр. Затем запрягла гнедую, с благодарностью отметив, что, пока она спала, Калидор успел позаботиться о кобыле не хуже, чем о своем вороном, и вскочила в седло.

— Как мы поедем?

— Сперва до перевала Большой Пасти. Пройдем его и заночуем в Архариме... А дальше — прямо на Полночь, в цитадель Гедрен.

— Через перевал? Но ведь он закрыт! Я слышала, когда гирканцы с севера осадили Султанпур, с ними были отряды кезанкийских горцев. Туранцы дали Орде отпор — и во время бегства колдуны обрушили там скалы...

Калидор покачал головой и ответил, садясь на коня:

— Проход остался. Мне говорил об этом Дейран, мой друг... мы вместе занимались к Гедрен. А до того он был с Брайтагом — как раз на этом перевале.

— Брайтаг? Кто он такой? — Соня не могла вспомнить, где слышала это имя. Кажется, оно мелькало в донесениях Волчицы.

— Разбойник самого низкого пошиба. Собрал шайку, занял опустевшую крепость на Большой Пасти — и теперь хозяйничает...

Тогда, должно быть, проход через перевал и впрямь существует. Иначе что бы делать там грабителям?!

— Ну что же. До перевала два дня пути. Пусть Брайтаг наслаждается жизнью — пока может! — Соня недобро усмехнулась.

Всадники тронулись с места. Отдохнувшие за ночь лошади перешли на рысь, радуясь возможности скорее выбраться из негостеприимного ущелья.

Снег, по счастью, прекратился еще с вечера, и весна, похоже, решила наконец напомнить, кто здесь хозяйка. Солнце робко тронуло лучами измерзшие за бесконечную зиму скалы, и чем дальше путники спускались в долину — узкий, зажатый меж серыми боками гор рукав, ведущий на Полдень, — тем более отрадная картина представала их взорам. Голубые звездочки первоцвета проглядывали среди пробивающейся травы. Кое-где виднелись и первые лайи, чьи лепестки, собирающие вечернюю росу, так ценятся магами и стареющими кратотками...

Скоро все здесь зазеленеет, расцветет пышным цветом, радуя глаз. Удивительная природа гор, торопящаяся насладиться недолгим теплом, — Соня никогда не уставала ею восхищаться. Но не сегодня...

Воительница крепко сжимала поводья. Серые глаза были темны, как аргосская сталь, и смотрели настороженно и хмуро в спину скачущего впереди всадника, то и дело подстегивавшего вороного жеребца. Она думала о пергаменте, брошенном в огонь, и о строчке в самом низу послания, сделанной рукой ее наставника и друга Севера.

Там был значок *звенн* — «голубь» — символ посланца. И стрела, указывавшая на опасность.

Это могло означать лишь одно:

Берегись того, кто доставит тебе это письмо!

Глава третья

ВЗаморе рассказывали, когда кезанкийцы бежали из-под Султанапура, спасаясь от одурманенных запахом крови и лотосовым порошком туранцев, их колдуны потрясли горы до основания, чтобы запереть вражеские войска на перевале. И скалы вырастали из-под земли, точно гигантские грибы, — и замуровали преследователей в настоящем каменном мешке. Немногие уцелевшие до сих пор тряслись, вспоминая об этой бойне. Пыль и песок, говорили они, затмили небеса на трижды по десять дней... А стоны похороненных заживо туранцев до сих пор слышатся из-под толщи скал...

Зная склонность горцев к преувеличению, Соня слушала эти повествования вполуха, не слишком доверяя пылу сказителей. Однако действительность превзошла все ожидания.

Верхом на изрядно уставшей гнедой, Соня выехала на последний холм, с которого открывался вид на перевал.

Взглянула — и не поверила своим глазам.

Перевала не было. Большая Пасть захлопнулась навсегда.

Там, где прежде вилось меж двумя крутобкими горами ущелье, высилось нагромождение огромных валунов. Черные, красные, синие, коричневые — они легли причудливой мозаикой, что невольно удерживала взор, заставляя вглядываться до рези в глазах, тщаь разгадать потаенный смысл узора. Но смысла в нем не было никакого. Просто гора камней.

Соня повернулась к Калидору:

— Ты уверен, что твой друг не ошибся? Здесь не может быть прохода. Взгляни сам!

Воин махнул рукой в сторону крепости, наполовину погребенной под обломками скал. К ней вела проторенная дорога.

— Проход существует. Но, боюсь, самим нам его не отыскать. Придется говорить с Брайтагом. По словам, путников он пропускает охотно — если они могут заплатить выкуп. — Калидор нахмурился. — Но с меня он навряд ли что-то получит.

— Тебе так хочется помахать мечом?

— Нет. — Воин помрачнел еще больше. — Я не люблю обнажать оружие, если можно без этого обойтись. Но мне нечем ему платить.

Соня уже хотела сказать, что денег Волчицы хватит им обоим: но тут в голову ей пришла куда лучшая мысль,

— Сделаем так. Я спущусь одна и постараюсь договориться с ним миром. Если мы поладим — я позову тебя. А если нет...

— Я буду поблизости, — сразу уловил ее замысел Калидор. — Попробую пробраться туда тайком и в случае чего приду на помощь! Нас всего двое против целого отряда: нужно использовать любое преимущество.

* *

Ее встретили у самого входа два заспанных охранника в полном боевом облачении. Суровый вид их явно призван был внушать путникам трепет — но от опытного взора Сони не ускользнуло, что пряжки на одежде не начищены, а алебарды давно не правлены. Дисциплина у разбойников, похоже, была не на высоте.

— Куда едешь, парень? — хмуро спросил ее старший. По счастью, в тени крепостной стены он не заметил, что перед ним — женщина.

Лицо стражника было иссечено шрамами, оттягивавшими вниз и на сторону всю левую половину лица, так что физиономия его казалась скроенной из двух неподходящих половинок, и Соне сразу вспомнился Анну, бог ночных кошмаров, которым ее пугали в детстве.

— В Архарим. — Ей вспомнилось, что Калидор упоминал какой-то городок по ту сторону перевала.

Стражники загоготали:

— В какой еще Архарим? Не видишь разве, что здесь творится? Или хочешь по воздуху перелететь?

Соня неторопливо спешила, с отвращением разглядывая разбойников.

— Чего я хочу — мое дело. А ваше — отвести меня к Брайтагу! И довольно болтать, не то живо языки укорочу! — И угрожающе взялась за меч.

— Но-но, ты поосторожнее! — Перекошенный мигот утратил доброе расположение духа. — Брайтаг и не таких осаживал! Так что если выкуп не уплатишь...

Он ухмыльнулся. При этом левая половина рта оттянулась еще ниже, придавая бандиту совсем уж гнусное выражение. В маленьких, глубоко сидящих черных глазках читалось злорадование.

Соня повела плечами, поплотнее запахивая плащ и украдкой проверяя, не выбилась ли рывая прядь из-под капюшона.

— Ладно, что зря языком трепать. Где Брайтаг?

— Лошадь-то оставь, — предложил младший. Соня смерила его презрительным взглядом:

— И не мечтай, недоумок!

Стражник равнодушно засопел. Он и не рассчитывал на удачу.

Втроем они двинулись через захламленный двор цитадели, к донжону. Соня неприметно озиралась по сторонам, делая выводы из самых незначительных мелочей.

Судя по величине конюшен, разбойников было не больше трех десятков. Причем они явно не нищенствовали: в кормушках у лошадей было вдоволь зерна; с кухни ветерок доносил аромат жареного мяса. Значит, проходом через завален-

ную Пасть пользовались не так уж редко и исправно платили разбойникам мзду. Вот только кто, интересно? Ни в Заморе, ни в Туране Соня ничего об этом не слышала...

Они подошли к донжону, и младший из стражников, наскоро перебросившись несколькими словами с напарником, вернулся на пост. Соня с Перекошенным продолжили путь.

Двери, закрывавшие прежде вход, давно были сорваны с петель и валялись поодаль, у стены крепости, полузасыпанные какими-то объедками, тряпьем и деревянными обломками. Кому и зачем понадобилось их снимать, оставалось загадкой. Но Соне это было на руку: теперь она могла спокойно войти под своды цитадели, по-прежнему ведя в поводу кобылу, оставлять которую на попечение стражников у нее не было ни малейшего желания. Судя по кучам засохшего навоза, украшавшим пол коридора, не ей первой пришла в голову эта мысль...

Откуда-то издалека доносился гул пьяных голосов, хохот, обрывки песен. Провожатый ускорил шаг. Должно быть, рад, что выпала возможность хоть ненадолго уйти с ворот и погреться у очага, пропустить баклагу-другую самодельного пойла... Девушка презрительно хмыкнула.

Ее взору предстал голый, замусоренный зал, освещенный укрепленными на стенах факелами. Там, собравшись вокруг огромного стола, пировала самая разношерстная компания, какую только можно было вообразить. Полтора десят-

ка громил в самых разных одеяниях, от горских меховых безрукавок на голое тело и войлочных штанов до пышных халатов лучшего Кхитайского шелка и украшенных вышивкой и кружевом зингарских рубах — поверх которых, правда, были надеты все те же мохнатые безрукавки. Все, конечно же, вооружены — кто саблями, кто короткими кофийскими мечами, кто кинжалами. С головы до ног увешаны золотыми цепями с амулетами — на бычьих шеях, на запястьях, на поясах и даже на лодыжках.

На звук шагов и цокот копыт по каменным плитам повернулись все разом, и Соня невольно поморщилась при виде испитых физиономий, грубых, с одинаковым хищным выражением. Вожак, восседавший на странном подобии трона, грубо сколоченном из нетесаных досок, был едва ли лучше остальных: огромный, заплывший жиром, закутанный в полдюжины покрывал самых разных материй и расцветок. Видно, слышал когда-то о королевских мантиях, но одной показалось маловато...

— Гость к нам пожаловал, — выступил вперед Перекошенный. Соня за его спиной накинула поводья гнедой на крюк в стене, завязав их особым, лишь ей одной известным способом. Теперь, если потянет кто чужой, затянется еще туже — а ей хватит и мгновения, чтобы распутать узел.

— Кто такой? — рявкнул вожак.

Ни слова не говоря, девушка прошла к столу на свободное место, небрежно скинув под

стол объедки, уселась и подтянула к себе кружку и кувшин с вином.

Воцарилась напряженная тишина. Уверенность ее явно пришлась разбойникам не по вкусу, однако задирать гостя они пока не осмеливались: ждали команды главаря. Тот утробно рыкнул, в упор глядя на Соню. Перекошенный поспешил спасти положение.

— Вроде свой парень, Брайтаг. Тебя по имени знает... На ту сторону хочет попасть!

Соня пожала плечами и отпила из кружки, словно и не замечая устремленных на нее жадных взглядов.

— Конечно, на ту сторону. Не к вам же гостевать. Вино у вас уж очень скверное!

— Ну нагле-ец... — Брайтаг хохотнул. И вдруг смех замер у него на губах. Он даже наклонился в своем кресле-троне, чтобы лучше разглядеть Соню. А затем торжествующе бросил своим головорезам: — Э, ребята, да вы хоть видели, что за птаха к нам залетела?!

Девушка надменно вскинула голову под удивленный гомон разбойников. Капюшон упал, и отливающие медью волосы рассыпались по плечам. Сидевший рядом громил попробовал было приобнять ее за плечи, но она оттолкнула его лапищу и привычным жестом двинула локтем в бок, так что тот только крикнул, со всхлипом вытягивая воздух.

— Волчица шлет тебе привет, — произнесла она негромко, в упор глядя на главаря. Жирная физиономия его скривилась и пошла складка-

ми, в которых бусинки глаз совершенно затерялись.— Огонь и Предвечное Небо...

— Вот оно что,— протянул тот. В голосе звучала настороженность. Видно, размышляет, какие силы стоят за странной гостьей и насколько она может быть опасна.— На ту сторону, значит, собралась?

Соня кивнула.

— Что ж, будет тебе та сторона.— Теребя висевший на шее огромный медный ключ, он кивком указал на полог из тяжелой ткани, скрывавший боковой коридор. Должно быть, ход через завал начинался именно там.— Брайтаг от своих обязательств не отказывается. Заплатишь — пройдешь.

Пока все шло, как она и ожидала. Воительница чуть заметно расслабилась. Теперь нужно дать Калидору время незаметно проникнуть в крепость, а заодно и выведать у разбойников поподробнее, что же здесь происходит. Волчица будет благодарна за эти сведения...

Кроме того, ей не мешало бы подкрепиться. От одного вида жареного мяса, щедро, огромными кусками сваленного в центре стола на глиняном подносе, у девушки потекли слюнки.

— Позволишь? — Она указала на еду.

— Угощайся,— милостиво разрешил разбойник.

Остальные, уверившись, что ни драки, ни какой иной забавы в ближайшее время не предвидится, с новым усердием принялись налегать на выпивку.

Мясо оказалось сочным, на удивление удачно сдобренным травами, так что даже Соня, с

ее немалым опытом, не сумела различить все ароматы. При других обстоятельствах она не преминула бы заглянуть на кухню... Но сейчас на это надеяться не приходилось.

— Какие новости с Заката? — поинтересовался у нее один из разбойников, лопоухий парень в потертой кожаной куртке, зашнурованной на голой груди. Светло-русые волосы выдавали в нем уроженца тех дальних краев. Взгляд казался чуть более осмысленным, чем у его собратьев.— Что слышно из Аквилонии?

Соня ощерилась, как всегда, когда слышала ненавистное название.

— Недолго им осталось. Пикты развели костры — скоро там все запылывает, как в ночь летнего солнцестояния! Успевай только хворост подбрасывать...

Разбойники встретили ее слова радостным гомоном.

— Будь проклята Аквилония! — завопил кто-то.

— Будь они все прокляты! — поддержал другой.

Вино хлынуло в подставленные кружки, миглом осушенные и наполненные заново.

— Пусть пикты сотрут их всех с лица земли!

— И выжрут им мозг!

Светловолосого заметно передернуло. Он с ненавистью взглянул на Соню.

— У меня родня в Шамаре. Мать. Сестренка — такая же вон, как ты...

Девушка встряхнула головой, демонстративно наполнила кубок и осушила до дна.

— Пью за их здоровье. Что же ты тогда здесь, а не там... храбрец?

Разбойник открыл было рот, чтобы что-то сказать, но внезапно передумал и отвернулся.

Вновь подал голос Брайтаг:

— Значит, говоришь, Медведь двинулся Волчице навстречу?

Соня кивнула.

— А за Вилайетом Пардус точит когти.

Вожак разбойников потер руки, точно готовясь взяться за меч.

— Славная будет драка!

— Тебе-то что, — не удержалась девушка. — Отсидишься здесь, на перевале. А потом уж налетите, как стервятники...

Брайтага, похоже, слова ее ничуть не задели. И Соня невольно подумала, что недооценила его. Разбойник отлично знал, что делает, по-своему оценивая ситуацию и строя лишь одному ему ведомые планы. Вопрос только, как планы эти совпадут с замыслами Стаи. Уж если Предвечное Небо могло исторгнуть из себя лавину камней, что погребли перевал, то на жалкого смертного у Него и подавно сил хватит.

А может, и вмешательства Небес не потребуются. На это и нужны такие, как она, в конце концов.

Почувствовав, что насытилась, Соня довольно потянулась. По ее расчетам, время перевалило за полдень. Стоило поторопиться, если они с Калидором хотят добраться до Архари-ма засветло. Там можно будет задержаться на

денек-другой, привести себя в порядок, узнать последние новости и решить, куда двигаться дальше...

— Благодарю за гостеприимство, — как могла любезно молвила она Брайтагу. — Да благословит Огонь твой кров. И да не оставит тебя Небо. Мне пора. Объясни, как мне пройти через завал.

Но разбойник явно не спешил расставаться с гостьей. Ухмылка прорезала его толстые щеки, глаза заблестели, и Соня вмиг подобралась, почуяв неладное, и незаметно нащупала под плащом рукоять меча.

— Не слишком ли ты торопишься, красотка? Что за ветер подгоняет тебя в спину? Задержись на денек-другой. Позабавишь нас рассказами о том, что творится внизу.

— Спасибо за приглашение. Но я не бродячий певец, чтобы вас потешать. К тому же я тороплюсь.

— Надеюсь, не настолько, чтобы забыть о выкупе.

А, вот оно что...

Соня со вздохом полезла за кожаным кошельком, привязанным к поясу. Головорезы при виде золота заметно оживились, но главарь с усмешкой покачал головой, знаком велел остальным молчать.

— Э, как дешево ты нас ценишь, красотка! Настоящие мужчины не берут денег с женщин!

Проклятье! Это сборище было ей омерзительно, от первого человека до последнего — но уби-

вать их не хотелось. Она все же разделила с ними пищу и вино...

Кроме того, их слишком много. Пусть даже она не сомневалась, что сумеет справиться со всеми, но риск был велик. Осторожность велела не ввязываться в драку, если этого можно было избежать. Конечно, во времена бесшабашной юности она думала иначе... но тогда кровь струилась по жилам быстрее, запах крови дурманил голову и каждый бой был праздником. С годами она приучилась больше ценить жизнь — и свою, и чужую.

— Разойдемся миром, Брайтаг,— предложила она спокойно, незаметно отодвигая скамью, на которой сидела, так чтобы вскочить можно было в любой момент.— Я заплачу выкуп — и мы расстанемся. Или ты желаешь изведать гнев Волчицы?!

Если она и надеялась, что упоминание грозной Богини пробудит в сердце разбойника осторожность, то теперь видела, что просчиталась.

Потирая руки, тот поднялся на возвышении, выпятив необъятное пузо. Шайка переводила жадные взгляды с девушки на вожака, ожидая неминуемой и приятной развязки.

— Никто и не думает гневить Великую.— Голос грабителя сделался масляным. Маленькими шажками он спустился в зал и двинулся к девушке.— Ты все правильно сказала: заплатишь выкуп и двинешься в путь. Как же иначе? Никто и не подумает держать тебя здесь против воли... Если только ты сама не надумаешь

остаться. Кто знает — может, тебе у нас понравится?

Разбойники загоготали. Соня медленно поднялась с места, в упор глядя на предводителя.

— Ты играешь в опасную игру, Брайтаг.

Толстяк был уже в пяти шагах от нее.

— Это еще не игра, детка. Игра будет там, наверху. Сперва со мной. Потом еще с парой-тройкой моих приятелей. Кто знает, если ты мне угодишь, я, может, даже позволю тебе выбирать.

Остальные разбойники тоже стали подниматься с мест, готовые броситься на девушку. Если она не остановит их сейчас — начнется свалка. А она в самом невыгодном положении. Некому прикрыть спину. И гнедая слишком далеко. Вскочить хотя бы в седло — тут она бы им показала... Но пока главное — ничем не выдать растерянности.

Голос Сони сделался холоден, как вода подолом. Серые глаза полоснули сталью.

— Ты слишком торопишься, Брайтаг. Я не из тех, что готовы принадлежать кому попало. Я поклялась, что взойду на ложе лишь с тем мужчиной, кто победит меня в честном бою.

Конечно, никаких столь нелепых обетов она не давала! Но это был единственный способ схватиться с ним один на один. Ее единственный шанс.

Разбойники, похоже, поверили. Или, по крайней мере, их возбудило обещание нового, неви-

данного зрелища. Главарь против рыжей красотики... Еще бы!

— Так за чем же дело стало! — под общий гомон выкрикнул Брайтаг. — Надеюсь, оба моих меча придутся тебе по вкусу! — И, к буйному восторгу дружков, демонстративно почесал промежность.

Не обращая внимания на оскорбительные выкрики, Соня бросила:

— Поклянись тогда, что твои приятели дадут мне уйти, если я тебя убью!

— Вы слышали? — Разбойник загоготал, выхватывая клинок. — Если она меня прикончит — пусть уходит!

Ответом было дружное ржание и вопли: «Клянемся!»

Не тратя больше времени на болтовню, Соня нанесла первый удар.

Брайтаг неплохо владел мечом. Как видно, учился когда-то у хороших мастеров. Но со временем заплыл жиром, утратил былую сноровку. Да и не мог же он всерьез драться с женщиной! Особенно с той, которую надеялся вот-вот уложить в постель! И потому бой он начал играючи, с грубыми прибаутками и сальными шуточками, которые его дружки каждый раз встречали взрывами хохота.

Удар он отбил без труда — но она и нанесла его вполсилы. А дальше началась пляска — вокруг стола, у очага, по всему залу. Разбойник был намного крупнее и меч у него длиннее, чем у Сони на добрую ладонь-полторы. Так

что поначалу ей скорее нужно было его измотать — а заодно как можно ближе подобраться к лошади.

И то и другое удалось ей без особого труда. Толстяк вскоре начал задыхаться... и постепенно приходил в ярость. Выпады его делались все более резкими, и пару раз гибкая, как кошка, Соня с трудом уходила из-под удара. Самой ей удалось нанести вожаку пару чувствительных царапин — отчего он озверел еще больше. Собравшиеся кольцом разбойники завывали и улюлюкали, поддерживая непонятно которого из двоих бойцов.

Проклятье! Нога у девушки подвернулась на каких-то объедках. Воспользовавшись ее мгновенным замешательством, противник сильным ударом снизу выбил клинок у нее из рук. Но, вместо того чтобы приставить ей острие меча к горлу, торжествующе взревел:

— Ну что, довольно с тебя?

Ни теряя ни мгновения, вспомнив все уроки Храмовой школы, Соня с силой оттолкнулась от пола.

Зачарованные, разбойники проследили взглядом, как она взмыла, подобно птице, и перевернувшись в воздухе, приземлилась прямо за спиной у вожака. Миг — и клинок вновь у нее в руках...

Еще не успев ничего понять, Брайтаг обернулся...

И лезвие меча вошло ему в грудь по самую рукоять.

Разбойник захрипел. Кровь запузырилась на вмиг почерневших губах. И грузное тело осело на каменный пол — так что Соня едва успела вырвать из раны клинок и сорвать с жирной шеи тяжелый ключ на шелковой ленте.

Не теряя времени понапрасну, она бросилась к лошади, подхватила поводья и вскочила в седло.

Разбойники, лишившиеся жоака, все еще пребывали в замешательстве. Молниеносно оценивая ситуацию, Соня подумала, что, возможно, успеет проскочить — и направила гнедую прямо к проходу, укрытому тяжелой завесой.

Но вослед ей донесся истошный вопль:

— Держите ее, парни! — Она узнала голос шамарца. — Не дайте ей уйти!

Те, что оказались ближе всех, кинулись навстречу, отрезая выход. Другие подоспели сзади. И началась драка.

Кобыла гарцевала, лягаясь передними и задними копытами, кусаясь и отталкивая самых ретивых. Соня без устали вскидывала и опускала меч, поражая врагов. Они с гнедой были отличной парой! Но этих ублюдков оказалось слишком много...

Чьи-то цепкие руки хватали ее то за ногу, то за полу плаща, норовя стащить с седла. Разворачиваясь, она рубила не глядя — и руки отпускали. Но тут же нападали с другой стороны.

Она не видела, кого убивает, не различала лиц, да ей и не было дела до этого, гореть им всем в Огне! Лишь одного приветствовала гор-

дым победным кличем — воющего от боли шамарца, зажимавшего окровавленную культю, из которой толчками выбивалась алая кровь.

Даже в пылу боя Соня не забывала о цели. Как ни старались ее оттеснить — она все ближе пробивалась к проходу. Как вдруг с другого конца зала донесся гомон, возмущенные вопли, бряцание стали... и сердце у Сони упало. Это спешили на подмогу товарищам остальные разбойники — не меньше десятка. Должно быть, слышали шум драки и сбежались кто откуда...

Выругавшись сквозь зубы, она с удвоенными усилиями стала пробираться к выходу. Теперь это была ее единственная надежда... Но клинки уже повсюду свистели в воздухе, и на крупе кобылы вспухало несколько неглубоких рубцов. Ее саму меч царапнул по ноге, разрезав сапог, но, к счастью, не поранив. И она чувствовала, что начинает выдыхаться...

Рысь металась, рычала и била хвостом — но, пока всадница оставалась в седле, толку от кошки было мало. И Соня лишь постаралась взять от своей звериной сути всю силу и злость. Но теперь ей начинало казаться, что и этого будет недостаточно.

Как вдруг...

Стук копыт из дальнего коридора, ведущего наружу.

Всадник на черном как смоль жеребце врывается под своды донжона, и в зале вмиг делается тесно.

Меч вспыхивает в руке, словно язык синего пламени.

— Держись, Соня! — Он пробивается к ней.

На мгновение опешившие, разбойники застывают — и, опомнившись, бросаются на неожиданного врага. Но он сумел воспользоваться внезапностью. Вот он уже рядом с Соней. И они бьются бок о бок, прикрывая друг друга...

— Сюда! — выдыхает девушка, первой устремившись в проход. Калидор следует за ней, сдерживая натиск грабителей.

Увидев массивную решетку, преграждавшую путь, Соня заскрежетала зубами.

— Держись, сколько сумеешь! — С этим криком она соскочила на землю и, на ходу нащупывая в кармане штанов ключ, сорванный с шеи Брайтага, бросилась вперед.

Руки дрожали, замок никак не желал поворачиваться... Наконец-то!

Не дожидаясь приглашения, гнедая протиснулась в образовавшуюся щель.

— Сюда! Скорее! — закричала Соня Калидору. Тот, разрубив очередного противника, обернулся и ринулся к ней. Оказавшись в безопасности, воин соскочил на землю и вместе с девушкой налег на тяжелую решетку, задвигая ее на место. Разбойники уже торопились к ним. Трясущимися пальцами Соня замкнула замок, с трудом уворачиваясь от бьющих сквозь прутья клинков. Спасены!..

Поток ругательств обрушился им вслед. Оставшиеся в живых головорезы раскачивали ре-

шетку, словно тщились вывернуть ее с корнем. Не оглядываясь, Соня и Калидор вскочили в седло и пустили лошадей в галоп. Разъяренные вопли еще долго неслись им в спину, тысячекратно усиленные гулким эхом туннеля.

Отдышавшись, Соня смогла наконец оглядеться по сторонам. Редкие факелы, укрепленные на стенах давали достаточно света.

Проход в толще скал, похоже, был выжжен мощной струей огня. Об этом говорила безупречная гладкость стен и оплавленные потеки на камнях. Но какая сила могла сотворить подобное?..

Внезапно Калидор, все это время скакавший чуть позади, вырвался вперед — и в тот же миг ослепительно белое сияние охватило его фигуру. Соня хотела что-то крикнуть... но возглас замер у нее на устах.

На одно бесконечно долгое мгновение она очутилась в странном, перевернутом мире. Гнедая по-прежнему неслась во весь опор, но стук ее копыт не доносился до слуха девушки, и ей казалось, они не двигаются с места, — а потом потоки тьмы и света, перемежаясь, понеслись мимо с головокружительной скоростью, словно каждый шаг переносил всадницу и лошадь на тысячи лиг вперед.

Рысь торжествующе взывала, желтые глаза вспыхнули, и Соне показалось: даже если она сейчас зажмурится — то все равно будет видеть... глазами Кошки. Как будто на миг они поменя-

лись ролями, очутившись в мире, где именно Рысь была госпожой, а Человек — ее безвольным рабом. Еще немного, и его заперли бы за Стеной... но последним усилием воли Соня сумела этому помешать.

В ушах у нее звенело и грохотало — словно шумел совсем рядом, низвергаясь с безумной высоты, водопад... а может, то был рысий рык. Она уже не знала, своими глазами смотрит, или ее — впрочем, все равно не видела ничего, ослепленная потоками стремительного света. Может, это свет падал и гремел, подобно водопаду? Или камни обратились в сверкающую воду?..

Образы, обрывки слов, осколки видений мелькали перед ее внутренним взором и слухом, сливаясь и распадаясь, лишены смысла. Это было похоже на сон — если бы не оставляло такого пугающего ощущения *нереальности*... но ведь во сне такое невозможно; там все кажется слишком *истинным*.

Оглушенная и ослепленная, окончательно утратив ориентацию, Соня едва не покатилась кубарем с лошади, когда та внезапно вынесла ее из мрака туннеля на свежий воздух. Еще долгое время ее трясло крупной дрожью, как в лихорадке, и она дышала тяжело и надрывно, словно долгое время была лишена воздуха. Наконец она обернулась к Калидору, пораженная тем, что спутник ее выглядит немногим лучше ее самой: девушке почему-то казалось, что это испытание выпало только на ее долю. Но взгляд

его был затуманен, словно у тяжелобольного, а смуглое лицо посерело.

— Что... — Голос ее сорвался. — Что случилось?

— Откуда мне знать, — сиплым шепотом отозвался воин. — Магия, должно быть.

Бр-р... Соня до сих пор не могла прийти в себя от потрясения.

А вот Рысь, напротив, чувствовала себя как нельзя лучше. Словно колдовство горцев было чем-то сродни ее собственной загадочной природе. И девушка пожалела, что так мало знает о том, *что*, собственно, произошло с ней три луны назад в затерянном в горах храме, где она приняла Посвящение богини, о которой прежде никогда и ни от кого не слыхала.

Если бы можно было вновь вернуться туда, расспросить неприступных жриц — возможно, те сумели бы открыть ей природу Зверя, что с того самого дня прочно поселился в ее сознании, с каждым днем отвоевывая себе все больше места... Узнать хотя бы, не грозит ли ей опасность, не утратит ли она свою человеческую суть, не потерпит ли поражение в схватке...

Но мысль эта задержалась в мозгу лишь на краткий миг — а в следующий Соня содрогнулась, ибо ей открылась ужасающая истина, сокрытая от нее доселе, но от того не менее горестная.

Это *знание* дала ей Рысь. Но... откуда *она* получила его?!

И было ли то правдой — или ведьмовским мороком?..

Был только один способ проверить это.

Соня направила гнедую навстречу Калидору и, подъехав к нему совсем близко, заглянула воину в глаза, которые теперь совсем не казались ни сонными, ни больными...

— Ты обманул меня, наемник! Теперь я знаю это.— Голос девушки звучал не громче шелеста травы, но она заметила, как напрягся Калидор, слышав ее.— Ведь Ална давно мертва... Не правда ли?

Глава четвертая

Городок Архарим оказался грязным и неуютным. Зажатый с двух сторон горами, он вытянулся в длину, точно жирная серая ящерица, караулящая муху. Крепостных стен не было и в помине — да и кому бы пришлось в голову защищать это скопище убогих глинобитных хижин... и кому пришлось бы в голову пытаться его завоевать?! Даже дома местных богачей представляли собой одноэтажные неуклюжие строения, сложенные из грубо обтесанного серого камня, исподобья вззирающие на мир окошками-бойницами. Их окружали приземистые каменные заборы. На плоских крышах было разложено сено для просушки. Козы толклись во дворах, беспрепятственно входя во все двери.

— Ф-фу,— невольно выдохнула Соня. Всем ее мечтам отдохнуть и понежиться в тепле и уюте стремительно приходил конец.— Что за отвратительное место!

Козы, все в репьях, со свалывшейся шерстью. Шелудивые собачонки с визгливым лаем гоня-

ются друг за дружкой. Люди на улицах появляются редко — и ни у кого не встретишь обычной размашистой походки. Семяят, втянув голову в плечи, распространяя аромат немытых тел и тысячи болячек... От очагов, разложенных прямо во дворах, тянет гарью и прогорклым жиром.

Две женщины переругиваются с порогов домов. У одной, похоже, пропал петух — а у соседки что-то вдруг запахло похлебкой. Да откуда та взяла мясо, если они уже вторую луну одной травой кормятся... Вторая возражает. В спор радостно включается третья — и вот уже вся улица голосит надрывно, и слова теряются в мутном потоке брани.

Да и дети здесь ничем не уступают взрослым. Отовсюду доносятся визгливые вопли, нытье и непрекращающийся рев. Соня поежилась, точно злора и отчаяние, витавшие тут в самом воздухе, могли запятнать ее.

Небо! Да как они здесь живут?!

Тощая девица с немытыми, наверное, года два волосами, заплетенными в неимоверное количество косичек, на которой, как на столбе, болталось выцветшее платье с полуоторванным рукавом, на вопрос, как добраться до ближайшего постоянного двора, хмуро ткнула пальцем вниз по улице, не переставая отскабливать от плоского круглого камня прижарившуюся лепешку.

Соня, представив, что за кухня ее ждет нынче вечером, страдальчески вздохнула. Ве-

лик был соблазн прикупить еды и отправиться ночевать куда-нибудь в горы — но это едва ли было разумно. Ночи все же стояли холодные, а ей и без того последние седмицы приходилось спать на голой земле. Не спасал даже теплый плащ и тончайшее, набитое легким пухом, невероятно теплое одеяло, подаренное в Храме Волчицы к северу от Вилайета, где ей довелось как-то побывать, отвозя очередное послание Старших.

Ниже по улице показалось вжавшееся в землю каменное строение, откуда доносился гул голосов, перемежавшийся пьяными выкриками. Поскольку это был единственный столь шумный дом на всю округу, Соня не без оснований предположила, что это и есть искомый постоянный двор. Слуг во дворе не обнаружилось, и ей пришлось самой отвести гнедую на конюшню, где уже стояли привязанными два жеребца. Вороного, правда, среди них не оказалось... но Соня на это не слишком-то и рассчитывала.

Оставлять свою лошадь без присмотра желания не было — хотя девушка знала, что прекрасно обученная кобыла скорее затопчет чужака до смерти, чем даст себя увести, несмотря на свой неказистый вид.

— Потерпи, Подружка. — Соня дружески хлопала ее по крупу. Лошадь всхрапнула, словно ей тоже это место не внушало особого доверия. — Сейчас вернусь и займусь тобой как следует...

Обеденная зала постоялого двора оказалась именно такой, как Соня себе и представляла. Пахло чем-то кислым и горелым одновременно. На полу было разбросано сено — якобы для чистоты, но его никто не менял уже невесть сколько времени, и оно начало преть. Два длинных стола с лавками из неоструганных досок стояли вдоль стен. За левым гуляла подвыпившая компания — шестеро пастухов в меховых накидках и смешных круглых шапках со свисающими по боками хвостиками. Пастухи были, как на подбор, бородатые, тощие и неимоверно шумные. Видно, за долгие луны, что проводили в одиночестве в горах, они успевали отвыкнуть от общества себе подобных — а привычка перекрикивать ветер, созывая стадо или клича собак, оставалась...

Правый стол стоял пустым. Лишь в дальнем конце, ближе к огромному, во всю стену очагу, сидел какой-то старик, гревший руки о дымящуюся глиняную кружку.

Один из пастухов окликнул Соню зычным голосом:

— Кого ищешь, красавица?

— Хозяина, кого же еще!

Пастух поднялся с места.

— Я хозяин. На постой просишься — или только на ужин?

Лишь теперь она заметила, что он одет иначе, чем остальные: без шапки и без накидки, в одних холщовых штанах и рубаше, и в деревянных сандалиях на босу ногу... Лет пятьдесят на

вид, седоусый, улыбающийся. Крючковатый нос, густые черные брови, от глаз лучиками разбегаются морщинки. Судя по виду, постояльцев во сне резать не станет...

Соня улыбнулась ему в ответ, подходя чуть ближе.

— А что, обязательно надо выбирать? Или можно получить и то, и другое разом?

Немудреную шутку подвыпившая компания оценила, разразилась хохотом, повторяя на все лады. И Сонино сердце невольно смягчилось при виде их детской радости. Может, не такой уж он и скверный, этот городишко...

Хозяин постоялого двора широко ухмыльнулся шербатым ртом:

— Получишь все, за что сможешь заплатить.

— За этим дело не станет. А чем покормишь?

Смуглый лоб пошел складками. Длинный нос вытянулся, приплюсываясь.

— Не, не готово пока, — наконец вынес седоусый свой приговор. — Мясо мы в углях печем. Ардаут принес. — Он ткнул пальцем в гордо расправившего плечи соседа. — Только еще чуть подождать придется.

— Договорились. Я пока лошадь почищу. Воды где взять?

— Да там, в конюшне и возьми...

Хозяин вновь взялся за кружку. Как видно, мысль о том, что гостья будет сама заниматься своей лошадкой, ничуть его не взволновала. Равно как и то, что все съестное на вечер принесли

его же гости. Интересно, это у них в порядке вещей — или просто ей так повезло?

Качая головой, Соня вернулась в конюшню. Впрочем, сердиться сил уже не было...

Гнедая встретила ее радостным ржанием. Оба жеребца подозрительно жались к стенам: должно быть, попытались проявить нежные чувства и получили законный отпор. Это Соне в Подружке особенно нравилось. Еще ни разу та не взглянула на другого коня иначе как с неприязнью и высокомерием, ни с кем не сводя дружбы, ни с кем никогда не заигрывая. Ей, похоже, вполне хватало общества хозяйки и своего собственного.

Распаковав одну из седельных сумок, Соня достала скребницу и принялась за работу. Сперва ослабить подпругу и чуть приподнять седло — пусть спина у лошади понемногу остынет. А то ведь потная — враз простудится. Затем снять узду, проверить, не натерла ли гнедая губы.

Она сходила за водой: у самых дверей, и правда, нашлось деревянное ведро, полное почти до краев. Сняла остальную упряжь, предусмотрительно отставив подальше. А то у Подружки была скверная привычка — тереться о седло потной мордой. Оно, понятно — чешется... но совесть все же иметь надо! Так она и сказала кобыле. Та оскалила желтые зубы: поняла, что над ней смеются.

Аккуратно и тщательно Соня прошлась по влажным бокам скребницей, счищая пот и грязь.

Проверила копыта, выковыривая попавшие камешки. Подковы пока в порядке, слава Небесам. В этом захолустье она бы никакому кузнецу не доверилась!

Потом пришел черед воды. Затем — вытереть насухо пригоршней соломы... Соня отступила на шаг, любуясь лоснящейся гнедой. Просто заглядение!

Интересно, а корм засыпать гости тоже должны сами? Соня огляделась по сторонам, но ясли были пусты, и никаких запасов что-то было не углядеть. Но тут за дверью конюшни послышались шаги. Хозяин.

— Я так подумал... то есть — парни сказали... — Язык у него слегка заплетался. — Лошади-то, небось кушать хотят. Вот и Вентара жеребчик голодный... Он потрепал по холке одного из жеребцов. — И Ардаут тоже говорит — иди, покорми...

Он глубоко задумался, переводя затуманенный взгляд с одной лошади на другую, словно размышляя, так ли уж они голодны, как утверждали их владельцы, и не потерпят ли еще денек...

— Правильно они тебе сказали. Давай помогу. Где тут у тебя что?

«Что» оказалось за боковой дверью, открыть которую седоусому стоило огромных трудов, так что в конце концов девушке пришлось взять бразды правления в свои руки. С ее помощью и вопреки всем усилиям хозяина лошади получили по полной порции овса и довольно захру-

пали, не обращая больше на людей никакого внимания.

В обеденном зале, по счастью, перекрывая остальные запахи, стоял аромат жареной баранины и трав. Не дожидаясь приглашения, девушка под села к пирующим пастухам, ясно понимая, что, стоит ей устроиться отдельно, как на ужин можно будет махнуть рукой. Забрав себе щедрую порцию мяса и полкувшина вина, она отодвинулась на другой конец стола и, довольная, принялась за еду.

Горцы продолжали что-то громогласно рассказывать, перебивая и не слушая друг дружку, но Соня уже настолько привыкла к раскатам их голосов, что ни на что уже не обращала внимания. Как вдруг вздрогнула, поняв, что обращаются к ней:

— Эй, красотка, заснула, что ли?

Она подняла голову.

— Чего вам?

— Откуда едешь-то?

Соня пожала плечами:

— С Заката.

— Ишь ты... А не врешь? Перевал-то закрыт.

Шесть одинаковых черноглазых, смуглых лиц смотрели на нее беззлобно и с интересом, как на забавного зверька. Как видно, обсудили уже все доступные темы — погоду этой зимой, прошлым летом и за два года до того — и решили поискать иных развлечений. В обычное время Соня бы оборвала их вежливо, либо не слишком... по настроению. Но сейчас она была

рада возможности немного поболтать и заодно разузнать, что тут вообще творится. Ей не доводилось бывать в этих краях уже несколько зим.

— Кому закрыт, а кому и нет... Или сами не знаете? Соль вам разве не из Заморы везут?

Это было ее догадкой, но девушка говорила уверенно. Пошлины на соль в Туране за последнее время возросли неимоверно, и бедняки давно забыли ее вкус. А здесь, она заметила, мясо было посолено изрядно.

Пастухи хитро заухмылялись, пьяно подмигивая Соне: поняли, мол, что свой человек. Всякое стеснение тут же ушло, ей усиленно принялись подливать вина.

— А чего в наших краях ищешь?

Соня задумалась. Наемников мирный люд побаивался, а пугать архаримцев ей совсем не хотелось. На такой случай у нее давно было готово расхожее объяснение:

— Знахарка я. Брожу по городам и весям, учусь.

— Знахарка, говоришь? Это дело. — Пастухи одобрительно закивали. Знахарей здесь ценили, хотя и сторонились слегка, как любых ученых людей. Оставалось надеяться только, что никто из них не примется жаловаться на какие-то свои болячки, — хотя Соня была уверена, что, в случае чего, не ударит в грязь лицом. В травах она все же кое-что смыслила.

— А что за праздник у вас? — поинтересовалась она в свою очередь. Хорошие все же нравы здесь, в Кезанкии! Люди ценят прямоту и простоту. Если что-то хочешь узнать — спрашивай. Не понравилось что — бей. Не сравнить с южанами. Там один только ритуал приветствия может длиться добрых полсвечи — до тех пор, пока скулы сводить не начнет от зевоты. — Я думала, в это время все уже на выпасах.

Горцы одобрительно заушали. Вновь совершил круг полный кувшин вина.

— Верно подметила, красавица. Припозднились мы в этот раз. Скот торговали. — Глиняные кружки взметнулись разом, расплескивая бордовую жидкость. — За удачу!

Соня также поднесла кружку ко рту. Вино было совсем молодым, не то чтобы совсем скверным, но со скудным букетом, не слишком ароматное. Хотя под барашка годилось и такое.

— За вашу удачу... Покупали или продавали?

— Покупали. — Сидевший ближе всех к Соне горец с такими длинными висячими усами, что они едва ли не ложились на расшитый ворот льняной рубахи, наклонился к девушке, обдав ее ароматом чеснока и винных паров, и доверительно прошептал: — С Полуночи народ. С мест все снимались. Быстро бегут, все с собой тащат. А куда им — с овечками-то?.. Вот овечек мы у них и взяли. Да по

дешевке, скажу тебе, взяли... А руно у овечек — ну чистый шелк... что твои косы, красавица, правду говорю! — И довольно чувствительно тряхнул ее за рыжую прядь, словно в подтверждение своих слов.

Соня нахмурилась. Беженцы с Полуночи! Вот так новость!..

— Откуда же они бегут — не говорили? Это не с земель Гедрен?

Пастухи принялись испуганно переглядываться между собой, и девушка подумала, что поспешила с вопросом. Теперь, не ровен час, горцы совсем замкнутся... Но выпивка, как видно, победила осторожность, да и устоять перед очаровательной гостьей не было сил.

— Земли те не ее, — важно поправил Соню вислоусый. — У нее земель своих и нет вовсе — один замок на горе.

— Вот как? — удивилась девушка. — Разве не она правит в этих краях?

— Никто нами не правит, — возразил Венгар — чуть помоложе остальных, с длинными вьющимися волосами. Весь вечер он не сводил с Сони горящих глаз и, похоже, жалел, что сидит так далеко от красавицы... однако, хвала Небу, дальше взглядов и сожалений дело не шло. Соне не хотелось бы ссориться с гостеприимными хозяевами. — Тут у нас — земли вольные...

— А почему же тогда народ в бега ударился? — Чем дальше, тем меньше девушка понимала в происходящем. — Чего они испугались?

Пастухи одновременно пожали плечами. Вислоусый притянул непочатый кувшин и стал разливать вино.

— Кто их знает. Они не говорят — а мы обо и не пытали. Овечек купили — и то славно.

— А я слышал, — подал голос другой, — будто душегубица совсем умом тронулась. Мол, девок к себе в замок забирает — каждую, почитай, седмицу. А потом от девок тех ни слуху ни духу... Да еще...

Сосед ткнул его локтем в бок.

— Помолчи, Беркет, добром прошу! Не знаешь — не говори!

— И то правда, — загудели остальные. — Что попусту болтать...

— Все равно, — в упор посмотрел на Соню вислоусый, — ты, знахарка, смотри, поосторожнее. В те края не суйся. А то угодишь в самое пекло, пропадешь ни за что! Сворачивай-ка лучше к Полудню. Там тебе и работа, и обучение. А на Полуночи что — камни одни!..

Соня была благодарна им за заботу — но главное она уже успела услышать. В замке Гедрен что-то происходит. Оставалось только выяснить, что именно и как это связано с талисманом... и с Алной.

Да, с Алной.

Соня испустила тяжкий вздох, поняв, что ей все равно никуда не деться от мыслей, от которых весь день сегодня пыталась укрыться то за злостью, то за мелкими хлопотами, то за пустой болтовней. Распрощавшись с захме-

левшими пастухами, она отправилась искать место для ночлега. Хозяин постоянного двора, храпевший, уткнувшись носом в стол, был ей в этом деле явно не помощник...

По счастью, девушке не составило труда отыскать пустую комнатенку — скорее чулан, где едва помещался грубо сколоченный лежак и тяжеленный запертый сундук. Она перенесла туда свои пожитки и, достав из мешка костяной гребень, принялась неспешно расчесывать длинные, до пояса, волосы. Это всегда помогло Соне, когда нужно было успокоить мысли. Память возвращала ее к тому, что произошло у перевала...

* * *

— ...Моя сестра мертва? — спросила она Калидора.

Слова сорвались с ее губ едва ли не против воли, и полный смысл их Соня сама осознала лишь в это мгновение. Ална умерла...

Рысь знала это доподлинно — и ей не пришлось в голову усомниться в этом знании.

Она знала это с самого начала, не рассуждая, не пытаясь оправдать свое знание. Только никак не могла заставить Соню *поверить*. Ибо человеку свойственно затемнять самые простые вещи рассуждениями, запутывать паутиной околочностей и недомолвок. Он думает, что проливает свет разума на области Потаенного — но этот слабый свет порождает лишь еще более глубокие тени.

Звери, дети Богини, провожатые в мир Мрака, скользящие по зыбкой грани между миром Сим и Иным, способны *узреть* истинную суть вещей и явлений; но им не дано облекать свои видения в слова, и лишь Светлая Мать дарует им эту возможность.

Калидор не мог этого знать.

— Она жива! — воскликнул он с горячностью. — Когда я уезжал, с ней все было в порядке!

Он с вызовом посмотрел на Соню. Но взгляд серых глаз воительницы окатил его неприкрытым презрением. Она ненавидела корыстолюбцев, бахвалов, трусов, но превыше всего — лжецов!

— Ты совершил ошибку, Калидор. — Ледяной тон не предвещал ничего хорошего. — Я никому не позволю играть моими чувствами! Как давно она умерла?

Наемник не отвечал очень долго, и она начала терять терпение. Наконец он подал голос:

— Прости... Видит Небо, я не желал оскорбить тебя! Но иначе ты бы отказалась прийти мне на помощь!

Пальцы Сони сжались на рукояти меча.

— Мне нужны не извинения — но правда. Ты скажешь... или придется вырывать у тебя ответ силой?!

Растерянность воина была очевидна: он, похоже, не привык, чтобы женщина брала над ним верх, и сейчас чувствовал себя униженным. За всю свою жизнь Соне встретилось едва ли полдюжины мужчин, что могли быть с ней на равных... И Калидор был не из их числа.

— Ты права, — вымолвил он наконец. — Я согласал тебе. Твоя сестра покончила с собой, когда поняла, к чему принуждает ее Гедрен. Я был с ней тогда... Пытался убедить ее не делать этого... Говорил, что мы можем перехитрить ведьму, похитить Талисман и обратить его силу на саму Гедрен... — Он вздохнул, словно заново переживая те тяжелые мгновения. — Но Ална была непреклонна. Она заявила мне, что тогда сама делается ничем не лучше колдуньи! Что поступить так, как я прошу ее, значит предать все то, ради чего она жила... Она верила, что когда ее не станет, Талисман никому не причинит больше зла. Но она недооценила Гедрен. Ведьма успела разгадать тайну кристалла...

И жертва оказалась напрасна. Бедная Ална!

Соня закусил губу. Сестра, с ее непреклонной, чистой верой вызывала в ней уважение пополам с досадой. Как это похоже на нее — отказаться от борьбы, отдать собственную жизнь... и ради чего! Сама Соня знала, что сражалась бы до последнего, даже когда не оставалось бы ни единого шанса на победу, — но не отступила!

А теперь Ална мертва. И, чего бы ей это ни стоило, Соня отомстит за нее!

Она взглянула на Калидора. Не зря Север предупреждал, что ему нельзя доверять! Но это и к лучшему.

Наемник пытался уверить ее, будто желает лишь одного: спасти из плена Алну и своих товарищей. Но, похоже, на самом деле его интересовал лишь Талисман. Жрица Айнсор пре-

красно поняла это и отказалась стать орудием в его руках.

Еще меньше на эту роль годилась сама Соня!

— Ты просчитался,— бросила она воину.— Не знаю, зачем тебе Талисман, но с моей помощью ты его не получишь. Прощай!

Калидор в недоумении воззрился на нее:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что поеду дальше одна! Я не нуждаюсь в попутчиках. И не стану терпеть рядом предателя и лжеца.

Лицо наемника вспыхнуло:

— Ты слишком торопишься с обвинениями, Рыжая Соня. Это сослужит тебе дурную службу. Ты даже не подозреваешь, во что ввязалась! Без меня тебе никогда не выбраться отсюда!

— Ты уверен? — Девушка вскинула голову. Какая самонадеянность! Или он ждет, что она испугается и примется молить его о защите и покровительстве? Соня улыбнулась этой нелепой мысли.

И, не желая терять больше времени, уверенно пустила кобылу рысью в ту сторону, где, по словам Калидора, лежал город Архарим. Вслед ей донесся голос наемника:

— Мы еще встретимся, вот увидишь! И тогда ты поймешь, какую ошибку совершила...

Она не обернулась. В этом не было нужды...

* * *

Закончив расчесывать волосы, Соня отложила гребень в сторону. Пора спать — довольно

воспоминаний! Но прежде девушка постаралась насколько возможно обезопасить себя от любых вторжений: задвинула тяжелую щеколду и подтащила к двери тяжелый сундук. Через крохотное окошко под самым потолком, едва ли сумели бы пробраться злоумышленники.

Соня и сама затруднилась бы объяснить, чего она, собственно, так опасается. Городишко был тихий и мирный, постоялый двор, несмотря на все убожество, мог бы сойти за самое безопасное место, где ей доводилось ночевать за последних три луны... и все же она не находила себе места от тревоги.

Сказать точнее, это не находила себе места Рысь — а от нее беспокойство передавалось и Человеку. Соня, как ни силилась, не могла понять, что приводит ее звериную половину в такое неистовство, и это выводило ее из себя. Вместе с тем инстинктам она доверяла едва ли не больше, чем рассудку, а потому постаралась максимально обезопасить себя на ночь. Хотя все ее усилия нисколько не удовлетворили Большую Кошку.

Вытянувшись на жесткой лежанке, девушка прикрыла глаза, с досадой шикнув на Рысь:

— А ну, спи! Не хватало мне еще из-за тебя до утра без сна ворочаться.

Та с ворчанием подчинилась. Сон пришел почти тут же, словно только и ждал этого мгновения.

* * *

...Искристые занавесы, легкие, точно паутинка, трепетали на ветерке. За ними, в облаках багро-

вого тумана, кружил хоровод теней. Но прежде чем Соня успела разглядеть их, призраки исчезли, растворившись в алой мгле — словно и являлись-то лишь затем, чтобы призвать девушку сюда.

А паутинные занавески продолжали колыхаться, точно несомые ветром. Трепещущие покровы со всех сторон окружали Соню, и девушке внезапно сделалось не по себе.

Такие прекрасные, светящиеся издали, вблизи они вдруг стали липкими и влажными. Они касались обнаженной кожи — Соня лишь сейчас поняла, что стоит совсем нагая! — то и дело норовя прилипнуть, и оторвать их с каждым разом делалось все труднее.

Соня в испуге огляделась по сторонам — но бежать было некуда. Искрящиеся покровы окружали ее со всех сторон. Вот прилип к бедру еще один уголок ткани... и когда она с силой рванула его, то увидела кровь. Боли не было — но целый лоскут кожи исчез. А проклятая тряпка засветилась победным багрянцем.

Соня не успевала отбиваться. Ей бы сейчас меч!.. Но она была совершенно безоружна. Ткань липла к рукам, плечам, груди, животу... Девушка едва успевала отдирать ее — всякий раз лишаясь кусков кожи.

Боли до сих пор не было. Крови, как ни странно, тоже. Но страх от этого не делался меньше. Нетронутым оставалось лишь лицо.

...Рысь! Да выпусти же Рысь наконец!..

Она не знала, чей это голос. Может быть, ее собственный?

Но чем Рысь может ей помочь?

Это твой страх! Твой собственный страх пожирает тебя! Чего ты так боишься? Выпусти Рысь — и она поможет тебе!

Но Рысь не поможет ей одолеть Смерть.

А что? Что поможет тебе?

Багровая ткань облепила ее с ног до головы. Соня задыхалась, не в силах пошевелиться, ни даже крикнуть. «Паутина! — мелькнуло в мозгу. — Это паутина. Сейчас придет паук и высосет меня, точно муху! Останется только оболочка!»

Ей казалось, она растворяется, исчезает, разлетается по ветру стайкой сухой листвы...

Теперь она знала Смерть.

И все же не умерла.

Смерть обрела имя.

Гедрен.

Нет! Ты умрешь первой, Гедрен!..

Ненависть взметнулась столбом ослепительно белого пламени — и внезапно багровая паутина затлела, серебристые искры побежали по ней, стремительно пожирая пульсирующую ткань.

Свободна!

Соня стряхнула с себя остатки тлеющей паутины и зарыдала от облегчения, увидев нетронутую белую кожу. Ненависть сожгла липкие пути, испепелила их, подарив ей свободу... Но... Была ли то ее ненависть?

Был миг — одно краткое мгновение, когда ей показалось...

Кто?.. прошелестели пересохшие губы. И Соня проснулась.

Проснулась от ощущения чужого присутствия.

И мгновенно позабыла о привидевшемся кошмаре, готовая дорого продать свою жизнь.

Первой мыслью было закричать... но едва ли кто-то из пьяных пастухов пришел бы ей на помощь.

Рука стиснула метательный нож, предусмотрительно оставленный у изголовья. Она изготавилась для броска...

Но серебристый луч выглянувшей из-за туч луны, проникнув в комнату сквозь узкое, затянутое слюдой окно, осветил пустоту. Кроме Сони, в комнате не было никого.

* * *

Наутро девушка первым делом отправилась к хозяину.

— Не появлялось ли вчера еще гостей — когда я ушла спать?

Седоусый окинул ее мутно-похмельным взглядом. Над вопросом он думал долго, морща лоб и скребя подбородок.

— Не помню, — выдавил он наконец. — Заснул я...

Соня стиснула зубы. Будь он неладен, этот город!

Она молча прошла на кухню.

Баранина еще оставалась, и она, не стеснясь, отрезала себе приличный ломоть. Сейчас она ее есть, конечно, не будет — нет ничего хуже

застывшего бараньего сала! — но по пути, разогрев на костре... м-м, пальчики оближешь!

Теперь еще бы глотнуть чего-нибудь горячего... Но в этом заведении, похоже, из напитков водились только горячительные. Ладно. Только бы выбраться из города. Устроит привал у ближайшего ручья, вскипятит себе отвара с травами — там и позавтракает.

Сдерживая растущее нетерпение, Соня прошла на конюшню, снаряжать в путь Подружку. Та встретила хозяйку радостным ржанием. Как видно, ей тоже хотелось как можно скорее тронуться в путь.

За спиной слышались крадущиеся шаги... Опасность?!

Обернувшись рывком, Соня метнула нож. Лезвие, вибрируя, вонзилось в притолоку.

Хозяина постоялого двора спасла лишь шаткая, с похмелья, походка...

Он постоял несколько мгновений, хлопая глазами на гостью. Затем отвесил ей поклон и со словами: «Все понял, добрая госпожа. Ухожу», — поспешно испарился. Когда Соня вернулась в общую залу расплатиться за ночлег — хозяина не было и там. Должно быть, решил, что сегодня в постели будет куда уютнее и безопаснее... Поразмыслив, девушка оставила в кухне под блюдом с бараниной несколько монет — и вернулась на конюшню.

Затем выехала на улицу, повернула налево, проехала два десятка шагов до первого перекрестка. И застыла, дернув поводья так резко,

что едва не разодрала бедной кобыле губы. Та негодуяще всхрипнула, выгибая шею и норовя куснуть забывшуюся хозяйку за лодыжку... но Соня ни на что не обращала внимания, растерянно озираясь по сторонам.

В городке со вчерашнего дня не изменилось *ничего*.

Глава пятая

Вздымая клубы пыли, Соня во весь опор мчалась по улицам Архарима, думая лишь о том, как бы поскорее оказаться отсюда как можно дальше. За спиной остались женщины, спорящие из-за пропавшего петуха. Девушка с тысячей косичек, в платье с полуоторванным рукавом, отскребавшая от камня прижарившуюся лепешку. Дети, ссорившиеся из-за деревянной лошадки. Пегая собачонка, самозабвенно облаивавшая проносящуюся мимо всадицу.

Соня не знала и не желала знать, что происходило здесь. Возможно, могущественный колдун наложил на городок чары, обрекая жителей изо дня в день повторять все те же нелепые и бессмысленные действия... воистину, достойное наказание! Возможно, ночной кошмар свел Соню с ума, и ей мерещились демоны за каждым кустом. Возможно, все это лишь случайность... в конце концов, жизнь этих людей, действительно, состоит из тысяч и тысяч совершенно оди-

наковых, повторяющихся изо дня в день незначительных мелочей. Ей это было безразлично!

Рысь бесновалась от ужаса, неуправляемого, неосмысленного. Шерсть стояла у нее дыбом на загривке, и сама Соня с трудом подавляла страх, не в силах понять, что породило его. Ведь, в конце концов, город ничем не угрожал ей лично... Однако тревога Рыси передалась и лошади. Подружка неслась во весь опор, не нуждаясь в том, чтобы всадница ее подгоняла. А когда они оказались на самой окраине, девушка оглянулась...

Там, где еще недавно стояли серые приземистые, крытые соломой дома, клубился багровый туман из ее сна. Он пульсировал и переливался, выплескиваясь сверкающими языками, и медленно, то сжимаясь, то распухая, заполнял собой улицы Архарима. Внутри его колыхалась ткань-паутина, на которой смутно угадывались очертания людей, животных и даже строений... не то поглощенных алчным маревом, не то вернувшихся в свое истинное состояние — видений, порожденных колдовскими чарами.

Соня отчаянно принялась нахлестывать лошадь... но нечто странное случилось со временем и пространством. Туман напознал все быстрее, окружая беглянку со всех сторон — тогда как сама она словно не продвинулась ни на шаг. Девушка выхватила меч, готовая сразиться с любым противником, хотя и знала, что это бесполезно, но мысль о том, чтобы сдать без борьбы, даже не приходила ей в голову. Она не Ална!

И вдруг отчаянный вопль донесся до нее откуда-то слева:

— Сюда, Соня! Сюда!

Калидор!

Черная фигура на вороном жеребце виднелась на вершине ближайшего холма, и девушка, не раздумывая, рванулась туда. Ей казалось, воздух сгустился вокруг, подобно воде, и каждое движение дается с огромным трудом... она была уверена, что ни за что не успеет, и клубящийся туман готов был вот-вот настигнуть ее — как внезапно все кончилось.

Гнедая птицей взлетела на холм. И когда Соня взглянула назад — долина была пуста. Багровое марево исчезло. И города Архарима более не существовало.

С трудом переводя дыхание, она взглянула на Калидора:

— Что это было?

Тот пожал плечами:

— Не знаю. Но лучше бы нам все же ехать вместе. Ты не передумала?

Соня вложила меч в ножны. Ей было неприятно признаться в этом даже самой себе, но сейчас она была рада видеть Калидора. Лжец или нет, но он все же был *настоящим*. Хотя...

Она пристально взглянула на него.

В лице воина что-то изменилось. Почти неуловимо — так могло бы море при отливе обнажить крившиеся под водой рифы, — но теперь он мало чем напоминал простого наемника, немногословного и добродушного, что передал Соне

послание из Храма Волчицы. Теперь лицо его больше всего напоминало погребальную маску — застывшее, отчужденное и одновременно хищное. Возможно, это колдовство, окружавшее цитадель Гедрен, так повлияло на него...

Но у Сони не было выбора. Рок или чья-то злая воля раз за разом сводили их двоих на пути к Талисману. Если она хотела отомстить за сестру и исполнить поручение Волчицы — ей ничего не оставалось, кроме как последовать за черно-волосым воином. Она прислушалась к своему внутреннему голосу. Рысь шипела и фыркала — но, похоже, готова была смириться с неизбежным. И девушка кивнула своему спутнику:

— Ты прав. Я согласна взять тебя с собой.— Она помолчала немного и добавила веско: — Но при одном условии: больше ни слова лжи! Ты понял меня?

Тот безмолвно кивнул, направив коня вниз с холма, и Соню внезапно пробрала дрожь. Не стала ли она вновь жертвой морока? Что, если это не Калидор, а надевший его личину призрак или гуль... те были способны и не на такое! Усилием воли она заставила себя не впадать в панику. Однако рука сама собой легла на рукоять кинжала.

Но тут Калидор обернулся. Лицо его было прежним — суровым, но вполне живым; он даже улыбался. И Соня вздохнула с облегчением. Что это на нее нашло?!

— Если не мешкать, то нам осталось чуть больше двух дней пути,— бросил ей воин.— Или, может, тебе бы хотелось сперва отдохнуть?

Девушка покачала головой:

— Не будем заставлять Гедрен ждать.

— Согласен! — Он помолчал немного, глядя прямо вперед. Затем чуть придержал лошадь, чтобы Сониная гнедая могла догнать его, и вновь повернулся к девушке. Ей показалось, он чем-то смущен... Или старательно изображает раскаяние.— Знаешь, нам нужно поговорить. Ты неверно поняла меня.... Я хотел бы объяснить...

Соня в упор посмотрела на него.

— Зачем? Я не нуждаюсь в твоих объяснениях. А ты мне ничего не должен.— Он был обычным искателем приключений — как и она сама. И охотился за Талисманом Гедрен. Это девушка знала и без него. Но Калидор делал ту же ошибку, что до него совершали многие мужчины: он надеялся растрогать Соню, склонить ее на свою сторону лестью или уговорами... так какой-нибудь пройдоха-наемник соблазняет невинную красотку из хорошей семьи, обещая ей золотые горы и теща девицы сердечко рассказами о своих подвигах...— Если мне захочется послушать красивую историю — я лучше заплачу какому-нибудь барду! — Засмеявшись, она пустила гнедую в галоп, стремительно оставив позади опешившего спутника.

* * *

К полудню следующего дня они взобрались на вершину очередного холма, и Калидор указал вперед, на Полночь:

— Вон там, видишь — гора со срезанной вершиной! Там убежище Гедрен.

Прикинув, Соня поняла, что до места им не больше полутора дней пути. Завтра к вечеру будут на месте. Она хищно улыbnулась. Ну что же, таких гостей ведьма запомнит надолго.

— И где же ее цитадель? На вершине?

— Там кратер. И в нем — озеро.

— А крепость где, на берегу?

— Не совсем... Но рассказывать — не пове-
ришь. Лучше подожди, пока увидишь своими
глазами.

Соня была заинтригована. Но вскоре поза-
была о странных словах Калидора, пораженная
зрелищем, что предстало взору путников.

Они спустились с холма и проехали еще не-
много — и перед ними, за деревьями, открылась
расселина. Глубокая трещина в земле, дно кото-
рой терялось в сером тумане. Как будто в неза-
памятные времена, когда гиганты делили свои
владения, один из них рубанул по скалам мечом,
так, что расколол земную твердь едва ли не до
основания. Пропасть уходила влево и вправо,
насколько хватало глаз... Но не это так поразило
девушку.

Мост!

Мост являл собой не что иное, как скелет
огромного ящера, цеплявшегося когтями за края
обрыва. Как будто гигантская рептилия пыта-
лась перебраться с одного берега на другой — и
издохла на полпути. А ветры и дожди обглода-
ли ее до остова, смыли гниющую плоть, остав-
ляя лишь кости.

Соня повернулась к Калидору:

— Что это такое? Опять штучки Гедрен?

Тот пожал плечами:

— Не знаю. Правду сказать, этой дорогой я
иду впервые: в прошлый раз я прошел дальше
на Восход.

— Мне это не нравится,— прошептала Соня
сквозь зубы. На всякий случай она обнажила
меч. Наемник последовал ее примеру.— Что бу-
дем делать?

Калидор покачал головой:

— Идти в обход — потеряем целый день. Мо-
жет, попробуем все-таки перебраться?

Девушка кивнула. Соскочив с коня и бросив
поводья Калидору, она настороженно приблизи-
лась к пропасти и, обойдя длинный хвост, распла-
ставшийся по земле, ступила на хребет ящера.
Позвонки противно заскрипели. Сделав еще не-
сколько опасных шагов, Соня повернула назад.

— Похоже, по одиночке мы сумеем пере-
браться. Но тебе лучше подождать, пока я ока-
жусь на той стороне.

— Может, мне пойти первым?

Соня покачала головой, направляя упираю-
щуюся Подружку к обрыву:

— Ты тяжелее, и конь у тебя куда крупнее
моего. Слишком рискованно.

Калидор нехотя согласился.

...Огромные позвонки, шагов в десять дли-
ной и шириной в пять, хрустели и скрипели
под копытами гнедой. Хребет гигантской твари
прогибался — но, похоже, не собирался обвали-
ваться. Вниз Соня старалась не смотреть...

Интересно, не к месту подумалось ей, а что, собственно, удерживает эти кости? Ведь плоть, связки и мышцы давным-давно сгнили... Словно в ответ на такие мысли, «мост» заскрипел и закачался с новой силой — и все прочие мысли мигом вылетели у девушки из головы. Теперь ей хотелось лишь одного — как можно скорее перебраться на ту сторону!

Уф! Последние десять шагов они с Подружкой преодолели почти галопом... и наконец оказались на твердой земле. Она обернулась, чтобы подать знак Калидору, может быть, даже подбодрить его... но слова застряли у нее в горле.

Гигантская рептилия, медленно подтягиваясь на скрипящих лапах, подалась вперед.

Огромная голова с зияющими глазницами, лежавшая на камнях, приподнялась, словно всматриваясь во что-то или нюхая воздух... исполинские челюсти с клыками, каждый из которых был с Соню размером, приоткрылись. Казалось, вот-вот из пасти выскользнет длинный раздвоенный язык... И слизнет девушку, точно мышку.

Гнедая испуганно захрипела. Соня оглянулась. За спиной шагов на пятьдесят простиралась каменистая площадка — а за ней крутой подъем.

Калидор что-то кричал ей с другого берега, но ветер уносил слова.

Оглаживая лошадь по крупу, девушка пыталась успокоить взбесившееся от ужаса животное — но все было тщетно. Еще мгновение,

и та понесет... И всадница либо разобьется на камнях, либо...

Ящер-исполин напряг задние конечности, упиравшиеся в скалу, и ударил по земле хвостом. Похоже, он намеревался оттолкнуться и перебраться на эту сторону!

Прыжок!

Передние лапы отчаянно заскребли по камням. Огромная пасть клацнула, словно тварь пыталась зацепиться зубами.

Соня зажмурилась, истово шепча про себя:
— О Светлая Мать! Помоги!

Ящер дернулся. Левая лапа рванулась вперед и вонзилась когтями в скалу, вышибая каменное крошево, всего в нескольких шагах от Сони. Гнедая устремила прочь, не разбирая дороги.

За спиной донесся оглушительный грохот. Словно сорвалась с горного склона лавина. Это рухнул в пропасть оживший ящер.

Девушка рывком натянула поводья.

— *Благодарю тебя, Богиня...*

От твари остались лишь следы: глубокие — человеку по колено — борозды в базальтовой породе. Да один-единственный коготь, застрявший в скале. И больше ничего...

Соня покачала головой. Если это проделки Гедрен — то спору нет, ведьме удалось ее напугать. С такими фокусами ей впору выступать в лучшем балагане!.. Девушка нервно засмеялась.

Но теперь они с Калидором оказались по разные стороны пропасти!

— Что будем делать? — крикнула она.

Странно, но наемник оставался невозмутим. Словно ждал такого поворота событий.

— Мне нужен день, чтобы до тебя добраться. Если очень поспешу — буду к утру! Дождешься?

Соня задумалась. Калидор был не самым надежным спутником, но терять его сейчас, в конце пути, ей не хотелось. Она ведь даже не знала, где искать цитадель колдуньи...

— Ладно! — Она махнула рукой. — Буду ехать не спеша, а к ночи стану лагерем. Найдешь — хорошо. Нет — твоя забота!

Не говоря ни слова, воин повернул коня и во весь опор понесся вдоль обрыва. Вскоре он уже скрылся из виду за уступами. И затих стук копыт вороного жеребца.

Соня осталась одна.

* * *

Первое время напряжение не отпускало девушку, но вскоре она расслабилась и неспешно продолжила путь. Им с гневом стоило больших трудов отыскать дорогу наверх по склону, прочь от проклятой расселины, но когда это наконец удалось, взорам их открылся столь восхитительный вид, что Соня затаила дыхание, словно боясь спугнуть очарование этого мига.

Гора, где находился замок Гедрен, высилась прямо перед ней, и путь туда пролегал по узкой — словно извилистый коридор — долине, зажатой между двумя горами. Склон левой порос зеленью и цветами — желтыми, белыми, розовыми, голубыми...

словно сама Весна щедрой рукою рассыпала по изумрудному ковру пестрый жемчуг.

Напротив, склон справа был суров и неприступен — но от этого не менее красив. Среди серых и бурых скал выступали на поверхность радужные кристаллы. Омытые вечерней росой, они переливались и сверкали в лучах клонившегося к закату солнца, отбрасывая радужные отблески, что расцветчивали удлинявшиеся тени.

Сама долина, поросшая редколесьем, постепенно расширялась, и с высоты Соне было видно, что дальше, у горы Гедрен, она разделяется на два рукава, опоясывая каменную громаду.

Придерживая поводья одной рукой и не спуская другую с рукояти меча, девушка с удовольствием оглядывалась по сторонам. Природа всегда была ей другом, однако Соня по-настоящему сроднилась с ней и перестала чувствовать себя чужой в диких просторах лишь недавно — благодаря Рыси. Прежде она всегда была городским ребенком: даже когда они и жили с семьей в усадьбе за крепостными стенами Аграпура — все же то не было сельским жилищем. И интересы их никогда не касались земли. Отец не пахал и не сеял, не растил скот, не держал пастухов. Семья вела неспешную, размеренную жизнь, что скорее пристала бы знатным вельможам, какими они никогда не являлись...

Но кем же они были?

Поразительно, если вдуматься, как мало Соне было известно о собственных предках. Отец, она знала, в молодости промышлял таким не слиш-

ком благородным занятием, как разбой на караванных путях в Туране и в Гиркании. Впрочем, дочери это отнюдь не представлялось предосудительным... Почему он оставил это опасное ремесло, она знала лишь в самых общих чертах — только то, что поведал ей бывший отцовский приятель. Однако скопил он достаточно, чтобы хватало на безбедную жизнь и ему самому, и многочисленному семейству. Несмотря даже на то, что им приходилось не раз срываться с насиженных мест, уезжая в чужие края, они никогда не бедствовали.

Впрочем, Соне никогда не верилось, чтобы отец, этот шумный, энергичный, не страшщийся ни людей, ни демонов, человек, мог так запросто взять и уйти на покой. Наверняка было что-то, чего она не знала — и не узнает теперь уже никогда. Вот если бы удалось отыскать Эйдана... Братишка, кажется, как только ходить научился, все крутился рядом с отцом, как Ална — при матери; лез во все его дела и, похоже, знал немало интересного... Соня вздохнула.

Увы, до сих пор все ее поиски были безуспешны. След, прерывистый и зыбкий, петлял и терялся, уводил в никуда, то исчезая, то появляясь вновь в самых невероятных местах. С тех самых пор, как Оракул Белой Дороги намекнул ей, что брат мог остаться в живых, она искала его... но теперь, по прошествии стольких лет, все чаще ловила себя на мысли, что у Оракула, похоже, попросту оказалось извращенное чувство юмора.

...Подружка уверенно шла вперед, выбирая дорогу среди редколесья. Под слоем серой палой листвы, подсушенной весенним солнышком, уже вовсю лезла настырная зеленая травка. Где-то вдаль послышался треск и хлопанье крыльев: должно быть, вспорхнула испуганная птица. И тут же — с другой стороны. Соня стрельнула глазами... и благодушная улыбка вмиг сползла с лица. Прямо наперерез лошади мчался заяц. Несся, как оголтелый, ничего не видя перед собой. Конечно, то могла быть лиса... Но не с трех же сторон вздумали лисы разом пугать зверье!

Девушка натянула поводья, и гнедая послушно застыла, лишь всхрипнула недовольно, ощутив тревогу всадницы. Не спуская тревожного взора с деревьев, Соня на ощупь потянулась за луком — и выругалась сквозь зубы. Тетива не натянута! Проклятая беспечность!.. Сколько она себя помнила — такое с ней впервые. Но сейчас было не до сожалений...

Плавным жестом всадница извлекла из ножен на поясе метательный нож, взвесила на ладони. Лес вокруг застыл в напряженной тишине. Птичий гомон затих. Даже ветки шуршать перестали. Замерли. Росчерки черной туши на синем шелке небес.

За спиной хрустнул сучок. Соня медленно обернулась.

Прямо на нее шел высокий тощий человек в косматой накидке и круглой черной шапке со свисающим лисьим хвостом. Он что-то нес в руках. Большой серый сверток, назначения ко-

тогого Соня пока угадать не могла. И кажется, был безоружен.

Соня едва успела подумать, что, похоже, недавно где-то видела этого типа, как шаги слышались левее. Еще один. Смуглый, жилистый, одетый точь-в-точь как первый. И с таким же тюком под мышкой.

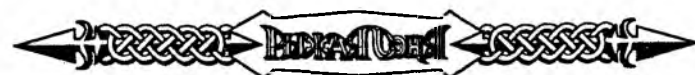
Возникнув, точно тени, из-за деревьев, они приближались медленно, уверенным шагом, не спуская с девушки черных, блестящих, как круглые камешки, глаз.

Первой мыслью Сони было подстегнуть кобылу и броситься прочь — опасность, исходившую от безобидных с виду незнакомцев, она чувала кожей. Но странная сила удерживала ее на месте. Она словно знала в глубине души, что должно сейчас произойти. И совсем не удивилась, когда, взглянув направо, увидела еще двоих.

Они выступили из тени — и теперь она их узнала. Архаримские пастухи! Они сошлись на поляне, окружив Соню, в двух дюжинах шагов от девушки. И застыли, глядя на нее в упор.

Гнедая нервно перебирала ногами, и Соня ободряюще похлопала ее по шее, мысленно приказывая стоять смирно. Как они здесь оказались, так далеко от Архарима? Чего хотят от нее? Она не могла даже представить. Спросить? Но язык прилип к гортани, и слова не шли с губ. Или она заведомо знала, что ответа не будет?..

Двигаясь четко и слаженно, точно частицы единого целого, пастухи подняли над головами серые свертки. До Сони им осталась дюжина

шагов. Плащи они, что ли, так держат, пронеслась в голове мысль.

Где-то неподалеку залиистой трелью раздалась пичуга... и умолкла, оборвав песню, словно невидимая рука свернула хрупкую шейку.

Пастухи раскрыли рты. Одновременно. Словно были одним человеком — и четырьмя зеркальными отражениями. Губы их зашевелились, и девушка невольно напрягла слух... но не услышала ничего.

Мгновения плыли томительно, повисая в густом воздухе, точно капли патоки, стекающие со свежей лепешки. Лес дрожал переливчато и зыбко, и трава искрилась под ногами, разбегаясь кругами, как вода от брошенного камня. Солнечные лучи падали наискось, пронзая тишину золотыми копьями, и кровь впитывалась в густеющую землю, словно...

Довольно!

Усилием воли Соня заставила себя стряхнуть наваждение. Опять штучки этой демоницы Гед-рен?! Она окинула взглядом пастухов. Они все так же стояли вокруг, держа на вытянутых руках свои свертки, и губы их все так же шевелились — и вдруг до Сони донесся голос. Она даже вздрогнула от неожиданности. Голос был глухим, грубым и явно принадлежал одному из горцев. Но такое впечатление, что исходил из всех пяти глоток разом.

— Вот она, наша овечка! — произнес он (или они).

И другой ответил ему. Такой же грубый. И раздающийся отовсюду и ниоткуда:

— Да. Мы нашли ее.

Соню затрясло как в лихорадке. Странно, но мысль о бегстве больше не приходила ей в голову. Возможно, потому что она ощущала, как странно застыла под седлом Подружка. Точно окаменела... И девушке вспомнилась прерванная, точно срезанная ножом, песнь лесной пичуги. Казалось, кто-то одним мановением руки лишил жизни весь лес — кроме нее. Пастухи в счет не шли.

А странный диалог продолжался. В разговор вступил третий голос, а за ним — четвертый и пятый. Если закрыть глаза, чтобы не видеть пяти одновременно разевающихся ртов, — вполне нормальный разговор...

- Наша овечка отбилась от стада.
- Нужно загнать ее в овчарню.
- Скоро ночь. В лесу слишком опасно.
- Собаки помогут нам.
- Помогут нам...

С этими словами пять пар рук встряхнули над головами серые свертки. Ткань развернулась, падая на траву. Нет. Не ткань.

Пять серых шкур.

Медленно, точно несомые ветром сухие листья, опустились они на землю — и поднялись с нее пятью огромными серыми псами.

Пастухи застыли, не сводя с Сони глаз.

Серые псы неспешно двинулись к ней.

Небо! Какие громадины! Девушке доводилось видеть самых разных собак. Туранских мастафов. Немедийских волкодавов. Зингарских бар-

гавов, что способны в прыжке валить бычка-двухлетку. Но эти твари превосходили их всех.

Острые пасти. Прижатые острые уши. Мощные лапы. И пылающие желтым огнем глаза. Они надвигались с пяти сторон — и оставляли узкий проход, словно приглашая пленницу устремиться туда, спасаясь бегством.

Гнедая под ней внезапно ожила и заплясала на месте, приседая от страха, всхрапывая и прыдая ушами. Она тряслась мелкой нервной дрожью, вне себя от ужаса, совладать с которым ее хозяйка была бессильна. И пятилась. Пятилась туда, где открывался спасительный коридор.

Соня сжала в руке бесполезный нож. Что намерены делать эти псы? Похоже, они не бросятся — но будут гнать ее... Куда? Перед мысленным взором девушки предстал оставшийся позади обрыв.

Гнедая сделала шаг. Еще один. Псы, не сводя с нее огненных глаз, словно подталкивали лошадь вперед. Еще немного — и она понесет. И ее уже не остановить.

Соня спрыгнула на землю, в том самый миг, когда кобыла с истошным ржанием устремилась назад, и псы расступились, давая ей дорогу. И повернулись, словно намереваясь броситься следом.

Пастухи развернулись тоже, единым движением, как один человек. На Соню никто не смотрел. Серые псы напряглись — словно стрелы, готовые сорваться с тетивы. Еще немного, и...

Не раздумывая, девушка бросилась в противоположную сторону.

Но уйти ей не удалось. Твари — или тот, кто управлял ими,— опомнились вовремя. И кольцо вокруг Сони сомкнулось вновь, уже гораздо теснее. Теперь от собак ее отделяли какие-то пять шагов. Она слышала их тяжелое дыхание. Видела слюну, пузырящуюся на черных губах.

— Наша овечка...— раздался голос пастухов.

— Мы нашли ее.

— Надо отвести бедняжку в овчарню...

Все это начинало походить на дурной сон!

Сгиньте! Сгиньте все!— мысленно взмолилась Соня. — *Да пожрет вас Огонь...*

Показалось ей — или контуры фигур вдруг затуманились, точно подернутые дымкой?

Будьте прокляты! Сгиньте!

И в этот миг... Рысь!

Рысь, до того таившаяся за своей Стеной, перепрыгнула преграду, отделявшую ее от Человека. И оттеснила его, лишая мыслей и воли, и заняла его место. И оскалилась, яростным рычанием приветствуя псов.

Мгновенно те обрели прежнюю реальность. И глухо заворчали, припадая на передние лапы. И отступили на полшага, готовясь к броску.

— Что это? — раздался крик. Пастухи тоже почуяли неладное.

И ответили сами себе:

— Хищник в нашем стаде!

— Он грозит нашим овечкам!

И заулюлюкали хором, подбадривая псов:

— Ату его! Ату!

Рысь тревожно заозиралась по сторонам. Опасность надвигалась со всех сторон. Враги-псы сомкнули круг. Ноздри раздувались, втягивая запахи Рыси. От возбуждения они взбивали воздух лохматыми хвостами. Желтые когти скреблись по траве.

Рысь медленно повернулась кругом.

Бежать! Бежать!!! Но — куда? Охотники были повсюду!

Взгляд ее затравленно метался вправо-влево-вперед-вверх... Вверх...

Первый пес прыгнул. Прыгнул второй.

И тут же прыгнула Рысь.

Они не ожидали от нее такого. И завyli, вытянув длинные морды, бессильно царапая землю.

Ветка была слишком высоко. Только кошка могла бы дотянуться до нее.

И Рыси это удалось — несмотря даже на то, что она была заперта в жалком, слабосильном человечьем теле. Из последних сил, разрывая жилы и связки, она прыгнула.

Еще миг — и на слабеющих руках подтянулась вверх. Клыки клацнули у самой лодыжки. И пес грузно рухнул наземь, скуля от боли. Но Рыси и в голову не пришло задержаться, чтобы насладиться триумфом. Ловко перебираясь по ветке, она добралась до ствола дерева, оттуда — выше, на другую ветвь... и прыгнула на соседнюю. По счастью, деревья здесь росли достаточно близко! Она устремилась прочь.

Прочь!

Сама не зная куда. Чутьем выбирая ветви, способные выдержать ее вес. Лишь бы прочь.

Псы, опомнившись, устремились в погоню по земле. Но теперь, когда она больше не видела их перед собой, совладать с собственным страхом было легче. В отчаянном усилии Человек попытался взять верх, оттеснить Рысь за Стену.

...И Соня не смогла сдержать испуганного возгласа, обнаружив внезапно, что качается на тонкой ветке, почти теряя равновесие,— ловкость и звериная цепкость кошки покинули ее на полупрыжке. А до соседней ветви казалось так невероятно далеко...

Проклятье! — успела только подумать она.— Как не вовремя!

И рухнула вниз с головокружительной высоты, едва успевая цепляться за хлещущие ветки, чтобы хоть немного замедлить падение.

Упругий ковер палой листвы слегка смягчил удар. Последнее, что пронеслось у Сони в голове, было одно имя: Калидор. А затем черное небо рухнуло ей на голову, осыпая дождем ярких звезд.

Глава шестая

Вид озера, колыхавшегося в скальной чаше, такого неправдоподобно синего среди серых камней, заставил Соню онеметь от восторга. Казалось, кусочек небес, отломившись, задержался в горной впадине, и сходство это еще более усиливали отражающиеся в искрящейся воде перистые облака.

Девушка окинула пристальным взглядом кратер, из-за которого снизу казалось, будто верхушка у горы срезана ножом. Вода доходила почти до краев — от гребня, где стояли они с Калидором, до нее оставалось не больше пяти шагов — и казалась совершенно прозрачной. Непосильный ветерок гнал лазурные волны, и они разбивались об отвесный горный склон, рассыпаясь ожерельями брызг и пены.

Соня полной грудью вдохнула колкий горный воздух, наслаждаясь тишиной и спокойствием.

Им никто больше не пытался преградить дорогу. С того самого момента, когда, утром сле-

дующего дня, Калидор отыскал девушку на поляне и они продолжили путь, враждебные силы словно утратили к людям всякий интерес.

По дороге воительница в нескольких словах поведала своему спутнику о том, что произошло с ней накануне. Затылок до сих пор мучительно ныл, и ей пришлось на время снять расшитую серебряной нитью повязку, что скрепляла волосы...

— ...а когда я пришла в себя — их уже не было, — закончила она рассказ. — Ни собак, ни пастухов... До сих пор не понимаю, почему они не убили меня, пока я была без сознания. Или то был просто морок?!

Но Калидор ничем не мог ей помочь. По его словам, он мало что смыслил в магии.

Наемник выглядел измученным и хмурым, что неудивительно, отметила про себя Соня, если учесть, что ему пришлось скакать всю ночь напролет. Удивительно, однако, что вороной жеребец, в отличие от хозяина, не выказывал признаков усталости. Однако она предпочла ни о чем не спрашивать Калидора.

Сейчас все помыслы девушки занимала грядущая битва. С чем ей придется столкнуться в замке Гедрен? Ее спутник утверждал, что охраны там не осталось: ведьма сгубила всех своих воинов и слуг, ставя на этих несчастных опыты с помощью Талисмана.

— Что за опыты? — спросила она. Соне на память пришел замок Тарм'хар. И его зловещий хозяин, вздумавший так же позабавиться с ней...

Она закрипела зубами при этом воспоминании — и Калидор оглянулся на нее с недоумением. Он пояснил:

— Неподготовленному человеку достаточно всего один раз взглянуть на Талисман, чтобы затеряться разумом в лабиринтах его граней. Я не знаю, каких демонов и богов он встретит там, — я никогда не отправлялся в это Странствие. Но мне ведомо одно: с этого самого мига он полностью попадает под власть хозяина Талисмана. И освободится, только если на то будет его воля, — или пропадет навсегда. — Он помолчал, выжидательно глядя на Соню, точно силясь понять, какое впечатление произвели его слова на девушку. Но та осталась невозмутима. — Со своими рабами Гедрен могла сделать все, что угодно. Убить, не коснувшись и пальцем. Свести с ума. Мужчине внушить, будто он женщина. Или цветок. Или... пустота. — Калидор прерывисто вздохнул. — Ни один из вошедших в недра Талисмана, не вышел оттуда прежним...

«Почему тогда ты так уверен, что я уцелею?! — хотелось спросить Соне. — Уверен настолько, что отправился искать меня по всей Хайбории... Зачем?» Но она знала, что не станет ни о чем спрашивать Калидора. Рысь и Человек подсказывали ей два возможных ответа, и девушке делалось не по себе при мысли, что один из них может оказаться правдой...

* * *

И вот они наконец на месте. Оглянувшись вниз с гребня кратера, где стояли они с Кали-

дором, девушка видела, как плывут под ногами, цепляясь за каменистый склон, мохнатые облака, скрывая от путников лежащую внизу долину. Лошадей им пришлось бросить на полпути: слишком крутым оказался подъем.

Поправив выбившуюся прядь, девушка обратилась к своему наемнику:

— Красивое место.— Она вновь обвела взглядом кратер и синее под небесами озеро, не веря собственным глазам. Но нет. Никакой цитадели не было и в помине.— Ты ничего не перепутал, Калидор?

Тон ее был обманчиво мягок, но ни один человек, хоть немного знающий Рыжую Соню, не ошибся бы на этот счет. Она смерила воина оценивающим взглядом:

— Зачем ты привел меня сюда?

— Не спеши,— невозмутимо отвечивал тот. Все это время наемник не сводил глаз с какой-то точки на дальнем берегу озера.— Осталось недолго... Следи за солнцем!

— За солнцем? — Смиряя гнев, девушка взглянула на светило, клонившееся к закату. Распухший багровый шар в нерешительности завис над черной кромкой гор, словно опасался напороться на острые пики.— Что в этом проку?! На его месте я давно бы испекла такого подлого лжеца, как ты! Как долго ты еще намерен испытывать мое терпение?!

Вместо ответа Калидор ткнул рукой куда-то вверх. Соня обернулась взглянуть — и невольно застыла, пораженная.

Край солнечного диска коснулся горизонта. И багровый луч, пройдя сквозь расселину на другой стороне кратера, алой полосой прочертил поверхность озера.

В тот же миг ветер улегся. Волны исчезли. Водная гладь застыла, сделавшись ровной, словно стекло. И в ней возникло отражение замка.

Замок был огромен. Сложенный из гигантских многоцветных плит, он предстал ее взору чудовищным монолитом, с увенчанными шпилями башнями, зубчатыми стенами и грозно ощеренной пастью ворот.

Взор Сони метнулся по сторонам, затем устремился ввысь — в поисках истинной цитадели, чей образ явился ей в воде... но тщетно. Если замок и существовал — то только там, в недоступной глубине кратера.

В растерянности она обернулась к Калидору: — Это... это он и есть?

Воин молча кивнул.

Соня в задумчивости переводила взгляд с подводной крепости на своего спутника.

— Что же,— молвила она наконец,— если ты привел меня сюда — полагаю, ты знаешь, что делать дальше?

Слыша свой невозмутимый голос, Соня не удержалась от мысли, насколько изменило ее Посвящение. С тех пор как Рысь обрела свой истинный лик в ее сознании, девушка как будто передала ей всю ярость, нетерпение и безрассудство, что прежде сжигали ее сердце. В былые дни Калидор остался бы лежать на доро-

ге со стрелой в горле, еще когда Соня в первый раз уличила его в обмане... Но теперь ею владело любопытство — чувство, на которое прежде у нее почти никогда не хватало времени.

— Все очень просто,— раздался наконец голос Калидора.— Посмотри на свое отражение. Видишь, подобно цитадели, оно куда четче и объемнее, чем в обычной воде.— И правда! Соня едва удержалась, чтобы не сделать за спиной знак, отгоняющий злых духов. Из глубины синеватых вод на нее смотрел ее двойник — едва ли не более телесный и живой, чем она сама.— Тебе нужно сделать лишь шаг — и ты окажешься там.

Ну нет. В это она отказывалась поверить. Такого просто не может быть!

Однако Рысь... Рысь смотрела на нее с усмешкой в солнечных глазах и, потягиваясь блаженно, поводила ушами, украшенными длинными кисточками. Она *знала*...

Соня вновь перевела взор на свое отражение. Затем с сомнением посмотрела на Калидора.

— Что — вот так, просто, взять... и шагнуть?

— И даже шагать ни к чему. Это перевернутая реальность, понимаешь? — Она помотала головой, удивляясь про себя, как понимает это *он* — простой наемник. Но Калидор не стал тратить времени на объяснения, торопливо бросив: — Потом поговорим... Колдовство кончится, едва солнце скроется за горизонтом, и тогда придется ждать завтрашнего дня. За это время Гедрен нас непременно учует. Так что...— Вне-

запно он сделал шаг вперед и, замешкавшись на мгновение, положил руки Соне на плечи.— Просто поверь, что ты — уже там. И — вперед!

Девушка посмотрела в глаза своему отражению. Рыжеволосый двойник вернул ей взгляд, словно насмехался над ней, и Соня невольно поразились: неужто она и впрямь такая в жизни — надменная, уверенная в себе, холодная и пылкая одновременно?.. Как будто в отражении магического озера все черты ее натуры проступили наружу, куда более явственно и выпукло, чем в реальности. Ей показалось даже, что двойник куда красивее ее самой... Но Рысь не дала ей времени на раздумья.

«Успеешь еще собой налюбоваться!» — явно слышалось в недовольном рыке зверя. И Человек отступил, давая Кошке дорогу. Рысь потянулась, повела носом, приняв себя, мышцы ее напряглись, словно перед прыжком... И внезапный холод обьял Соню.

Ощущение это прошло в тот же миг — но внутри все как будто подернулось ледком. Она в растерянности оглянулась по сторонам... и не поверила своим глазам.

Она стояла на желтой растрескавшейся земле, кое-где поросшей серыми пучками колючей травы. Вокруг угрожающе высились базальтовые стены-берега — а прямо над головой, словно опираясь на них, висело сверкающее небо. Оно было ослепительно синим, даже ярче, чем бывает в августовский полдень, и по нему пластались широкие алые сполохи. Небо казалось удиви-

тельно низким — только руку протяни! — и в то же время недостижимым...

Но Соне было сейчас не до того, чтобы любоваться местными красотами. И даже не до раздумий о том, как ей потом выбираться отсюда... Впереди, в какой-то сотне шагов, высилась цитадель.

Многочисленные башни ее переливались всеми цветами, от ярко-желтого, до фиолетового. Купола сверкали изумрудной зеленью, а подножия стен отливали багрянцем. Но хотя от смешения красок рябило в глазах, крепость казалась неприветливой и угрюмой — словно пестрота ее была вызвана не стремлением к красоте, а некоей злобной волей, наслаждавшейся смятением и хаосом вокруг себя.

Интересно, что Калидор сказал бы об этом? Соня заозиралась по сторонам в поисках своего спутника и, не обнаружив его, со свистом втянула воздух сквозь стиснутые до боли зубы. Неужто с ним что-то стряслось...

Но нет! Вот он — спускается со склона. Как, интересно, его занесло на такую высоту? Словно, в отличие от нее, ему пришлось *действительно* нырять в озеро... Соня усмехнулась. Нет, плащ как будто сухой. Просто местное колдовство, должно быть, на всех действует по-разному. Возможно, отражение Калидора легло в другом месте, чем ее собственное. Она так засмотрелась на саму себя, что даже не обратила внимания...

Девушка помахала воину рукой, призывая того поторопиться, — да так и застыла, словно

изваяние, не находя в себе сил ни для предостерегающего крика, ни для бегства.

Слева от Калидора, из темной расселины в скале, вопреки всем законам притяжения, выплывало чудовище. Огромная синюшно-зеленая лоснящаяся помесь жабы и ящера с жадно раскрытой бородавчатой пастью, крохотными алыми глазками и встопорщенным черным пластинчатым гребнем парила в воздухе, ловко загребая мощными когтистыми лапами и руля длинным хвостом, увенчанным острым шипом. Все это Соня успела заметить в те доли мгновения, что взирала, парализованная ужасом, на невероятную тварь — и мгновенно оценила кажущуюся парадоксальной, но единственно допустимую возможность: чудовище не было порождением Гедрен, не было ни мороком, ни иллюзией. Оно *существовало* реально в озерном мире, и то, что для Сони с Калидором было воздухом, для него оставалось *водой*. Правда, насколько уязвимы для него *отражения* людей, девушка не знала. Но вот уязвимо ли оно само — можно было проверить...

Калидор наконец заметил бесшумно приближающуюся тварь и сейчас торопился как можно быстрее спуститься со скалы. Но чудовище, несмотря на внушительные размеры и кажущуюся неповоротливость, двигалось стремительно и, похоже, точно знало, чего хочет. Соня уже видела, что Калидору не успеть...

Уверенным плавным движением она сняла с плеча лук, положила стрелу на тетиву, прицелилась.

Хоп!

Стрела устремилась к цели.

Девушка уже представляла, как вопьется стальной наконечник в лоснящийся бок жабо-ящера, как хлынет из раны кровь... Но стрела отлетела, ударившись в бок чудовища, точно щепка, пущенная слабой детской ручонкой, не причинив тому ни малейшего вреда. Соня распахнула глаза в немом изумлении. Магия?

Времени раздумывать над этим не было. Тварь, как видно, все же ощутила угрозу, резко развернулась с помощью мощного хвоста и, извиваясь всем телом, устремилась к девушке. Как зачарованная, та следила за приближением чудовища. Оно «нырнуло» к жертве, и внезапно прямо перед Соней оказалась огромная пасть со множеством зубов, росших не рядами, как у большинства животных, а натканных беспорядочно, словно кто-то швырнул в ее черные недра множество блестящих белых осколков.

Отскочив в сторону и отбросив бесполезный лук, девушка выхватила меч, краем глаза отмечая, что Калидор уже спешит к ней на выручку. Хвала Небу!

Замахнувшись, она изо всех сил рубанула по толстой, короткой шее жабо-ящера.

Клинок отскочил, как от камня, причинив чудовищу не больше вреда, чем стрела. От удара Соню отбросило назад. Она покатилась по каменистой земле, едва успев сгруппироваться. Тварь, загребая лапами, развернулась, не желая

упускать жертву. Выпученные глаза горели бесмысленной звериной яростью.

С силой оттолкнувшись от земли, Соня отскочила влево — и монстр врезался тупой мордой прямо в «дно». Похоже, это на несколько мгновений оглушило его... Достаточно, чтобы дать девушке возможность отбежать в сторону.

Но что же делать теперь? Она в панике огляделась по сторонам. Может быть, какое-то другое оружие...

Жабо-ящер взмыл вверх и вновь бросился на увертливую добычу. На сей раз Соню спасло лишь то, что она успела «поднырнуть» у того под брюхом. Не желая признать поражение, в прыжке она еще успела ткнуть гадину клинком в брюхо... но меч скользнул по блестящей синезеленой шкуре, не оставив и царапины. Тварь принялась разворачиваться.

Счастье, что в «воде» движения чудовища были все же замедленными. Но что проку...

Она не успела додумать мысль до конца. Калидор оттеснил ее и бросился на жабо-ящера, размахивая мечом.

Соня собралась было крикнуть ему, чтобы не тратил сил понапрасну... но возглас замер у нее на устах.

Клинок черноволосого воина пропорол шкуру твари. Рана была неглубокой — лезвие прошло наискось — но кровь хлынула потоком. Черно-синяя кровь. Расплывшаяся в воздухе густым облаком.

— Беги! — не оборачиваясь крикнул ей Калидор. Жабо-ящер уже разворачивался к новой

добыче. Боль, похоже, лишь усилила его ярость.— Скорее в замок! Я сам с ним разберусь!

На мгновение девушка замешкалась: то ли не желая оставлять товарища по оружию, то ли страшась в одиночку бросить вызов грозной ведьме. Но воин, нанося новый удар и уворачиваясь от кланнувших у самой головы клыков, проорал отчаянно:

— Да беги же ты, Огонь тебя пожри! Хочешь, чтобы на запах крови слетелись остальные?!

И Соня подчинилась. На ходу подхватывая лук и пряча в ножны меч, она бросилась к воротам сияющей всеми цветами радуги цитадели.

* * *

Обитель Гедрен встретила ее ледяным холодом и безмолвием.

Извилистые пустынные коридоры, освещенные непонятно откуда исходящим тусклым белесым светом, разворачивались перед ней, подобно спутанному клубку, и девушке невольно подумалось, что более нелепой архитектуры ей еще не доводилось встречать.

Пол был вымощен зеленоватой восьмиугольной плиткой из какого-то неведомого материала. Местами он делался на удивление скользким, и ей приходилось хвататься за стены, чтобы не упасть. Затем вдруг становился липким — так что Соня с трудом отдирала подошвы.

Стены тоже не внушали доверия. Шероховатые, колкие и одновременно упругие, они похо-

дили на шкуру диковинного зверя — но кому бы могло прийти в голову обтянуть стены столь странным материалом?

Она прошла уже довольно далеко, миновав бесчисленные изгибы и повороты, — но до сих пор не встретила ничего, хоть отдаленно напоминающего залы или комнаты. Коридоры то чуть заметно расширялись, то сужались, потолок то уходил ввысь, то нависал над самой головой — но в целом ничего не менялось. И ни души кругом!

Как будто она оказалась в огромной, бесконечной кишке... От отвращения Соню передернуло. Услужливое воображение тут же подсказало: она сама, по собственной воле, забралась в пасть невиданной гигантской твари и теперь странствует по ее пищеводу. А может... от жуткой мысли у девушки перехватило дух... может, эта радужная тварь-цитадель и есть Гедрен?!

Соня с ненавистью сплюнула на пол, который внезапно стал проминаться под ногами. «Подавишься, гадина! Меня сожрать не так просто!» Но, сколько ни храбрись, а ей все же сделалось не по себе.

Внезапно впереди послышался какой-то гул. И пусть шум непременно означал опасность — девушка приободрилась. Уж лучше зримая угроза, чем... это!

Она прошла еще полсотни шагов, но ничего вокруг не изменилось. И гул внезапно стих. Наступившая тишина показалась еще более мертвенной и гнетущей, чем прежде. Соня стисну-

ла зубы. Ну нет! Ее не запугать! Вполголоса она выругалась — самым грязным ругательством, подслушанным ею в дешевом солдатском кабаке в Султанапуре. Это средство она обычно прибегала лишь для самых крайних случаев. Но сейчас и это не помогло.

Какой демон ее угораздил броситься сюда в одиночку?! Почему не дождалась Калидора? Не может быть, чтобы воин не справился с тварью! Наверняка он уже разделался с жабо-ящером и теперь спешит за ней следом.

— Калидор! — прокричала она в отчаянии. Но стены поглотили ее крик, впитав его, как губка воду. И Соне сделалось действительно страшно.

Тысяча проклятий! Во что же она ввязалась?!

Не помня себя, она бросилась бегом по коридору, не обращая внимания на обезумевший пол, то противно хлюпающий под ногами, то подталкивающий ее вперед... Но тут же взяла себя в руки. Что за малодушие! И не в таких переделках доводилось побывать! Так что же она, как ребенок, пугается собственной тени?!

Остановившись и дыша как можно глубже, чтобы успокоиться, Соня попыталась решить, что делать дальше. Может, повернуть назад?

Кстати, а почему до сих пор не подает признаков жизни Рысь? Вот кто, пожалуй, смог бы указать ей дорогу!

Но сейчас и Огненная Кошка была в растерянности. Это место ей не нравилось — здорово не нравилось. Но ничего разумнее, чем кромсать когтями проклятый коридор, покуда стены не

подадутся и не выпустят их на волю, она предложить не могла. Впрочем, почему бы и нет...

Размахнувшись, Соня изо всех сил рубанула мечом по шершавой стене.

Показалось ей, или из недр замка и вправду послышался стон?

Она нанесла еще удар. И еще. И еще.

Клинок оставлял на стенах черные трещины, стремительно набухавшие густой темной влагой. Боги! Неужто и впрямь кровь?!

Стон сделался слышнее.

И наконец перешел в голос:

— *Не надо. Прошу тебя.*

— Гедрен?..

— *Нет. Гедрен там...* — Справа в стене внезапно открылся зев прохода.

— Но кто же ты тогда?

— *Мы... Мы были ее слугами... Гедрен превратила нас... Превратила... Берегись...*

Соню передернуло от отвращения. Она не могла и представить, что произошло здесь — и ей не хотелось этого знать! Оставалось лишь надеяться, что это не очередная ловушка... Не выпуская меча из рук, она двинулась по боковому коридору.

И оказалась в огромном куполообразном зале.

Стены его, уходившие, загибаясь, в бесконечную высь, отливали всеми оттенками белизны. Соня никогда не знала, что белый цвет может быть столь разнообразен... Пол, напротив, был угольно-черным; и при каждом шаге из-под ног разбегались мириады серебристых искр.

— Добро пожаловать в нашу обитель, смертная! — слышался чарующий голос.

Гедрен!

Соня вскинула голову, глядя в упор на статую черноволосую красавицу, что взирала на нее с возвышения в центре зала. Их разделяло два десятка шагов, но девушка видела каждую черточку лица колдуньи, каждую складку просторного черного, расшитого серебром одеяния. На голове ее красовалась высокая серебряная диадема, украшенная диамантами чистой воды.

Гедрен была красива поразительной, сводящей с ума своим ледяным совершенством красотой. Лишь глаза жили на застывшем бледном лице с тонкими бескровными губами. Огромные глаза, постоянно меняющие цвет. Сейчас они казались синими, как сапфиры, — единственное яркое пятно в этой черно-белой пещере, где, казалось, застыла вечная зима.

Соня тряхнула головой, и огненно-рыжие волосы сверкающей волной рассыпались по плечам. словно солнце зажглось в огромном зале. Не сказав ни слова, она бросала вызов колдунье. И та, казалось, поняла это. Губы ее скривились в хищной усмешке.

— А ты похожа на свою сестру...

— Так ты знаешь, кто я? — Гедрен царственно кивнула. Соня бесстрашно двинулась к черному помосту. — Тогда ты знаешь, зачем я пришла!

Она вскинула меч.

Гедрен расхохоталась. Смех ее звучал жутко в гулком безмолвии зала-купола, отражаясь от стен тысячами отголосков.

— Ты желаешь сразиться со мной... смертная? Как это мило!

Она хлопнула в ладоши — и в воздухе перед ней возник меч, словно сотканный из самого густого мрака. Лишь рукоять его была белоснежной. Ведьма протянула руку — и меч сам лег ей в ладонь. Клинок окутало черное сияние.

— Ты уверена, что хочешь этого?

Вместо ответа Соня одним прыжком вскочила на возвышение, одновременно нанося удар. Клинки скрестились со звоном, и Гедрен пошатнулась — как видно, не ожидая от соперницы такой силы. По-змеиному изогнувшись, она ударила в ответ. Соня без труда отбила ее выпад.

Начался завораживающий танец — тьма против стали. Кошка против змеи.

Посыпались серебристые искры. Черный шлейф струился за магическим клинком.

Удар. Еще удар.

В какой-то миг соперницы застыли, глядя в глаза друг другу. На губах Гедрен по-прежнему играла презрительная усмешка, и Соне вдруг подумалось, что ведьма просто играет с ней, хотя могла бы уничтожить в одно мгновение. Но такие мысли — гибель во время поединка. Должно быть, Гедрен своей магией навела их ей, стремясь сломить дух девушки. И, стиснув зубы, та нанесла удар кинжалом, который выхватила левой рукой.

Он должен был достичь цели!.. Она уже почти видела, как нож ее впивается в белоснежную плоть ведьмы... Но стальной клинок пронзил пустоту.

Еще мгновение назад Гедрен была здесь, перед ней — и вдруг исчезла.

Ошеломленная, Соня заозиралась по сторонам в поисках соперницы.

Торжествующий смех раздался у нее за спиной.

— А ты забавна, смертная! Похоже, нам предстоит неплохое веселье...

Гедрен невозмутимо взирала на нее, опираясь на меч. Соня замахнулась, готовая вновь броситься на ведьму, — но следующие слова женщины застали ее врасплох:

— Весьма забавна... Похоже, мой брат сделал хороший выбор!

— Твой брат?!

— Калидор. — В засеребренных глазах колдуньи вспыхнуло ледяное торжество. — А ты не знала?

Соня не ответила, пытаясь осмыслить услышанное. Может, Гедрен лжет ей? Но в душе она уже знала, что это не так. Последней каплей было воспоминание о недавнем бое с чудовищем. Она — вошедшая в собственное отражение — оказалась бессильна против жабо-ящера. Но Калидор сражался с ним...

Она стиснула кулаки. Будь он проклят, этот негодяй!

— Должно быть, он стыдится вашего родства!.. — презрительно бросила она ведьме, с удо-

вольствием отметив, как вспыхнули у той на скулах красные пятна. — Но это ничего не меняет. Я пришла за Талисманом моей сестры — и ни ты, ни Калидор не сможете мне помешать!

— Вот как? — В голосе Гедрен звучало изумление. — А ты, оказывается, весьма отважна, помимо того, что хороша собой. У брата моего всегда был превосходный вкус!

— Талисман! — требовательно повторила Соня. Она не надеялась запугать колдунью. Но пока девушка ведет себя так вызывающе дерзко — у нее остается шанс! Стоит опустить руки, и все пропало.

— И настойчива к тому же... — Колдунья сделала движение рукой. Черный меч ушел в пол — стек струйкой клубящегося мрака и растворился без следа. — Ну что ж, будь по-твоему...

На вытянутых ладонях вспыхнул стук алого сияния — и глаза ведьмы отразили его, загоревшись багрянцем. Пламя съежилось, сгустилось, превращаясь в шарообразный кристалл с множеством граней. Он закружился в воздухе, не касаясь рук ведьмы, отбрасывая на белые стены розоватые отблески.

— Лови! — внезапно вскрикнула Гедрен, швыряя Талисман Соне.

Первым побуждением девушки было поймать кристалл. Она уже подставила было руки — но неведомая сила толкнула ее, заставляя отступить на шаг. Огненный шар упал к ее ногам... и разлетелся тысячами граней-пластинок, каждая из которых оставляла за собой пламенеющий след.

Набирая скорость, они устремились во все стороны, разрастаясь на лету, — и, не успев Соня опомниться, как осколки уже облепили стены зала. Казалось, они с Гедрен оказались в самом сердце огромного алого кристалла, сверкавшего так, что становилось больно глазам.

Ведьма взмахнула рукой — и сияние погасло.

— Превосходно, — промолвила она, не скрывая одобрения. — Ты сильнее, чем я думала.

Соня вознамерилась было ответить — как вдруг Гедрен обернулась, делая приглашающий знак рукой.

— А вот и ты, мой дорогой! Что же ты так долго? Я как раз говорила нашей гостье, что очень рада твоему выбору. — Калидор застыл в проходе. Черное пятно на фоне белоснежной стены. — Ты подыскал нам превосходную забаву. Неудивительно, что искать пришлось так долго... Но я скучала без тебя.

Рыжеволосая красавица перевела взгляд с брата на сестру. Сходство между ними было очевидно — удивительно, как она могла сразу этого не заметить....

Соня ждала, что скажет Калидор.

Черноволосый колдун не торопился с ответом. Обвел внимательным взглядом зал, задержавшись на стенах, еще хранивших в недрах белизны отсветы багрянца. Затем, в несколько шагов преодолев разделявшее их расстояние, встал перед Гедрен. На Соню он не обращал внимания, словно нарочно избегал ее. Или забыл о ее присутствии.

Впрочем, нет. Первые же его слова доказали, что это не так:

— Она — не моя забава, сестрица. Она — тот самый нож, что перережет твою белоснежную шейку.

Ведьма расхохоталась:

— Так ты еще не оставил мысли убить меня?

— Как и ты — меня. Разве не для того ты с таким трудом добывала этот Талисман?

Соня усмехнулась про себя. Трогательная семейная сцена!.. Кое-что становилось понятным — но одновременно возникало все больше вопросов. Однако она не спешила напоминать этим двоим о себе, уверенная, что узнает гораздо больше интересного, если станет просто молча слушать.

Гедрен презрительно скривила губы. Глаза ее, сменив полдюжины оттенков, горели теперь голубым льдистым светом.

— Ты обезумел, дорогой. Как я и предсказывала, желание вырваться на свободу лишило тебя остатков разума. Неужто ты всерьез думаешь, что какой-то *смертный* может совладать с одним из нас?!

Ее брат повел плечами. Лишь сейчас Соня заметила, как изменился его костюм. Вместо потрепанной дорожной одежды на нем был черный камзол из странного переливающегося материала и тяжелая золотая цепь на шее. Волосы перехватывал золотой обруч с вделанными черными агатами. Лишь плащ казался почти прежним — но теперь он струился, подобно застыв-

шим волнам ночного моря, на которых играли лунные блики.

— Что тебе за дело до того, что я думаю и на что надеюсь, Гедрен,— произнес он невозмутимо.— Я не нарушил уговор. Была моя очередь воспользоваться свободой — и вот перед тобой оружие, которое я отыскал в своих странствиях. Попробуй отразить его удар!

Ведьма расхохоталась.

— Я уже попробовала. Твоя девчонка осталась в живых лишь по моей прихоти, но я могла стереть ее в порошок — вот так...— Она щелкнула пальцами. С ладони ее просыпалась желтая пыль, мгновенно и без остатка впитавшаяся в пол.— Так что лучше оставь свои безумные надежды. Так и быть, я сохраню ей жизнь еще ненадолго. Можешь развлекаться с ней, пока меня не будет. Ведь теперь моя очередь уходить.

Это становилось любопытно! Соня следила за происходящим с таким интересом, будто это не ее судьбу решают сейчас двое могущественных колдунов, поглощенная решением удивительной загадки. Так, значит, Гедрен и Калидор здесь такие же пленники, как и она сама... Знать бы, что за силы удерживают их?! По очереди они способны выходить в реальный мир, ее мир, и там ищут оружие, способное поразить другого. Вероятно, лишь смерть соперника принесет одному из них вожаденную свободу. Но почему — почему?! — Калидор решил, что именно она, Соня, годится на роль такого оружия?

Как видно, та же мысль не давала покоя и ведьме.

— Что она такое, брат? Скажи!

Калидор усмехнулся:

— Самая отважная воительница этого мира. Бесстрашная и ловкая, как дикая кошка, и столь же яростная и беспощадная. Я думал... почему бы и нет! Ведь мы перепробовали тысячи заклинаний. Ловушек. Амулетов. Вспомни колдовские чаши, что разбивались здесь, в этом зале, выпуская на волю огненных демонов. Вспомни реки крови, что заливали цитадель. Вспомни...— Он махнул рукой.— Все это оказалось бессмысленным. Но обычную силу смертных мы не использовали никогда. У меня была слабая надежда... возможно, если ей удастся застать тебя врасплох... если ты не примешь ее всерьез...

Не дав ему договорить, Гедрен приблизилась к брату и закрыла ему рот долгим жадным поцелуем.

— Бедняга,— выдохнула она наконец, оторвавшись. Запустив руки в его густые черные волосы, она медленно гладила их, и в жесте этом была такая чувственность, что Соне, замороженной наблюдавшей за ними, сделалось не по себе.— Ты устал, мой мальчик. Отдохни. Отдохни...

Застывшее лицо Калидора расслабилось, утрачивая каменную напряженность. Веки его чуть заметно дрогнули, опускаясь.

Вопреки всему, что она услышала и узнала, Соне захотелось крикнуть, предупредить его, чтобы он не поддавался чарам ведьмы. Она ви-

дела, что Гедрен зачаровывает брата, подобно змее, чтобы смертельно ужалить, улучив момент... но неведомая сила запечатала ей уста.

И в этот миг, с трудом преодолевая колдовской сон, Калидор распахнул глаза и впервые за все время взглянул на Соню:

— А она? Что будет с ней?..

— Она? — Гедрен рассмеялась злым, пренебрежительным смехом. — Она, кажется, желала заполучить Талисман? Да будет так. Она получит его!

Глава седьмая

Гедрен взмахнула рукой. И алые пластины-границы, облепившие куполообразные стены зала, устремились к Соне. Они неслись прямо на девушку, на лету насыщаясь огнем и меняя цвет, делаясь из молочно-розовых ярко-алыми, затем кроваво-красными и, наконец, темно-багровыми, точно осколки закатного светила.

Три фигуры застыли в неподвижности. Мужчина и женщина в черном не сводили напряженных взоров с девушки, окутанной алым сиянием. С каждым миготанием свечение делалось все более насыщенным — покуда не приняло наконец оттенок запекшейся крови — и женщина с алмазной диадемой в иссиня-черных волосах торжествующе захохотала.

...Соня выхватила меч, пытаясь отбить мчащиеся к ней сгустки пламени, но клинок проходил сквозь них, не причиняя ни малейшего вреда.

Девушка оказалась в недрах ослепительно полыхавшего багряного кокона, слишком оше-

ломленная, чтобы продолжать сопротивление. Меч выпал у нее из рук — и исчез без следа.

Соня зажмурилась, готовясь к худшему. Но ничего не произошло.

Медленно она открыла глаза. И задохнулась от изумления.

Где она?

Не было ни Гедрен, ни ее дворца, ни озера в кратере — ничего.

...Лесная поляна, поросшая сочной зеленой травой с редкой россыпью желтых цветов.

Она смотрела на нее из-за огромного вяза, странного дерева, чей мощный ствол разделялся надвое на уровне Сониной груди и тянулся дальше ввысь двумя отдельными ветвистыми побегами. А на поляне...

Четверо мужчин избивали пятого. Методично, с небрежным спокойствием людей, уверенных, что им не помешают. Двое держали его — уже скорее поддерживали, чтобы не рухнул, нежели пытались предотвратить побег. Двое других поочередно наносили удары бичами из сыромятной кожи. Ловкость их была удивительной: удары с обеих сторон были абсолютно симметричны — и лишь разрывали кожу, не нанося серьезных повреждений. Человек, однако, был уже с ног до головы залит кровью. Какое-то время он еще стонал или, скорее, выл в животном отчаянии, — а затем смолк. Умер или потерял сознание... Рука Сони невольно потянулась к ножу на поясе.

И в этот момент откуда-то слева донесся негодующий возглас. Она обернулась, уверенная, что ее заметили.

Но нет. Дерево надежно скрывало ее от сторонних взглядов. Кричал мальчик лет семи, смуглокожий, темноволосый, в нарядной синей накидке и расшитой бисером алой курточке. За плечи его удерживал здоровяк — точный брат тех четверых.

Должно быть, это лесные разбойники: поймали мальчишку и его спутника, и...

Ни мгновения не колеблясь, Соня метнула нож. Еще в юности меткость ее вызывала всеобщее восхищение, она попадала в цель куда лучше братьев и даже не хуже, чем отец, а тому во всем Туране не было равных с метательными ножами и луком — но сейчас она превзошла самую себя. Таким броском отец мог бы гордиться! С тихим свистом сверкающий стальной лепесток рассек воздух и вонзился прямехонько под кадык негодяю, державшему мальчишку.

Тому парню, которого избивали его приятели, Соня уже ничем помочь не могла — так, может, хоть малец сумеет удрать, воспользовавшись замешательством!..

Кроха сперва ничего не понял — руки, цепко державшие его за плечи, вдруг ослабели, а затем пленитель его мягко осел на землю.

И мальчонка с истошным криком бросился бежать... Прямоком к остальным.

— Акраан! Там... Акраан!..

Побросав бичи и отшвырнув прочь истекающую кровь жертву, четверо бросились к нему:

— Ваше высочество! Вы не ранены, ваше высочество?!

Двое принялись ощупывать мальчишку с головы до ног с заботливостью няnek. Еще двое устремились к своему товарищу. Девушка за деревом сжалась в комок, уверенная, что ее вот-вот обнаружат, но не в силах двинуться с места. А внутри ее клочкотала необъяснимая злоба — то ли на этих ублюдков, то ли на мальчика, то ли на себя саму. Как вдруг капризный детский голосок донесся до нее:

— Я же говорил, что не хочу смотреть!.. Не хочу-у!.. А где Акраан? Пусть он отведет меня домой...

Развернувшись, Соня не разбирая дороги бросилась в лес.

Но не успела сделать и десяти шагов, как мир завертелся в зеленом водовороте, словно она попала в самое око смерча, закрутившего вокруг нее воронку из листвы и трав. Воронка понесла ее куда-то, у девушки помутилось в глазах, она почувствовала, что ее вот-вот стошнит... Но тут под ногами вновь оказалась твердая земля.

Она взглянула по сторонам.

...Она стояла посреди огромного зала, торжественного и мрачного, как церемониальные покои в каком-нибудь немедийском дворце. Стены были завешены гобеленами с изображением батальных сцен, настолько выцветшими и обветшавшими, что невозможно было разглядеть, что за герои поражают там врагов — да и герои ли то были?.. С потолочных балок свисали боевые штандарты, заляпан-

ные не то грязью, не то кровью. От каменных, с выбитым полуистертым рисунком каменных плит веяло холодом и сыростью. Окна были закрыты ставнями, что лишь усиливало общее мрачное ощущение. И даже невероятных размеров очаг, где полыхало целое бревно высотой с человека, не согревал и казался зловещим, точно огненный вход в нижнюю из преисподних Эрлика.

Соне показалось сперва, что она совсем одна в этом странном месте, — но голос за спиной заставил ее обернуться, и рука привычно легла на пояс... Удивительно, но метательный нож вновь был на месте! Это одновременно встревожило девушку, но и придало ей уверенности.

— Подойди ближе, — произнес незнакомец. Соня неохотно сделал шаг вперед.

Человек, вышедший ей навстречу, был не слишком молод: серебристые нити уже виднелись в его черных как смоль волосах и окладистой бороде. Он был смуглокож и обряжен в такую же алую куртку и синюю тунику, как давешний мальчишка, и у Сони мелькнула нелепая мысль, что это он и есть — только лет на сорок постарше. Словно прочитав ее мысли, мужчина покачал головой.

— Мое имя Таргай. Я отец Таркеша. Владыка этой земли.

— Какой земли? — перебила его Соня. Тот нахмурился чуть заметно, но ответил:

— Страны, называемой Орханда.

— Никогда о такой не слышала.

Правитель пожал плечами. Невежество гостя, похоже, не слишком заботило его.

— Зачем ты убила моего слугу, женщина?

Как, во имя Вечного Неба, он узнал об этом?! Но Соня не собиралась выкручиваться и лгать. Что сделано, то сделано...

— Я думала, он хочет причинить мальчику зло. Он держал его, пока остальные истязали какого-то несчастного. Я боялась, ребенка ждет та же участь.

Мужчина кивнул:

— Понимаю. Но теперь ты сожалешь о содеянном?

Соня гордо вскинула голову:

— Я никогда ни о чем не жалею! Это пустая трата времени! Но мальчику не стоило смотреть на... такое.

— Вот как? А знаешь ли ты, что совершил тот, кого ты именovala «беднягой»? Он был убийцей, покушавшимся на жизнь моего сына! Таркеш должен был видеть, как наказывают предателей. Ему предстоит править в жестоком мире...

Девушка задумалась. Теперь сцена, виденная в лесу, предстала совсем в ином свете. Но она же не могла знать... Однако происходящее все равно не укладывалось в голове. И прежде всего:

— Как я оказалась здесь? Это ты перенес меня сюда?

Таргая засмеялся:

— Похоже, ты еще ничего не поняла. Ты оказалась здесь по собственному выбору.

— Я ничего не выбирала!

— Как же так? А разве то, что ты сделала, не было выбором? Разве ты не приняла реше-

ние? Каждый твой поступок — выбор. И каждый будет вести тебя... куда-то. В обычной жизни ведь то же самое, не так ли? Здесь это просто более... очевидно.

— Но где это — здесь?! — вскричала Соня, не выдержав.

На губах Таргая играла торжествующая усмешка, чем-то похожая на усмешку Гедрен.

— В мире Талисмана, если угодно. Или в твоём собственном сознании, что одно и то же. Разве ты не поняла, где оказалась?

Талисман... Магическая игрушка, с помощью которой ведьма сводила с ума своих жертв, заставляла их поверить во все, что угодно, делала их покорными рабами... Ну нет! С Соней у нее это не пройдет! Девушка стиснула кулаки. Она не покорится. И не свихнется. И...

— Конечно, нет, — успокаивающим тоном, словно говоря с ребенком, произнес правитель. Проклятие! Он вновь читал ее мысли. — Ты просто останешься здесь. Навсегда.

Навсегда?

— Но разве отсюда нельзя выбраться? Ведь должен быть выход!

— Конечно. Выход есть, и найти его просто. Только нужно каждый раз принимать *верное* решение. Как в лабиринте. Если сворачивать каждый раз в нужную сторону — обязательно выберешься! Я тебе обещаю.

Соня почувствовала, как отчаяние ледяным саваном окутывает ее. Одно неправильное решение она, похоже, уже приняла — там, на поляне.

— Но как же узнать, какое решение — верное? И что я должна делать? Каждый раз кого-то убивать?

— Зачем же? *Не убивать* — тоже выбор, разве не так? — Таргай окинул на девушку печальным, исполненным неподдельного сочувствия взглядом. — Поверь, если бы в моих силах было помочь тебе — я сделал бы это. Но я такой же пленник Талисмана, как и ты. Каких истин ты ждешь от меня?

Соня и сама уже поняла, насколько нелепыми были ее вопросы. Да и что толку болтать — нужно было искать, как выбраться отсюда. Она заставит этот проклятый Талисман выпустить ее наружу!

— Прощай, Таргай, — сказала она владыке. За его спиной она видела приоткрытую дверь, и какое-то тайное чувство говорило, что ей — туда. Нужно было спешить! — Прости, что убила твоего слугу. Но все же тебе стоит постараться воспитывать сына... помягче.

Ей показалось — он хочет еще что-то сказать ей; может быть, поблагодарить... но стены зала вдруг надвинулись на нее, закружились и замелькали гобелены, знамена, колонны, портьеры — и воронка смерча швырнула ее вперед. В неизвестность.

...Это была маленькая комната. Настолько же уютная, насколько суровым и мрачным был предыдущий зал. Большую часть ее занимала постель. А на постели...

Соня почувствовала, как щеки ее загораются румянцем. Наблюдать за этой парочкой из-за

тяжелой гардины было неловко — и захватывающе. Ей никогда прежде не доводилось видеть, чтобы люди любили друг друга с такой яростной, почти звериной страстью. Искривленные лица пылали, пот струился по щекам. Длинные каштановые волосы женщины металась, подобно захваченным бурей птицам. Мужчина...

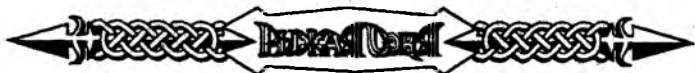
И лишь сейчас она узнала его — и ей сделалось неловко вдвойне. Это был Таргай. Как он мог очутиться здесь, как застала его Соня в разгаре любовных игр, когда они беседовали с правителем лишь мгновение назад, оставалось для нее тайной. Впрочем, чего еще ждать от этого проклятого Талисмана!

Она вздохнула почти с облегчением, когда мужчина и женщина, наконец пресытившись, отпрянули друг от друга. Но если взор женщина казалась теперь довольной и умиротворенной, то по лицу Таргай видно было, что голод его еще далеко не утолен. Он пожирал подругу глазами, казалось, ожидая от нее лишь знака, чтобы вновь вернуться к утехам страсти, и Соню поразила его ненасытность.

— Я люблю тебя, Рохана, — выдохнул он хрипло. — Больше никто не сможет помешать нам быть вместе! Никто не встанет у нас на пути!

— Воистину так, любимый. — Женщина нежно коснулась пальчиками его груди. — Теперь, когда я свободна, мы можем быть вместе. Всегда.

— Всегда! — повторил Таргай с наслаждением. Но тень тревоги вдруг набежала на чело его возлюбленной.

— А ты уверен, что мы в безопасности? Если вдруг нас обнаружат — пойдут толки... И без того многие не верят, что мой муж мог покуситься на жизнь наследника. Он был так предан мальчику!

— Чепуха! — Мужчина отмахнулся, вновь притягивая женщину к себе. — Хвала Богам, в этой стране воля правителя пока еще закон. Никто не посмеет оспорить мои слова!

Так вот оно что! Соня задохнулась от возмущения. Подлая гадюка! Не зря там, в лесу, она заподозрила неладное: Выходит, этот негодяй оклеветал мужа своей любовницы, чтобы без помех наслаждаться преступной страстью... А она-то поверила ему, там, в зале. Почти даже прониклась симпатией... Ей сделалось обидно и горько. Кому можно верить в этом проклятом мире?!

С нескрываемой злобой она уставилась на парочку, вновь сплетающуюся в объятиях. Убить его? Прямо здесь, сейчас?..

Но все решилось без ее участия. Таргай внезапно вскрикнул, выгнулся дугой. И схватился за сердце. А затем рухнул на подушки. Лицо его застыло в уродливой гримасе — не то животной похоти, не то невыносимой боли.

Он был мертв.

«Достойный конец!» — мстительно подумала Соня. Ей было интересно, что станет делать теперь женщина, — но увидеть это ей было не суждено. Тяжелый занавес взметнулся, точно под порывом ветра, захлестнул ее, обвился вокруг... закружил... и понес прочь...

Кажется, она кричала...

...И пришла в себя в маленькой темной пещере. Здесь было сухо и прохладно, и после натопленных, душных покоев свежий воздух показался благословением. Соня вдохнула полной грудью — и замерла, страхась выдать свое присутствие.

Две женщины сидели у входа в пещеру. Древняя, как сама вечность, старуха в бесформенном черном балахоне, украшенном дубовыми листьями — почти лысая, с жидкими прядками тонких, точно струйки дыма, седых волос; и молодая, с искусно уложенными каштановыми локонами, в богатом дорожном плаще. Они сидели к Соне спиной, перед разложенным костром. Но вот молодая обернулась — и почти без удивления Соня узнала подругу Таргаю.

— Твое снадобье подействовало, ведьма.

«О, нет...» — только и смогла подумать Соня. Голова закружилась так, словно ураган, что переносил ее из одного места этого странного мира в другое, до сих пор бушевал в ее мозгу.

— Которое — первое, или второе? — прошамкала та.

— Оба! — Рохана торжествовала. — Сперва он влюбился в меня без памяти — как ты и обещала. Совсем потерял голову, глупец! — Женщины расхохотались, и смех их — и старой, и молодой — звучал на диво похоже. — Нашел даже способ избавиться от Ланхора — лишь бы быть со мной рядом. И тогда я подсыпала ему в вино второй порошок...

Соня тихонько застонала. Она и сама не знала, почему принимает так близко к сердцу все,

что видит. В обычной жизни она куда с большим безразличием относилась к бедам и заботам других людей. Но сейчас, казалось, душа ее была обнажена, и любая несправедливость была по ней, словно плетью. Должно быть, это действовала магия Талисмана, заставлявшего своих пленников мучиться и страдать едва ли не сильнее тех, за кем они в данный момент наблюдали... заставлявшего их всякий раз делать *выбор*.

Но даже то, что Соня сознавала неестественность происходящего, ничем не могло ей помочь. Понимание это таилось на самом доньшке сознания, тревожило и беспокоило — но в то же время рассудок был полностью вовлечен в игру. Она *не могла* не участвовать в ней.

...Бедняга Таргай. Околдованный, обманутый. Погубленный этими ведьмами.

Ей редко бывало по-настоящему жаль мужчин: Соня росла с мыслью, что эти жестокие, грубые существа всегда способны сами позаботиться о себе. Жалеть чаще всего стоило их матерей и подруг. Но сейчас гнев сжигал ее изнутри, клочкотал в душе в поисках выхода — и не находил его. Убийством справедливость не восстановить...

И тогда она подумала, что, возможно, единственным выходом будет проникнуть во дворец и рассказать все, чему свидетелем она стала. Правда, девушка понятия не имела, как найдет дорогу, — но едва ли это окажется такой уж сложной задачей.

Однако чуждая воля вновь помешала исполнению ее планов. Едва только решение офор-

милось в ее мозгу, как безумный вихрь подхватил ее вновь... И Соня поймала себя на мысли, что отдала бы все на свете, лишь бы больше не видеть *ничего*.

Но надеждам ее не суждено было сбыться. Перед нею вновь была Рохана. На сей раз Соня смотрела на женщину из-за маленькой дверцы в лавке, куда та, похоже, явилась покупать благовония.

Лавчонка была крохотной и совсем бедной — уж в этом-то Соня разбиралась прекрасно. Было видно, что владельцы изо всех сил стараются, но никак не могут выбиться из нищеты. И товары-то тут продавались самого скверного качества — из тех, какими и последняя нищенка побрезгует, если наберет хоть пяток медяков. Глиняные кувшинчики распространяли запах дешевого масла, едва-едва приправленного душистыми эссенциями. Еще пахло травами и почему-то гарью. Странно, что такая вельможная дама, как Рохана, явилась сюда. Может, будет покупать ее какое-то колдовское зелье?

Но нет, не похоже, чтобы она вообще собиралась хоть что-то покупать.

Она стояла рядом с хозяйкой лавки, молодой женщиной примерно Сониных лет, изнуренной и понурой, и что-то тихо шептала ей на ухо. Как ни напрягала Соня слух, ей не удалось расслышать ни слова... Как вдруг хозяйка вскинула руки и обвила шею Роханы. И разрыдалась у той на груди.

Соня не верила своим глазам.

Сквозь всхлипывания донеслось:

— Спасибо! Спасибо тебе, сестра! Теперь я могу умереть спокойно...

Сестра... Трудно было вообразить двух женщин, менее похожих друг на друга. И все же было в них что-то... родство, взаимопонимание, что всегда выдает близнецов. Соне это было знакомо, как никому другому.

Рохана же, заслышав речи сестры, принялась трясти ее за плечи:

— Одумайся, Лонна! О чем ты говоришь — какая смерть? Теперь, когда я отомстила за тебя!..

Слезы ручьем струились по щекам у обеих. Голос Лонны прерывался от нахлынувших чувств:

— Ты всегда была такая решительная, Рохана. Такая смелая! Ничто не могло тебя сломить... Но я — я слабая, сестричка. То, что сделал со мной Таргай, убило меня. Я только делала вид, что живу... чтобы дожидаться... Ведь ты обещала, что отомстишь. Я боялась надеяться... но я знала, что ты сдержишь слово!

Рохана явно колебалась между жалостью и гневом, но второе победило.

— Не смей так говорить! — закричала она сестре. — Неблагодарная! Стала бы я так стараться, если бы знала, что ты решишь умереть! Что за глупости! Да разве ты одна такая? Разве мало женщин пострадало от не меньше твоего? Думаешь, когда армии берут приступом города, когда орды варваров захватывают новые земли — думаешь, там кто-то щадит женщин?! Но они живут! *Живут*, Лонна!

Однако ей не под силу было помочь сестре, ибо для той все было давно решено. Как она сама сказала, внутри она давно умерла...

— Это — другое, сестричка, — прошептала Лонна чуть слышно. — Когда война, в этом нет позора. Но когда мужчина, которого ты любишь, отдает тебя на потеху своим стражникам лишь за то, что ему показалось: ты слишком ласково улыбалась кому-то из его друзей... и сам стоит, наблюдая... насмехаясь... подбадривая их...

Сестры вновь зарыдали в объятиях друг друга. Соне хотелось кричать.

Проклятый мир. Душа ее была располосована и кровоточила. Голоса звучали в ушах — Таргай, Роханы, старой ведьмы, Лонны... каждый обвинял другого, доказывал свою невиновность, в чем-то клялся, о чем-то умолял...

Замолчите! Заткнитесь все! — хотелось ей крикнуть. Она не могла больше внимать им.

Они сводили ее с ума...

Теперь Соня поняла, что делал с людьми Талисман Гедрен. Ее мозг был расколот, точно спелый плод. На языке плескался яд. Глаза застилало черное марево.

Она сходила с ума.

Вихрь вновь подхватывал ее. И она принялась яростно сопротивляться, зная, что не вынесет еще одной сцены, которая вновь перевернет все вверх ногами, вывернет наизнанку, сделает черное белым, разобьет мир на куски... Она не могла больше этого терпеть!

Но и противиться было немислимо.

Сила, завладевшая ее разумом, казалась преодолимой.

Соня рвалась изо всех сил — но чувствовала, что это лишь приближает ее к развязке.

Должно быть, следующая остановка станет для нее последней...

Но как она может *не выбирать*? Она видит этих людей! Она слышит их! Они так... реальные, так убедительны! Она верит им — и волей или неволей становится на чью-то сторону. Разве человек может иначе?

Человек — нет.

Словно мягкая лапа вдруг толкнула ее изнутри, а затем выпустила когти и ударила сильнее... так, чтобы причинить боль. И от этой боли Соня пришла в себя.

Пришла в себя *Рысь*.

Рыси было неведомо сочувствие. Сострадание. Раздумья и колебания.

Ей ведомо было лишь одно. Желание выжить.

...И когда черный вихрь отпустил ее и она оказалась на деревенской площади, у колодца, где яростно спорили о чем-то бледная, поникшего вида женщина и черноволосый мальчик лет семи в синей накидке и расшитой бисером алой курточке, — Рысь не потратила ни мгновения, наблюдая за ними.

Оскалившись, она выхватила Малый Коготь из-за пояса. И, ведомая лишь звериным чутьем — острым и безошибочным, — принялась рвать на части незримые стены темницы, прокладывая дорогу к свободе...

Глава восьмая

Вот и все, братец! — Торжество колдуньи было беспредельным. — Ты опять просчитался. — Она повернулась к выходу из зала. — Прощай! Уверена, мне повезет куда больше, чем тебе. Я даже знаю, какое оружие принесу из Нижнего Мира в следующий раз!

Калидор остался невозмутим. Теперь он мало походил на того наемника, что впервые встретился Соне в ущелье Кривой Пасти. Лицо его, обветренное и загорелое, здесь казалось бескровно-бледным и отливало синевой. Волосы струились по плечам переливающимися потоками, словно живые. Глаза — некогда карие — светились насыщенный желтым пламенем... Впрочем, еще мгновение назад они были голубыми.

— Не торопись! — Его сестра остановилась, но даже не подумала оглянуться, всем своим видом выражая презрение. Калидор покосился на объятую пламенем фигуру Сони... ему показалось, будто свечение подернулось сизовой дымкой. Он чуть заметно усмехнулся, делая шаг в

сторону, так, чтобы, даже если Гедрен обернется к нему, девушка оставалась бы вне пределов видимости для ведьмы. — Тебе не кажется, ты слишком торопишься торжествовать победу?

Сухой и колкий, точно ледяное крошево, смех был ему ответом.

— Ты еще на что-то надеешься, глупец? Чем эта твоя девчонка лучше остальных? Талисман сведет ее с ума, как и всех прочих! — Злобно скалясь, она повернулась к Калидору: — Пожалуй, милый брат, я все же сделаю тебе подарок и не стану убивать твою крошку. Надо же тебе развлечься, пока я ищу твою смерть. Ведь осталось немного. Радуйся жизни, пока можешь! Ведь ты именно этого хотел, когда так стремился в Нижний Мир!

— Да! — В голосе Калидора звучала неприкрытая ярость. — И ты тоже! Только *радость* мы понимали каждый по-своему! И поэтому очутились... здесь.

Гримаса бешенства исказила лицо колдуньи.

— Ты еще смеешь попрекать *меня*?! Всему виной твое упрямство!..

Калидор искоса взглянул на Соню. Фигура девушки оставалась неподвижной — но окружавшее ее сияние металось, мерцало, угасало и вспыхивало, то наливаясь ярко-алым, то вдруг подергиваясь синевой, словно внутри его боролись какое-то незримые силы.

И вдруг свет застыл, сгустился, сделался стекляннистым, засверкал тысячами граней... Человек в сердце кристалла шевельнулся...

Почувяв неладное, Гедрен повернулась рывком — но было поздно.

Внутри Талисмана Соня вскинула руку, и зажатый в ней кинжал полыхнул ослепительным пламенем. Широко распахнутые серые глаза смотрели в пустоту. Она наносила удар за ударом, словно сражаясь с незримым врагом.

На сверкающей поверхности зазмеилась тонкая трещина. Затем к ней добавилась еще одна. И еще. И наконец алый кристалл весь покрылся паутиной — и раскололся с тихим хрустальным звоном на бесчисленное множество осколков. Мелкие и колючие, точно крохотные иголки, они осыпались на пол, черные плиты зашипели, и густой багровый дым облаком поднялся к потолку.

— Она разбила Талисман! — С истошным криком Гедрен протянула руки к Соне — не то желая остановить девушку, не то вызвать колдовское оружие для защиты.

С громким лязгом на теле ее сомкнулись черные доспехи, закрывшие колдунью с головы до ног. Глаза в прорези шлема с пышным белым плюмажем полыхнули огнем. В закованной в латную рукавицу правой руке возник огромный меч. Она медленно двинулась на девушку, занося для удара свое страшное оружие.

Соня, со своим кинжалом, без доспехов и даже без меча, казалась беззащитной на фоне этой грозной фигуры — но ее это, казалось, ничуть не пугало. Стиснув рукоять ножа, она бросилась на Гедрен. Меч опустился со свистом, готовый разрубить дерзкую воительницу от ключицы до пояса...

Но прошел сквозь нее, не причинив ни малейшего вреда.

Калидор не верил своим глазам.

И Гедрен, как видно, тоже.

В яростном недоумении взглянув на оружие, что подвело ее в решительный миг, она вновь нанесла удар — на сей раз острием, целя прямо в сердце. Но в тот самый миг, когда серебристое лезвие коснулось плоти, по нему прошла рябь, контуры клинка затуманились — и он растаял в руке колдуньи облачком тумана.

Соня как будто даже не заметила этого. Глаза ее по-прежнему были устремлены в никуда, губы стиснуты. Походка казалась по-кошачьи мягкой и уверенной. Так Рысь могла бы подкрадываться к беспомощной жертве, уверенная, что та уже никуда не денется от нее...

Удар!

Нож прошел сквозь доспехи Гедрен, разорвав их, точно старый пергамент. Как только что по колдовскому мечу, по ним пробежала волна неяркого свечения — а затем из разреза хлынула кровь.

— Нет! — захрипела Гедрен. Стальной шлем исчез, словно его и не было, — лишь белоснежный плюмаж на мгновение задержался в воздухе сам по себе. Ведьма упала на колени, умоляюще простирая руки к брату. — Калидор, нет... Пощади...

Но тот взирал на происходящее с торжествующей улыбкой, не сделав ни шагу навстречу сестре.

Соня вырвала кинжал из раны. Синяя кровь на глазах разъедала стальное лезвие, и обломки металла падали наземь вместе с каплями густой, дымящейся жидкости. Девушка отшвырнула бесполезное оружие.

Гедрен была перед ней, на коленях. Алмазная диадема в черных волосах сбилась набок. Лицо, и без того бледное как мел, покрылось мертвенной синевой. Взгляд засеребрившихся, точно ледком подернутых глаз, был пустым и безумным. Но ведьма была еще жива, несмотря даже на то, что кинжал воительницы пронзил ей сердце.

Схватив ее за волосы, Соня рывком откинула голову Гедрен назад...

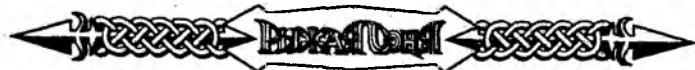
И полоснула острыми ногтями по подставленному белоснежному горлу — как раз там, где синей жилкой суматошно бился пульс.

А затем с презрением оттолкнула от себя захлебывающееся кровью тело.

Гедрен забилась в агонии. Глаза вспыхнули болотной зеленью — затем налились алым — и почернели. Густая синяя кровь хлестала мощным потоком, мерцая и переливаясь, точно ртуть, так что Калидору пришлось отступить к самому возвышению в центре зала.

Рядом Соня внезапно заметила свой меч. Откуда он взялся?.. Но у нее уже было сил удивляться. Она молча вложила клинок в ножны. А затем в изнеможении опустилась на помост, уткнувшись лицом в ладони. Но когда вновь подняла голову, взгляд серых глаз был суровым и отрешенным.

— Никогда не думала, что так трудно убить ведьму, — проговорила она негромко, глядя на лежащую без движения колдунью. Озерцо синей крови еще колыхалось вокруг трупа, словно жило своей собственной жизнью...

— Она не была ведьмой.

— В самом деле? А кем же тогда? — Соню, казалось, уже ничто не способно удивить. Но Калидору это удалось.

— Даймоном. Как и я сам, — просто ответил тот. — Собственно говоря, мы с ней были одним существом.

— Как мило... — В голосе девушки сквозила бесконечная усталость, но любопытство все же взяло верх. — Может быть, ты еще объяснишь, что это значит? Что *все это* значит...

— Разумеется. Ты это заслужила, — без тени насмешки отозвался Калидор. Он не спускал тревожного взгляда с колышущейся синей жидкости на полу, что понемногу светлела, принимая зеленоватый оттенок. — Мы были пленниками этой цитадели и друг друга. Освободить одного могла лишь смерть другого. Осознав это, мы заключили договор: по очереди спускаться в Нижний Мир. Там каждый пытался отыскать способ разделаться со вторым. Это было забавно...

— Забавно?!

— Конечно. Ведь это не настоящая смерть. Когда мы оба лишимся телесной оболочки, то воссоединимся вновь и пребудем вовек в своем собственном мире.

— Но почему вы разделились? Как могло такое произойти?

Калидор повел плечами:

— Существо, которым мы были... оно было слишком *разным*. Это естественно для даймона — но человеческому телу оказалось не под

силу вместить столь многогранную природу. И мы раздвоились. И слишком поздно поняли, что совершили непоправимую ошибку...

Соня перевела взгляд с черноволосого мужчины на труп его сестры, покоившийся в луже подрагивающей зеленоватой жижи. *Что им здесь было нужно?!*

— Мы хотели *жить*, — отозвался Калидор на невысказанный вопрос. — Это так... привлекательно. Все больше наших собратьев стремятся сюда, в Нижний Мир.

— Зачем? И почему именно сейчас?

— Жить, я же сказал! Дышать. Наслаждаться. Любить. Убивать. Все равно... Это так прекрасно! — Многоцветные глаза даймона вспыхнули.

И Соня с ужасом осознала, что для такого, как он, и впрямь нет разницы между *любить* и *убивать*.

— Я слышала от жрецов, — промолвила она, — будто иногда наступают времена, когда мир тонкий и мир реальный пересекаются, границы между ними делаются совсем тонкими и уязвимыми. И чем тоньше эти границы, тем больше обитателей Горних Миров может попасть в мир людей.

Калидор кивнул.

— Они правы. Миры то расходятся, то соединяются вновь — так волна накатывает на берег, а затем отползает обратно.

Соня задумалась, вспоминая. Говорили — хотя в это ей было трудно поверить, — будто еще два века назад о Зверобогах никто не ведал, кроме жрецов

тайных святилищ. По всей Хайбории Митра был единственным богом, а в Туране безраздельно властвовал Эрлик. Но потом вспомнили и давно забытых божков: Нергала, Сета, Птеора, Иштар — и невесть кого еще. Пока наконец не пришли *истинные* Боги. Не имеющие человеческих лиц.

— Когда миры разделены,— продолжил Калидор,— богов становится все меньше. И меньше чудес. Вымирает магия. Даже простейших демонов чернокнижникам уже не докликаться...

— Я всегда думала: это потому что магию преследовали. Колдунов жгли на кострах. Да и сейчас еще в Немедии и Аквилонии...

— Все верно. Но это взаимосвязано. В *мертвые* времена всегда так. Их еще называют *глухими* — потому что один мир не в силах докричаться до другого. Если *глухое* время длится дольше — боги уходят вовсе. И даже вера в них умирает.— Даймон горделиво выпрямился, и недобрая усмешка озарила застывшие черты.— Но сейчас вновь пришло наше время! Многие из тех, кому в твоём мире возводят храмы и приносят жертвы, именуя *богами*, отнюдь не являются ими... И очень скоро я буду среди них.

Он спустился с возвышения, увлекая за собой девушку, не спускавшую с даймона тревожного взгляда.

— Так ты станешь богом?

— Да — для тех, кто придет поклониться мне. Как только Гедрен отдаст мне свою силу! — Он остановился рядом с телом сестры, глядя в ее незрячие, утратившие цвет глаза.— И все это благодаря тебе, Рыжая Соня. Я не ошибся в выборе!

Пойдем. Ты заслужила свою награду... Согласна ли ты стать невестой бога?!

Девушка покачала головой. Это были речи безумца! Ей не терпелось как можно скорее убраться из проклятой цитадели, глотнуть свежего воздуха... Но даймон стоял как вкопанный, не сводя пристального взора с Гедрен, точно надеялся оживить ее усилием воли,— и цепко держал Соню за запястье, не давая ей высвободиться.

— Ты хочешь получить ее силу? — промолвила она, чтобы отвлечь его.— Зачем?

— Разве ты не поняла? Это *моя* сила. Со смертью Гедрен она должна принадлежать мне одному! Иначе я так и останусь жалким чародеем, годным разве что наводить морок на пугливых девиц. Как тогда, в Архариме...

Вот оно что?! В стальных глазах воительницы вспыхнул яростный огонь.

— В Архариме?.. Так, значит, это была твоя работа? И ящер? И пастухи?

Калидор рассеянно кивнул, не оглядываясь на девушку, которую по-прежнему держал за руку.

— Разумеется, моя. Гедрен и не подозревала о твоём существовании — пока не увидела тебя в цитадели.

— Но... *зачем?!*

Даймон засмеялся:

— Я должен был испытать тебя. Разве когда в лавке оружейника ты выбираешь клинок, ты никогда его не проверяешь? А мне нужен был *очень* хороший клинок. Не просто воин, способный убить колдунью. Но истинный Посвя-

щенный — который поможет мне взять ее силу!

— Каким образом? — Предчувствуя недоброе, Соня попятилась. Но Калидор внезапно дернул ее за руку.

...И изо всех сил толкнул к Гедрен.

— *Вот так!*

Зеленоватая с синими отблесками жидкость дрогнула, словно под порывами ветра... Соня поспешно отступила в сторону — но опоздала.

Жидкий язык, тонкий, точно хлыст, выплеснулся ей навстречу и обвился вокруг лодыжки. Острая боль обожгла ногу. И мгновенно кровь Гедрен вспыхнула пронзительно сине-зеленым огнем, и дымчатое облако поднялось над телом поверженной ведьмы.

С яростным криком Соня рубанула мечом по обхватившему ногу щупальцу. Оно рассыпалось каскадом сверкающих брызг — но сияющее облако уже плыло ей навстречу, принимая человеческие очертания.

Впрочем, не совсем человеческие. У странной фигуры была огромная голова, четыре коротеньких руки-отростка и длинный извивающийся жирный хвост вместо ног... Соню перевернуло от отвращения.

— Как хорошо... — Зловещий шепот ведьмы раздался со всех сторон сразу, словно сами стены зала заговорили ее голосом. — Ты думала, меня так легко убить? Но ты уничтожила лишь мое первое, грубое тело... — Гедрен захохотала: — В отместку я возьму *твою*...

В отчаянии, не спуская глаз с медленно навигающегося облака, Соня отступала шаг за шагом — пока не уперлась спиной в стену. Стиснув зубы, девушка попыталась воззвать к Рыси — но и та оказалась бессильна. Прорваться сквозь завесу иллюзий было ей под силу, и даже сокрушить смертное тело ведьмы — но одолеть даймона в его истинном обличье не мог бы никто из смертных.

— Что мне делать? — в отчаянии возвала она к Калидору. — Я не могу с ней совладать!

И внезапно Калидор захохотал. Смех его сотряс стены цитадели. И Гедрен застыла, едва заметно подрагивая щупальцами, словно в недоумении.

— Смешься, брат... — слышался ее змеиный шепот. — Почему? Ты же знаешь — твоя смертная воительница не может лишить меня *этого* тела. А значит, ты никогда не отнимешь мою силу.

Червеобразные руки-отростки, извиваясь, потянулись к вжавшейся в стену девушке, на глазах наливаясь гниlostным свечением — точно вся сила Гедрен собралась сейчас в них. Соня с силой рубанула по ним мечом — но с тем же успехом она могла бы пытаться разрезать воду.

И тогда Калидор закричал:

— Богиня! Ты должна воззвать к Светлой Матери, Соня. Ты — ее Посвященная, она придет к тебе на помощь! Ей одной подвластны жизни даймонов. Она сотворит то, что не под силу ни мне, ни тебе! *И я обрету свободу!*

Так вот почему он избрал ее — Соню! Не за отвагу. Не за владение мечом.

Но лишь потому, что она могла призвать Великую Мать.

Воительница стиснула зубы. Щупальца Гедрен уже почти касались ее лица. Она ощущала смрад-ный запах, исходивший от даймона;— запах тле-ния и смерти.

Что за силу обретет Калидор, если Богиня убьет его сестру? Каким богом он станет для тех, кто поверит в него?

Картины одна омерзительнее другой проно-сились в сознании девушки. А он еще предла-гал ей место рядом с собой...

Этому не бывать!

Решение пришло внезапно, словно само собой.

Не раздумывая ни мгновения, Соня нырнула вниз, уходя от хватки пульсирующих щупалец. Извернулась. Покатилась по полу. Вскочила...

Клубящееся облако, щетинясь сотнями мел-ких отростков, устремилось в погоню. Кончики их налились алым — точно измазанные в крови. И девушке показалось, на каждом распахнулась крохотная пасть...

До Калидора, невозможно наблюдающего за схваткой, оставалось не больше десятка шагов.

...Метательный нож сверкнул в воздухе се-ребристым сполохом.

Глаза даймона, за миг до того зеленые, как море, засеребрились, словно отражая блеск клин-ка. Серебром всплеснулись белоснежные стены. И потоки серебряных искр разлетелись по уголь-но-черному плитам, там, где на пол мягко опу-стилось тело Калидора.

Нож Сони вошел ему в глазницу по самую рукоять.

Время остановилось. Порвалась нить мгнове-ний, и они раскатились, словно сверкающие жемчужины, наполняя мир тихим звоном.

— Что ты сделала, смертная? — слышался на-конец шепот. Едва слышный, бесплотный — Соня не знала, принадлежит он Калидору или Гедрен.— Зачем?..

Клубящееся облако — даймон-что-был-Гедрен — внезапно съежилось... и исчезло, унесенное стре-мительной воронкой, узкий конец которой ухо-дил в разверстый в последнем крике рот ведьмы.

Соня взглянула на Калидора. Ярко-синяя кровь толчками выплескивалась из раны. Ее станови-лось все больше и больше... вот она уже хлестала потоком, заливая все вокруг. Содрогающееся, пульсирующее озеро ширилось — и наконец кровь обоих колдунов соприкоснулась.

В месте их слияния поднялось облачко голубо-вато-зеленого тумана. Обе жидкости отпрянули в разные стороны, точно наделенные собственной волей... а затем устремились навстречу друг другу.

Синяя волна взметнулась до самого потолка — и опала, подобно лазурным лепесткам миарна, что зацветает высоко в горах в единственную ночь летнего солнцестояния... А потом рассыпалась роем голубых искр. Словно вспыхнул в последний раз — и прогорел небесный костер.

— Ты предлагал мне стать твоей невестой,— усмехнулась Соня.— Будем считать — это оконча-тельный отказ!

Перед глазами вдруг все закружилось, словно ее подхватил гигантский водоворот. Мир смешался в безумии красок, звуков и ощущений.

Она невольно зажмурилась — так велико было напряжение.

И столь же внезапно все кончилось. И наступил покой.

Соня открыла глаза. И увидела, что стоит не в пустынном зале с белоснежными куполообразными стенами и угольно-черным полом, а на том самом месте, где совсем недавно любовалась закатом и смотрела на озеро, в застывших водах которого отражался таинственный цитадель. Только теперь ни крепости, ни озера больше не существовало. Мир-между-мирами сгинул навеки, вместе с магией, его породившей.

Она стояла на идеально ровной скальной площадке; внизу неспешно проплывали облака, и распухшее багровое солнце осторожно сползало с небес, прячась за зубчатой кромкой гор. Их поединок с даймоном в реальном мире длился не больше мгновения.

Пора было уходить. Там, внизу, они с Калидором оставили лошадей...

У самого края она оглянулась в последний раз. Показалось ей — или по каменной поверхности и впрямь пробежала едва заметная рябь?.. Девушка начала спускаться по склону.

Налетевший ветер донес до нее отголоски далекого смеха.

Часть первая СТАРЫЙ ДОМ

Глава первая

Вечерело. Небо обложили тяжелые серые тучи, предвещая скорый дождь. Они низко нависли над городом, и сумерки стугнулись, набросив на дома и улицы влажный покров. Порывы ледящего северного ветра заставляли Соню зябко поеживаться. Она жалела, что не послушалась матери и не надела теплый гирканский халат: он прикрыл бы ей ноги и хоть чуть-чуть защитил от холода. Улицы Майрана постепенно пустели; жители приморского городка заканчивали свои дневные дела и расходились по домам.

Когда-то Майран был богат и многолюден. В большой гавани стояло множество торговых и военных судов, улицы от рассвета до заката были заполнены толпами народа: купцами, приплывшими из далеких стран, чиновниками, спешащими по своим делам с важными надутыми лицами, караванщиками и погонщиками мулов, ремесленниками и торговцами, наперебой расхваливающими свой товар и прочим людом — либо занятым каким-нибудь промыслом, либо праздно шатающимся

в надежде, что сегодня уж непременно удастся пожить на одном из шумных базаров.

О былом величии Майрана теперь напоминали лишь исполинские развалины крепостных стен и городских башен. Время стирает все: от горных вершин и каменных монолитов до лесов и морей, что же говорить о творении рук человеческих — робкой попытке оставить о себе след, все растворяется в неумолимой поступи веков.

Как в кипящем котле нерадивой хозяйки, когда варево перемешивается и со дна поднимается муть, так и в хайборийском смешении народов наступило неспокойное время. Будто лежавшее долго без движения неведомое подземное чудовище начало просыпаться, ворочаться, стряхивая со своей спины горы и доли, стирая границы и разрушая города. Казавшиеся незыблемыми империи рушились, шатались и падали троны, летели в пыль короны вместе с головами всемогущих правителей, а шеи рабов сгибались под ярмом новых владык.

Два с лишним века Аквилония безраздельно господствовала в западном мире. Во времена правления Конна Четвертого ее рыцарство покорило большую часть Хайбории, превратив могущественные некогда Зингару, Аргос и Офир в провинции аквилонской империи, сохранявшие лишь видимость независимости. Укрывшийся за горами Коф, подобно Коринфии и Шему, платил ей непосильную дань.

Заносчивая Немедия не могла позволить своему извечному врагу безнаказанно расширять свои владения и пыталась сдержать натиск Ак-

вилонии, но совладать со столь мощным противником оказалось ей не под силу.

Однако времена менялись. И постепенно новые силы поднимали голову в спокойном дотоле мире. Ведомые новыми вождями, на западе и востоке, на севере и на юге поднимали голову варвары. Пока еще волна нашествия лишь копила силу, но ни у кого не было сомнений, что еще немного — и она обрушится на хайборийский мир всей своей чудовищной мощью...

Блистательная туранская империя, чьей столицей сделался город Арэнджун, клонилась к упадку. Некогда цветущий Майран, находящийся на ее северной окраине, превратился в провинциальный, захолустный городишко. Жителей его постигла та же участь, что и многих других собратьев по несчастью: те, у кого была возможность, покидали свои обжитые места, увозя скорбь и бросая дома и постройки, оставшиеся жили без особой надежды на будущее, в постоянном страхе ожидания набегов гирканских орд и войск горных князьков, во множестве расплодившихся на окраинах Замо-ры и в Кезанкийских горах.

Семья Сони жила здесь недавно, всего несколько лет, но девочка плохо помнила прежнее место, где они жили, и для нее родным городом стал Майран. Ей исполнилось уже тринадцать. Высокая и длинноногая, она была еще по-детски угловата, но при внимательном взгляде на девчонку каждый, кто хоть сколько-нибудь понимал в этом толк, несомненно заметил бы, что в будущем она станет незаурядной красавицей.

От матери, родом из Ванахейма, Соня унаследовала серые глаза и светлый, с оттенком меди цвет волос, из-за которого все кому не лень называли ее Рыжей. Она была стремительна в движениях и непоседлива, а в ее походке, легкой и словно летящей, чувствовалась энергия, словно стремящаяся вырваться наружу.

Сейчас Соня возвращалась домой, выполнив поручение матери: ее послали отнести какой-то сверток приятелю отца, живущему в самом центре Майрана у городского рынка. Она шла очень быстро, подгоняемая холодным ветром, мечтая, как усядется у очага, где вовсю полыхает жаркое пламя... Ей оставалось пройти всего два кривых переулка и пустынную площадь, на краю которой стояло несколько старых, но еще довольно-таки крепких домов; в одном из них и жил с семьей зажиточный по майранским меркам купец Келемет, отец Сони.

Девочка вприпрыжку поднялась по узкой тропинке на земляной вал, разделяющий нижнюю и верхнюю части города, и уже ступила ногой на остатки когда-то ровной, мощенной камнем улицы, ведущей на площадь, когда услышала за спиной топот множества ног, крики и бряцание металла. Зная по опыту, что встреча со стражниками вряд ли может сулить что-либо приятное, Соня проворно шмыгнула в ближайший проулок. Однако любопытство оказалось сильнее страха, и, притаившись за большим камнем, она осторожно выглянула наружу. На улочку выскочило несколько мальчишек.

— Сюда, быстрее! — свистящим шепотом командовал один.

Остальные бросились за ним и, пробежав всего в двух шагах от Сони, исчезли в развалинах. Мальчишки так торопились, что никто не заметил замершую за камнем фигурку. Девочка чуть не вскрикнула от изумления — в одном из пробежавших она узнала своего старшего брата Хункара. «Интересно, куда это они?» — с любопытством подумала Соня, но тут раздалась громкая ругань и рядом с проулком показались трое запыхавшихся стражников, которые, по всей видимости, гнались за мальчишками и, потеряв их из виду, были донельзя раздосадованы таким поворотом событий.

— Куда подевались эти отродья? — озираясь по сторонам, недоумевал высокий небритый детина с вытаращенными, словно у рыбы, глазами.

Двое других, опершись на алебарды, тяжело, со свистом отдавались и поэтому не ответили на вопрос своего товарища.

— Как сквозь землю провалились, племя Нергала! — ярился небритый.

— Может быть, они свернули вон туда? — предположил другой стражник и указал концом алебарды куда-то вниз.

— Кто их знает? — возбужденно ответил высокий. — Эта майранская падаль как крысы — в любую нору юркнут.

Соня прижалась к камню, моля богов, чтобы ее не заметили, но тут второй стражник заглянул в проулок и увидел девочку.

— Эй, ты! — Он сделал шаг к ней. — Не дела здесь кого-нибудь?

Соня, не открывая рта, помотала головой, надеясь, что стражник не станет упорствовать и отстанет.

— А не врешь, маленькая мерзавка? — подозрительно поглядев на нее, спросил третий, маленький плешивый гирканец, который снял свой шлем и вытирал рукавом вспотевшую от быстрого бега лысину. Двух передних зубов у доблестного стража не было, и поэтому у него получилось что-то вроде: «А не всешь, матенкая мертавка?», однако Соня поняла вопрос и еще раз отрицательно покачала головой.

— Да пойдем отсюда, Халил, что ты к ней пристал? Только время зря теряем... — потянул его за рукав высокий стражник. — Они, видно, спрятались внизу, где конюшня этого ублюдка Тургута. Бежим наперерез, глядишь, и поймаем...

— Подожди, — усмехнулся небритый, — девчонка-то ничего, может, побалуемся? — Его глаза похотливо заблестели, ощупывая хрупкую фигурку Сони, которая вся сжалась под взглядом стражника. Он сделал еще шаг в ее сторону и протянул руку, намереваясь схватить девочку за плечо, но Соня проворно отскочила назад, хотя понимала, что сзади стена дома и в этом тупике она бессильна убежать от взрослого мужчины.

Соня завела правую руку назад и нащупала рукоятку кинжала, с которым не расставалась. Если этот мерзавец сделает еще один шаг к ней, то будет долго жалеть об этом...

— Пойдем, я тебе сказал! — гаркнул высокий — видимо, он был среди них старшим. — Нашел время, сучий потрох! Упустим этих ублюдков, Дурбан нам головы поотрывает!

— Не поотрывает, — не сводя глаз с девочки, осклабился его товарищ, но все же с явной неохотой повернулся и под суровым взглядом высокого отступил назад. — Ладно, чего уж там, пойдем...

— Давай, давай, побыстрее! — еще раз рявкнул высокий, и троица, громокая доспехами, побежала вниз, откуда совсем недавно появилась.

Соня с облегчением вздохнула, чувствуя дрожь во всем теле.

* * *

Она повернула назад и крадучись стала продвигаться к развалинам дома, где исчезли мальчишки. Среди огромных камней фундамента, она заметила проем и осторожно просунула туда голову. До Сони донесся возбужденный говор, звучавший глухо и неразборчиво, в ноздри ударила затхлая вонь подземелья. Девочка несколько мгновений не шевелилась, прислушиваясь к голосам внутри, и ей показалось, что она явно различила голос Хункара.

Соня, держась правой рукой за шершавую стену, сделала несколько осторожных шагов внутрь подземелья. Она давно подозревала, что старший брат занимается каким-то недозволенным промыслом: он то являлся домой за полночь, то исчезал на несколько дней. А однажды она видела, как Хункар прятал в сарае какой-то сверток. Заметив

сестру, тот сделал страшную гримасу и прошипел: «Нечего тут высматривать! Беги отсюда!»

Случай помог Соне утвердиться в своих подозрениях и побольше разузнать о том, чем занимается ее брат. Ее до глубины души обижало, что Хункар все еще считает ее маленькой и ничего не рассказывает. А ведь ей уже тринадцать и она умет держать язык за зубами. А клинок метает даже лучше его!

Отец считал, что в нынешние беспокойные времена, женщина должна уметь защитить себя, и обучал своих дочерей владеть кинжалом и луком наравне с братьями. Соня могла с сотни шагов попасть стрелой в насаженное на шесть яблоко, а в метании кинжала она даже превзошла братьев.

— Смотрите, вы, мужчины! — насмешливо говорил Келемет сыновьям, когда клинок, пущенный рукой Сони, вонзался в колоду, прислоненную к стене сарая, и рукоятка кинжала еще некоторое время дрожала в воздухе, наполняя легким звоном пространство. — Если когда-нибудь встретитесь с такой женщиной, как ваша сестра, она живо поотрезает вам все лишнее, коли чуть замешкаетесь! — Он откидывал назад голову и весело хохотал собственной шутке. Братья раздраженно сопели с негодованием поглядывая на улыбающуюся до ушей Соню, но, как ни старались, не могли поразить мишень точнее, чем маленькая рыжая плутовка.

...Глаза постепенно привыкли к темноте, и Соня теперь различала усыпанный мелкими ка-

мешками лаз. Девочка сделала еще несколько маленьких шажков и заглянула за угол. Где-то впереди блеснул огонек, и она вздрогнула, будто этот лучик света мог обнаружить ее присутствие. Соня постояла еще немного, и в тусклых отблесках смогла разглядеть, что впереди проход упирается в стену, из-за которой и доносились обрывки разговора.

Девочка крадучись скользнула вперед. В стене были щели, откуда пробивался свет, и Соня прищелкнула глазом к одной из них. Она увидела часть небольшого помещения, на полу в глиняной плошке горел небольшой фитилек, выхватывая из темноты лица сидящих вокруг него людей. Соня не видела всех, но одного из них, стоящего посреди круга, узнала сразу — это был Удод, прозванный так за маленькую вертящую головку, сидящую на длинной тощей шее.

Он жил в нескольких кварталах от их дома и пользовался дурной славой среди местных жителей. Соседки, указывая на него, говорили меж собой, сокрушенно покачивая головами:

— Из этого парня выйдет законченный мерзавец, еще хуже, чем его отец!

Соня не знала, говорят ли они так потому, что ненавидят его отца, — старшего сборщика податей Майрана, или на самом деле считают мальчишку отпетым негодяем.

Сейчас этот Удод, покачиваясь на носках, обращался к кому-то со злобой и ненавистью, временами подкрепляя свои слова угрожающими жестами:

— Блевотина Нергала! Из-за тебя, ублюдок, мы чуть ли не попали в лапы к стражникам. Еще раз ошибешься, отправлю в портовый бордель, к матушке Заире. Рожа у тебя смазливая, собачий выкормыш, работенку тебе там найдут!

Никто из присутствующих не смел пошевелиться. Было ясно, что все безропотно признавали главенство Удод. Некоторое время стояла тишина.

— Понял,— сдавленным голосом ответил кто-то из угла, и Соня с удивлением узнала голос своего брата. Кровь бросилась ей в голову — девочка почувствовала, как запылали даже кончики ушей. Хункар терпел подобное обращение! Но ей этого не вынести, и рука сама потянулась к кинжалу. Однако Соня сдержала свой порыв, хотя ей до смерти хотелось ворваться в соседнее помещение и воткнуть клинок в спину вертлявому ублюдку. Девочка не верила своим ушам — ее брат безответно позволил себя унижить! Ведь отец учил их не уступать никому, и в их квартале сверстники побаивались не только братьев, но и саму Рыжую Соню.

Она перевела дыхание, успокаиваясь. Должна быть причина, почему брат ведет себя так. И она ее узнает.

— Смотри, Хункар, я тебя предупредил. — Удод потянулся.— Все вон. Встретимся завтра, на закате.

Мальчишки молча поднялись со своих мест и по одному двинулись к выходу. Соня протиснулась поглубже в узкий лаз, чтобы ее не заме-

тили выходящие из своего убежища члены шайки. Они возникали перед ее глазами, словно бестелесные тени и, в молчании промелькнув в боковом коридоре, исчезали. Последним вышел Удод, держа перед собой плоску с огнем.

Он наклонился, и черты его лица, и без того не слишком привлекательные, осветились неровным желтоватым светом — на мгновение Соне показалось, что прямо на нее смотрят не глаза живого человека, а уставились невидящим взглядом пустые глазницы обглоданного черепа. Девочка инстинктивно схватилась за рукоятку ножа, но Удод, сложив губы трубочкой, дунул на огонь. В наступившей тьме только шуршание его сапог по камешкам напоминало Соне, что она здесь не одна.

Шаги затихли, и в подземелье наступила мертвая тишина. Соня, подождав немного, убедилась, что ее присутствие осталось незамеченным, и ощупывая стену, медленно двинулась к выходу. Ее глаза, привыкшие к темноте, различили поворот и скудный вечерний свет, пробивавшийся снаружи. Девочка выбралась через узкий лаз и с удовольствием вдохнула свежий воздух.

Внимательно оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, Соня вышла из тупичка, пересекла площадь и кинулась к дому. «Сейчас мне достанется — думала она на бегу.— Неизвестно, сколько времени я просидела в этом подвале...» Она не ошиблась: мать ждала ее у покосившихся ворот их двора.

— Соня, Соня! Где ты была? — Голос матери срывался от волнения.

Соня прекрасно понимала: ее отсутствие было настолько долгим, что объяснить его какой-нибудь правдоподобной причиной ей вряд ли удастся. Девочка стояла перед матерью, нахмурившись и покусывая нижнюю губу, что выдавало ее замешательство, но ничего подходящего в голову ей так и не пришло.

— О Светлые Боги, эта девчонка отправит меня на Серые Равнины. — Женщина устало махнула рукой и отправилась к дому. Соня поплелась следом.

Сиэри слишком хорошо знала дочь — когда личико Сони вот так хмурилось, добиться от девочки вразумительного ответа было невозможно.

— Ты промерзла, скорей садись к печи, я принесу тебе горячего молока, — мать тяжело вздохнула и отправилась на кухню.

Сиэри была родом из Ванахейма, но ее семья переселилась в Аграпур, когда ей было лет пять и она считала себя настоящей туранкой. Высокая статная женщина, она и в свои тридцать шесть лет сохранила былую привлекательность.

Дочери получились в нее, так уж распорядилась природа: обе высокие, стройные, с рыжеватомедными, как у матери, густыми волосами, но серо-стальные глаза унаследовала только младшая, Соня, старшая, Ална, была кареглазой, в отца. Оба сына статью вышли в Келемета — невысокого роста, но широкоплечие и плотно сбитые, словно вытесанные из цельного куска камня. Темные волосы и чуть раскосые карие с желтизной глаза безошибочно выдавали гирканское происхождение

ние братьев. Зато характером все, кроме Сони, походили на ваниров: немногословные и сдержанные, чуть медлительные в движениях.

У матери с ними не возникало особых проблем, потому что дети были учтивы и послушны — разумеется в той степени, насколько могут быть управляемы дети, выросшие в Майране, где временами кровь лилась рекой и с юных лет рука обитателя сего городишки привычной ложилась на рукоять кинжала, чем поднималась в приветствии.

Сиэри постоянно вспоминала те времена, когда семья жила в Аграпуре, где и родились все четверо. Она не интересовалась, чем ее муж зарабатывает на жизнь, а занималась домом и воспитанием детей, тем более что денег он приносил достаточно и они вели, может быть, и не очень богатую, но вполне пристойную жизнь: дом был просторным и крепким, держали двух служанок и повара, имели несколько лошадей и щегольскую карету, сделанную на заказ в Пуантене, на которой вся семья временами выезжала в горы или на дикий берег моря в нескольких лигах к северу от города.

Потом все вдруг резко изменилось, им пришлось спешно покинуть Аграпур, а если все назвать своими именами, то просто в одну из ночей спастись бегством, бросив дом и хозяйство, от которого в Майране и осталась только эта проклятая карета, совершенно ненужная здесь и стоявшая в сарае, заваленная мешками и всякой рухлядью.

— Подожди, скоро вернемся обратно,— обещал ей Келемет в первые годы их пребывания здесь,— или, может быть, переберемся даже в Арэнджун!

Однако годы шли, а надежды обосноваться где-нибудь в более приличном месте так и оставались мечтами, и временами Сизэри, с тоской вспоминая Аграпур, приходило в голову, что так ей и придется дожить до старости в этом ненавистном городишке, когда-то бывшем богатым и процветающим. Рассказывали, что давно, лет сто назад, а может, и того больше, майранскую гавань заполняли суда иноземных торговцев и военные корабли туранского флота, в великолепных дворцах обитали вельможи, роскошью с ними спорили высокие правительственные чиновники, от слуг и челяди тех и других было тесно на улицах. Постоялые дворы и харчевни славились своей кухней по всей империи. И далеко с моря было видно золотое сияние куполов многочисленных храмов...

Может быть, так оно и было, кто знает? Во всяком случае, развалины храмов с пустыми глазницами окон и выросшими на остатках карнизов кустами, семена которых занес ветер, еще встречались кое-где в Майране, но уже никто и не помнил, каким богам молились когда-то в этих огромных зданиях, камни построек которых местные жители уже давно растащили для своих жилищ.

Солдат, правда, в городе и сейчас было порядочно. В последние годы Туран несколько

укрепил свои позиции на востоке и даже готовился к тому, чтобы завоевать Заморю. Соня привыкла к тому, что военных в их городе можно встретить повсюду, и даже у ее отца было несколько знакомых офицеров.

Иногда, когда в доме собирались приятели Келемета, чтобы пропустить кувшинчик винца в домашней обстановке, ей удавалось подслушать кое-что из разговоров взрослых. Она не все понимала из этих бесед, но запомнила, как однажды один высокий усатый военный кричал, что пора растоптать этих выскочек из Аквилонии, как он ненавидит этих заносчивых и высокомерных жителей западной империи и что все неприятности в стране от них, а торговля не принесит достаточной прибыли из-за непомерных пошлин зажавшихся аквилонских таможенников.

Слушавшие согласно кивали головами и подкивали, что давно пора готовиться к тому, чтобы начать завоевывать запад и показать этим аквилонцам, кто является хозяином в мире. Соня с жадностью внимала этим разговорам и тоже ненавидела и Аквилонию, и ее обитателей, желая им всяческих бед...

Но в общем они и здесь жили вполне сносно: Келемет открыл несколько лавок, и на жизнь денег хватало; здесь тоже держали служанок, и у детей был учитель, который обучал их грамоте, потому что глава семьи считал умение читать совсем нелишним. Дочери обучались игре на музыкальных инструментах, подобно детям

нобилей и богатых чиновников, но у Сиэри все равно душа не лежала к этому месту, и она часто предавалась мечтам о том, как бы поскорее уехать из глухого городка.

Со всеми детьми можно было, как-то сладить... со всеми — кроме младшей дочери. Соня унаследовала характер отца: она была резкой и строптивой, и ничто не могло обуздать ее непоседливый и беспокойный нрав — ни увещевания матери, ни даже наказания. Она упрямо сжимала губы и все равно поступала по-своему.

Теперь уж поздно ее пороть, почти взрослая девушка, и у Сиэри совсем опустились руки. Ну ладно старший брат занимается какими-то странными делами, и хотя отец этого не слишком одобряет, он, в конце концов, мужчина... но почему так тянет на неприятности юную девицу?!

Глава вторая

Я тебя видела сегодня...— Соня подошла к Хункару, который сидел сутулившись, невидящим взглядом уставившись на огонь.

— Где? — равнодушно спросил он, не поворачивая головы.

— Угадай,— усмехнулась Соня и, пододвинув второй стул поближе к очагу, присела рядом с братом.

Тот посмотрел на нее с недоумением, по его лицу было видно, что он безуспешно старается вспомнить, где сегодня мог столкнуться со своей сестренкой.

— Ну как? — осведомилась девочка.

Хункар задумался, напрягая память, но в голову ему так ничего и не пришло.

— Ха! — засмеялась Соня, чрезвычайно довольная замешательством брата.— Ни за что не угадаешь!

— Ну ладно,— признал свое поражение Хункар,— чего тянешь, рассказывай!

— В подвале у Кривого переулка! — выпалила девчонка и с любопытством глядя на брата — как тот отреагирует на ее слова. Ожидания оправдались, пожалуй, в большей степени, чем она могла предположить: Хункар застыл, пораженный, и отвисшая нижняя челюсть сделала его похожим на проголодавшегося осла перед кормушкой с сеном. Хорошенько насладившись его изумлением, Соня глубоко вздохнула, как перед прыжком в неизведанное, и добавила:

— Я не только видела тебя, но и слышала, о чем вы там говорили!

— Что говорили?! — Хункар наконец сумел захлопнуть рот, но его удивление было настолько велико, что он мог произнести только эту короткую фразу.

— И между прочим, — Соня нахмурилась и, взглянув ему прямо в глаза, спросила: — Почему ты позволяешь этому ублюдку Удоду обращаться с тобой как с прислужником?

— Так ты... действительно все слышала? — запинаясь, произнес Хункар, отвернувшись к огню. Он взял кочергу и стал помешивать почти прогоревшие поленья. Сноп искр, вырвавшись на волю, мелькнул вспыхивающими звездочками и унесся вверх.

— Понимаешь, — смущенно начал брат, — я его не очень-то и боюсь, но он предводитель... — Он внезапно замолчал, поняв, что сболтнул лишнее, и вдобавок еще и оправдывается перед младшей сестрой. — Это тебя не касается! — сурово закончил он и зло ткнул кочергой в угасающие уголья.

Соня не ответила, но с губ ее не сходила слегка презрительная усмешка. Хункар тоже молчал, щеки его залил багровый румянец, в темных глазах вспыхивали злые огоньки.

— А как ты, собственно, туда попала? — резко повернувшись к сестре, спросил он.

— Я видела, как за вами гнались стражники, — ответила Соня. — Как это вам удалось заставить их побегать?

— Я же сказал: не суй нос не в свое дело! — раздраженно бросил Хункар и вновь отвернулся к огню.

На его скулах заходили желваки, не предвещавшие ничего хорошего. Соня прекрасно понимала, что сейчас может последовать взрыв ярости. Они часто ссорились, иногда по самым пустяковым причинам, а сейчас причина была вовсе не шуточной. Но Соня не собиралась уступать и, будто невзначай, заметила:

— Вот отец узнает, что ты связался с Удодом, и тогда...

— Что «тогда»? — резко бросил Хункар. — Думаешь, наш отец был овечкой в свое время?

Соня с любопытством уставилась на брата.

— Да, да, — понимая, что ему следует замолчать, но не в силах остановиться, раздраженно кивнул Хункар. — Никогда разве не слышала о его подвигах?

— О чем ты говоришь? — удивилась девочка.

— О чем? — презрительно бросил брат. — Тебе, малышка, совершенно ни к чему знать «о чем»!

— Ну Расскажи, Расскажи, пожалуйста! — Соня умоляюще взглянула на Хункара.

— Ну... — замялся юноша, тронутый ее тоном. Несмотря на нередкие ссоры, они с сестрой все-таки были очень дружны. — Только ты обещаешь, что никому больше не Расскажешь об этом?

— Клянусь, сосками Дикой Кобылицы! — злобещим шепотом ответила девочка, оглянувшись по сторонам, как будто кто-нибудь мог подслушать ее слова. — А мама знает? — не удержалась она.

— Думаю, что нет, — покачал головой Хункар. — Ее никогда особенно не интересовало, чем занимается отец.

— Откуда же ты узнал?

— Откуда, откуда? — передразнил ее брат. — Не задавай ненужных вопросов. Нет, не буду ничего рассказывать, мала еще!

— Прости, пожалуйста, — Соня тронула его за рукав и с трогательной улыбкой заглянула в глаза Хункару, — я буду молчать как рыба! И потом, я не такая уж и маленькая. — Она выпрямилась на стуле. — Вон, стражники сегодня даже гнаться за вами перестали, хотели...

— Что они еще хотели? — встрепенулся брат и быстро сообразив, о чем речь, резко прикрикнул на Соню: — Поколотить тебя мало, рыжая паршивка! Тебе мать сколько раз говорила не шататься вечером по городу?!

— У меня всегда при себе кинжал... — попробовала оправдаться Соня.

— Кинжал! — фыркнул брат. — Ты что, совсем спятила?! Да ты бы и пикнуть не успела, как

тебя бы скрутили, а потом и убили, чтобы скрыть следы! Кинжал! — презрительно повторил он и покрутил головой в знак того, что отказывается понимать, как можно иметь дело с глупыми женщинами. — Ладно! Так и быть, Расскажу...

По его лицу можно было прочесть, что ему самому до смерти хочется поделиться с кем-нибудь своими сведениями.

— Наш отец в молодости был известным разбойником! — выпалил Хункар и торжествующе посмотрел на сестру, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Боги! — От изумления Соня вскочила. — Он тебе сам сказал?

— Мне показалось, ты обещала не задавать вопросов, — язвительно заметил Хункар. — Если не будешь держать язык за зубами, ничего больше не узнаешь.

— Ой, прости, прости, — спохватилась сестра, вспомнив свое обещание, — говори, пожалуйста, я не произнесу больше ни единого слова!

— Садись, — смиловился юноша, — и слушай дальше. Мне об этом рассказал косой Талгат, знаешь сына Рашмаджана, что живет в Нижнем городе у базара?

— Откуда мне знать всех твоих приятелей! — фыркнула Соня. — Я и Рашмаджана-то не знаю. Это кто?

— Ну, сестрица, — рассмеялся Хункар. — Не знаешь Рашмаджана? Помнишь человека, который чинил нашу карету?

— Ох уж эта карета! — приснула Соня. — Никак не пойму, зачем мы держим эту рухлядь? Так тот длинный туранец и есть Рашмаджан?

— Угу, — кивнул брат, — он был в одной шайке с нашим отцом, давно, еще в Аграпуре. Мы совсем не просто так переехали сюда, — тут он взглянул на Соню и махнул рукой, — да, опять забыл, ты же не помнишь, совсем маленькая была тогда. А я помню, как мы долго ехали: несколько дней, и как раз на этой самой карете.

Ему доставляло большое удовольствие при каждом удобном случае подчеркивать, что он старший.

— Наш отец и Рашмаджан вместе бежали из Аграпура. Пришлось, — вздохнул он и развел руками, — что поделаешь, если дело дошло до самого правителя...

— Правитель?! — От изумления Соня едва не поперхнулась.

Мысль о том, что судьбы могущественного властителя Турана и людей, живущих где-то на самом краю света — во всяком случае именно так девочка представляла себе местоположение Майрана, — могли каким то образом пересечься, совершенно не укладывалось в ее голове.

— Сам правитель?! — Она повторила эти слова еще раз, не в силах осмыслить их значение. Для ее полудетского сознания правитель был чем-то вроде Огненного Скорпиона или Белой Волчицы, чье существование никто не смел оспаривать, но чей облик не видел ни один из смертных.

— Ну да! — Хункар гордо посмотрел на сестру. — Да ты глаза-то так не закатывай, — усмехнулся он, — тот правитель давно умер...

— Как умер?... — снова перебила его Соня, но, встретившись с грозным взглядом брата, мгновенно умолкла.

— Как все люди, — усмехнулся Хункар, — и место его пустым не осталось. Теперь в столице сидит другой владыка.

— Другой?! — как эхо, отозвалась Соня, для которой слово «правитель» было равнозначно слову «бог» и сама мысль о том, что такое существо может умереть, просто не приходила ей в голову.

— Другой, другой, — рассердился Хункар. — Да очнись ты! — Он потряс ее за плечо. — Подумаешь, тоже... Наш отец такие дела проворачивал, что и самому правителю не под силу. Откуда, ты думаешь, у нас столько денег?

Вопрос брата поставил Соню в тупик. С детства привыкнув к достатку, она не задумывалась до сих пор о его истоках. Конечно, девочка знала, что отец держит несколько лавок на городском рынке и занят ими с утра до позднего вечера.

— Торговля приносит хороший доход, — повторила она слова отца, услышанные как-то раз, когда он беседовал с приятелями.

— Правильно, — похвалил ее Хункар. — Но ты пошевели немного мозгами и ответь: прежде чем лавка начнет приносить доход, ее надо построить или купить у другого торговца, да за-

везти товары и еще много чего, а на это нужны деньги. И где, ты думаешь, отец взял их?

— Мама говорила, что в Аграпуре у отца тоже была торговля,— запротестовала Соня.

— Угу,— хмыкнул брат, и в глазах его зажглись насмешливые огоньки.— Была, конечно, для отвода глаз. Рашмаджан рассказал Талгату, что в Аграпуре они грабили караваны купцов и сокровищницы вельмож. И убивать людей отцу тоже доводилось не раз.

В это девочка поверила сразу: в Майране редкий день обходился без драк и поножовщины, и в свои тринадцать лет она давно привыкла к виду крови и к трупам на улицах. Соня и сама без лишних раздумий была готова распороть живот любому обидчику — правда, пока боги миловали ее от подобных испытаний.

— Зачем Рашмаджан рассказывает о подобных делах? — рассудительно спросила Соня.— Так нам, может быть, придется и отсюда бежать.— Она с тревогой посмотрела на брата.

— Почем мне знать? — пожал плечами Хункар.— Наверное, напился — с ним это бывает нередко. Все может быть. Да ты не бойся. Косой Талгат никому, кроме меня, не проболтается ... — не совсем уверенно прибавил он.

Глава третья

Будет он молчать, как же! — Соня неприятно усмехнулась, в ее глазах зажглись злые огоньки.— Тебе вон рассказал, и так же легко может разболтать все кому-нибудь другому!

— Нет, нет! — торопливо и, как показалось Соне, виновато замахал на нее руками Хункар.— С чего ты взяла? Ведь Рашмаджан и наш отец вместе были! Он не посмеет!

— «Не посмеет!» — передразнила его сестра, и в этот момент их роли переменились: теперь уже старшей была она, а Хункар внимательно следил за ее жестами и словами.

— Вы оба не умеете держать язык на привязи,— сердито буркнула Соня.— Нет, даже не оба,— поправила она себя,— а все трое: и Рашмаджан, старый пьяный дурак, и твой косой дружок, да и ты сам!

— Но я же только тебе рассказал...— стал оправдываться Хункар.

— Я на твоём месте рассказала бы все отцу.— Сестра одарила его жестким взглядом.— Пусть

он решает, что делать со своим подельником и с его не в меру болтливым сыном.

— Ты что? — испугался Хункар. — Он же при-
бьет меня!

— Глупец! — презрительно ответила Соня. —
Пятнадцать весен стукнуло, а такой же болван,
как твой трепливый приятель! Да он и пальцем
тебя не тронет, если ты предупредишь его об
опасности. А вот если не предупредишь... то на-
верняка получишь так, что мало не покажется.
Странно, — с недетской умудренностью добавила
она, — как это тебе самому не пришло в голову?
Хорошо, что я умею держать рот на замке. На
вас, мужчин, положиться совершенно нельзя.

— Ишь, «нельзя»... — обиделся брат. — Я, кро-
ме тебя, никому не рассказывал...

Но в глубине души он не мог не признать
правоту сестры: женщины с детских лет привы-
кают к осторожности и осмотрительности, не в
пример мужчинам и юношам, большинство из
которых беспечны и недальновидны и вообража-
ют, что все вопросы легко решаются крепкими
мускулами да стальным клинком. Правда на са-
мом деле Косой Талгат рассказал Хункару совсем
немного. То, что по пьянке сболтнул его отец вряд
ли могло причинить какие-то неприятности их
семьям. Правда, как говорят на базаре, — слово
без ног, а пройдет тысячу лиг. Да еще приукра-
шенное людской молвой. А оговорить ближнего,
даже без пользы для себя, кто откажется? Это
крепко сидело в голове у Сони, младшей дочери
зажиточного торговца Келемета.

Конечно, если бы хоть о сотой доле давних
свершений жизнерадостного широкоплечего су-
пруга Сиэри стало известно местным властям,
то семейству наверняка бы пришлось бежать и
из этого города в поисках нового пристанища.

Келемет происходил из семьи аграпурских тор-
говцев, может быть, и не очень богатых, но име-
ющих твердую почву под ногами. Издревле гир-
канцы составляли значительную часть населения
Турана, знать этого королевства. Все наиболее
высокие посты при имперском дворе, должности
судей, сборщиков податей и прочие хлебные ме-
ста доставались обычно гирканцам. Двести-три-
ста лет назад еще существовали законы, по кото-
рым гирканцы имели большие преимущества пе-
ред другими народами, населявшими Туран, и
преступление, за которое гирканец обычно отде-
лывался денежным штрафом, остальным легко
могло стоить головы.

Правители Турана, несмотря на многочислен-
ные дворцовые перевороты и распри, всегда
были гирканцами — их поддерживали военные.
Армия империи, несмотря на то что последние
несколько веков ей приходилось беспрестанно
отбивать наскоки кочевников с севера и юга,
была все еще сильна, а предания о ее победах в
прошлых далеких битвах достигали даже нео-
бозримых степей и холодных предгорий Север-
ных Земель, не говоря уж о южных границах.

Набеги в основном совершались на погра-
ничные городки и селения. Разогнав войк отда-
ленных гарнизонов имперской армии, обычно

уступавших в численности противнику, варвары, ограбив население и уведя наиболее сильных в рабство, снова откатывались назад, растворяясь в бескрайних степях или покрытых лесами горах,— связываться с регулярными силами Турана они все еще не решались. Самарра, Аграпур и другие города в центральной части Турана жили спокойно и зажиточно, но содержание армии с каждым годом требовало все больших и больших средств, это ослабляло империю, и, следовательно, меньше внимания уделялось внутренним делам.

Уже не так, как в старые времена, были распорочны стражи порядка, не такой многочисленной и всепроникающей армия соглядатаев, гораздо легче стало откупиться деньгами даже за крупные преступления: взятки брали все, от мелкого чиновника на базаре до сатрапа, правившего где-нибудь на окраине империи. Нельзя сказать, что люди в старые времена были сплошь честными и порядочными, но все-таки такого всеобъемлющего взяточничества, какое воцарилось ныне в Туранской империи, раньше не встречалось.

Но самая большая опасность подстерегала цивилизованные государства изнутри: не только Туран, но и не менее могущественные и процветавшие когда-то Аквилония и Немедия, Аргос и Зингара на многие десятилетия и века стали ареной кровопролитных религиозных войн.

Сначала сторонников новой веры было немного, и служители монастырей, поклонявшихся Митре и другим хайборийским богам, без труда искоре-

няли ересь удобным и широко распространенным способом — сжиганием отступников на кострах.

Но шло время, и число новообращенных росло, их богопротивные идеи проникали во все слои общества. И вот уже в иных краях и некогда всесильным толкователям заветов Солнцеликого Митры приходилось укрываться, теперь для них запался огонь, а вопли слуг Всеблагого в свою очередь усаждали слух новых властителей человеческих душ. Чародеи и маги первыми познали мощь новой веры и первыми стали дымом жертвенных костров.

Новые боги были невидимы и неслышимы, облик их ведом лишь посвященным, но все люди чувствовали над собой тяжелый и давящий покров силы и могущества Незримых.

...Келемет, унаследовав состояние своего отца, приумножать его взялся совершенно иным способом. Множество лавок теснилось на узких улицах родного города, сохранившего, несмотря на трудные времена, свое бывшее влияние и величие. В этих лавках не только торговали, но и укрывали награбленное. Келемет решил объединить эти два столь прибыльных промысла. Смелый, отчаянный, он искусно владел любым оружием, так что в скором времени сколоченная им шайка принялась успешно потрошить по ночам склады купцов или грабить подходящие к городу караваны. Много лет он трудился таким образом, превращаясь при дневном свете в почтенного торговца и уважаемого человека; богатство его росло.

Кроме всего прочего, Келемет был умен, хитер и жесток: в его отряде царила железная дисциплина, и любое неповиновение главарю каралось сурово — кровь ни он, ни его подельники проливать не боялись. Они не оставляли свидетелей своих набегов, и так могло продолжаться до того времени, когда пришедшая старость уже не позволила бы ему заниматься этим выгодным ремеслом, но боги рассудили по-другому.

Вожак и его люди настолько обнаглели от своей безнаказанности и, казалось, вечно сопутствующей им удачи, что задумали ограбление одного из знатнейших вельмож Аграпура, ни много ни мало — самого наместника владыки. Но кто-то из шайки проболтался, а может быть, просто предал — они напоролись на многочисленную засаду. В короткой и кровопролитной схватке погибло немало охранников владетельного аристократа, но и шайка Келемета понесла огромные потери: собственно говоря, в живых остались только он да Рашмаджан.

В такой клоаке, как Аграпур, подыскать новых лихих ребят было несложно, и Келемет хоть на следующий день смог бы набрать себе новых подельников. Но произошло самое худшее — их узнали, и только благодаря тому, что не успели вовремя оповестить городскую стражу, в которой, кстати, у Келемета были верные люди, ему удалось спасти жизнь, вовремя бежав из Аграпура. Гирканец не только сам унес ноги, но спас свою семью, немалую толику денег, да и Рашмаджана исхитрился вытащить. Иначе торчали бы их го-

ловы на шестах привычным украшением базарной площади, пока вороны дочиста не обглодали черепа, а ветры и дожди не выбелили кости.

Вот почему Келемету пришлось покинуть свой родной город, богатый и обильный, и прозябать ныне в этом захолустье, от одного вида которого к горлу его жены подступала тошнота.

...Соня и ее брат молчали, каждый на свой лад и по-своему переживая мрачное прошлое отца. Наконец Хункар оторвал взгляд от пляшущих в очаге синеватых огоньков и повернулся к сестре. Он раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но девочка его опередила.

— А почему этот ублюдок Удод помыкает тобой? — почти выкрикнула она. — Мужчина из нашей семьи не должен позволять кому бы то ни было командовать собой!

— Тебе легко говорить! — буркнул Хункар. Даже в красном свете догорающих углей было видно, как запылали его лицо и кончики ушей. — Ты многого не понимаешь, — понуро продолжал он. — Не думай, я вовсе не боюсь Удода...

— Да? — прервала его сестра. — Едва осмелился пролепетать пару слов, а так молчал, словно пень, и покорно глотал оскорбления...

— Ты не права! Не знаешь, так молчи лучше! Удод знает многое, и поэтому с ним можно иметь дело. Если он выгонит меня, куда я денусь?!

— Что это, интересно, он знает? — спросила Соня. — В его маленькой головенке и мозгов-то, наверное, совсем нет. Один череп пустой! Он и читать не умеет, могу поклясться!

— А Удоду не нужна грамота, он держит в своих руках нашу шайку и половину мальчишек из Нижнего города,— оправдывался брат.— Именно ему они рассказывают, кто какой товар получил и где его хранит...

— Ну вот,— торжествующе засмеялась девочка,— ты все и выболтал мне о ваших делах. Ох уж эти мужчины! Хвастают без удержу и напрочь забывают, что можно говорить, а что — нет.

— Но я же только тебе...— На лице Хункара вновь застыло прежнее туповатое выражение.— Ты же моя сестра, неужели ты пойдешь доносить на меня Удоду?!

— Конечно, я твоя сестра,— согласилась Соня.— Только ведь и Ална твоя сестра, а Эйдан — твой брат...— Она с лукавой усмешкой посмотрела на Хункара.— Ты и им расскажешь?

— С чего бы это...— проворчал Хункар.— Они — совсем другое дело.

Глава четвертая

Хункар не лукавил: их старшая сестра Ална и брат Эйдан, близнец Сони, совсем не походили на эту рыжую бестию. По своему складу он и сам больше был похож на них, нежели на свою младшую сестрицу. И трудно сказать, как он при своем характере и послушании связался с бандой Удода. Но что произошло, то произошло — время не течет в обратную сторону, и так получилось, что один из троих детей, на которых мать возлагала надежды, стал грабителем, — скорее всего, боги рассудили по-своему и решили, что сыну следует повторить путь отца.

Что касается Сони, то на ее воспитание Сизри давно махнула рукой, не в силах совладать со строптивым и дерзким нравом и замашками, более подходящими какому-нибудь разбойнику, нежели дочери почтенного семейства.

Вот старшая Ална — просто пример послушания и благонравия! Ална во всем походила на

мать: столь же неторопливая в движениях и мыслях, она не слишком интересовалась происходящим вокруг. С детских лет ее занимали всяческие таинства, она целыми днями могла рассматривать толстый, чудом сохранившийся в семье фолиант, в котором древний мудрец рассуждал о природе божественных сил, а художник нарисовал, как умел, их воплощение в виде удивительных и непривычных человеческому взору животных.

Там были Полярный Волк, совсем непохожий на волка, Серый Медведь и Буревестник, ничуть не напоминавшие могучего зверя и морскую птицу, а скорее вызывавшие в памяти ночные кошмары, когда приходят во сне зыбкие и расплывчатые тени и человек не может осознать увиденное. Художник изобразил в этой чудной книге и Бога-Вепря, похожего на огромного волосатого и страшного человека, Гуллах, женщину-скорпиона, львицу с человеческой головой — все эти странные образы притягивали Алну, заставляя ощущать трепет и неясное томление.

Ей чудилось, будто она слышит их. Вернее, не воспринимает голоса дивных существ слухом, как все люди, а словно впитывает кожей. Мать, когда заметила непонятные пристрастия своей старшей дочери, подумала, что девочка заболела. И отвезла к какому-то не то шаману, не то колдуну, обитавшему в глухом лесу у Рабирийских гор.

В Аграпуре говорили, что он беседует с богами и ему дано понимать сокровенное от глаз и

ума простых людей. Имя этого человека никому не было известно, узнала о нем Сизри от своей соседки, которая шепотом, словно опасаясь, что их услышат, посоветовала показать ему дочку. Келемет, когда Сизри попросила у него денег на дорогу, с недоумением приподнял бровь, ибо больше всего на свете верил в крепость рук и остроту кинжала, а к всяким там колдовским и знахарским штучкам относился подозрительно, однако перечить жене не стал, тем более что в средствах стеснен не был.

— Поезжай, раз тебе так хочется, — усмехнулся он и дал жене нескольких провожатых из своих подельников, отпетых головорезов, на которых мог полностью положиться, а также приказал запрячь карету, здраво рассудив, что лучше потакать блажи супруги — спокойствие в семье стоит куда дороже, нежели пара десятков золотых.

...Путь был неблизкий, потому что шаман жил в самой отдаленной и глухой части Рабирийских гор. Когда они подъехали к месту, которое описала соседка, Сизри, приложив ладони ко рту, прокричала те слова, которым ее научили. В глухом лесу эхом отозвался рык не то человека, не то зверя, и над путниками, снявшись с ветвей, принялась кружить стая птиц, сопровождая хлопанье крыльев тоскливыми и пронзительными криками.

Через некоторое время зашуршали кусты, и на тропу вышел человек — с виду обычный,

высокого роста, худой, смуглый, с космами темных волос, падавших на плечи. Станный, почти неподвижный взгляд его черных блестящих глаз, одновременно пугающий и завораживающий, подсказал женщине, что это тот, кого она искала. Человек ничего не спросил — он безошибочно прочитал в глазах Сиэри, зачем она пришла к нему.

— Вы, люди добрые,— скрипучим голосом произнес человек, обращаясь к спутникам женщины,— вон на той поляне поставьте шатер и ждите, пока мы вернемся.

Провожатые, лихие и далеко не робкого десятка мужчины, восприняли его слова как должное и, подобно телятам, повинующимся пастуху, не говоря ни слова, направились в то место, куда указал человек, оставив Сиэри и Алну, вцепившуюся в руку матери, со странным незнакомцем.

— Пойдем,— сказал он и, повернувшись, шагнул в чашу, прямо в переплетение ветвей.

Сиэри, дрожа от страха, последовала за ним и увидела, что среди бурелома и могучих стволов старых сосен вьется не приметная тропинка, которую она сама никогда не смогла бы обнаружить. Тропинка поднималась все выше в гору, и они с дочерью с трудом поспевали за человеком, который шагал вверх по камням упругими быстрыми шагами.

Шаман был одет в куртку из шкуры лисы, заканчивающуюся нашитыми на подоле беличьими хвостами, они болтались при каждом его

движении, и Сиэри казалось, что перед ее глазами мелькает спина неведомого многохвостого зверя.

Через некоторое время они вышли на площадку, прилепившуюся к огромной черной скале, возвышавшейся над остальным миром, словно громадный каменный кулак. У подножия монолита были вырублены ступени, ведущие к не приметному отверстию в скале. Шаман, не оглядываясь на женщин, поднялся по ступенькам и скрылся в скале. Сиэри ничего не оставалось, как последовать за ним. Ална молча и безропотно шла за матерью, крепко держась за ее руку.

Войдя внутрь, женщина увидела, что находится в небольшой пещере, в которой было еще несколько дверей, по всей видимости ведущих в другие помещения. Окон не было, но несколько факелов, укрепленных на стенах, давали достаточно света, чтобы рассмотреть убранство пещеры. Вдоль стен стояли широкие скамьи, скорее похожие на невысокие столы, под потолком проходило несколько деревянных балок со свешивающимися вниз цепями и кожаными ремнями, на одной из стен была прикреплена полка, уставленная множеством кувшинчиков и флаконов, а чуть пониже на выступающих из камня железных прутах были развешаны пучки трав, звериные шкурки и еще много других предметов, из которых Сиэри показались знакомыми только две многохвостые плети с узорчатыми рукоят-

ками да круглый бубен, сделанный из тонкого деревянного обруча с натянутой на него кожей.

— Подойдите! — приказал шаман и указал Сиэри на небольшое каменное возвышение посреди помещения, чуть выступавшее над полом. Она повиновалась и встала, куда указал ей черноволосый человек. Тот пододвинул одну из скамеек поближе к возвышению и коротко бросил:

— Раздень девочку и поставь ее сюда!

Сиэри снова повиновалась, словно не отдавая себе отчета в своих действиях. Ална, напуганная необычностью происходящего, встала на скамью, куда указал шаман, и напряженно глядела на него широко раскрытыми глазами. Тот отошел на несколько шагов и посмотрел на стоящих рядом мать и дочь. Удовлетворенный увиденным, он вновь приблизился к ним и, взяв обе руки девочки, поднял их вверх и прикрепил к кожаным петлям, спускавшимся с одной из балок.

— Теперь ты! — повернулся он к женщине.

Сиэри застыла от неожиданности и открыла было рот, собираясь сказать шаману, что она совершенно здорова и приехала показать дочь, но под взглядом черных блестящих глаз оробела и медленно, вещь за вещью, сняла с себя все до последней нитки. Колдун продолжал внимательно наблюдать за ней, отчего у женщины начали дрожать руки и она долго не могла растегнуть последнюю застежку.

— Хорошо! — сказал шаман, когда Сиэри осталась стоять перед ним совершенно обнаженной, и было непонятно, к чему это относилось: к тому, что она наконец выполнила его приказ или к оценке ее тела, открытого взору этого непонятного, наводящего ужас мужчины.

Сиэри находилась в странном оцепенении и даже не пыталась прикрыться, а стояла, опустив руки на бедра и позволяя шаману осматривать цепкими холодными глазами ее нагое и незащищенное тело. Затем тот, не говоря ни слова, подошел к женщине и, подняв ее руки, прикрепил кисти к кожаным петлям. Теперь и мать и дочь оказались в одном положении.

Смущенная пристальным взглядом шамана, Сиэри, тряхнув головой, перебросила часть своих густых волос со спины вперед. Медно-желтый водопад заструился по ее плечам и груди, но шаман подошел к ней и, убрав волосы назад, стянул узлом. Потом он принялся осматривать обнаженные тела подробно и не спеша ходил вокруг и вглядывался, словно стараясь найти в матери и дочери какое-то сходство или, наоборот, то, что отличало одну от другой. Особенно внимательно он рассматривал каждую обнаруженную родинку или пятнышко на коже.

Сиэри и Ална стояли молча, не смея пошевелиться, все время, пока взгляд черных глаз скользил по их телам, иногда останавливаясь —

тогда шаман бормотал себе под нос непонятные слова. Наконец он развернулся и, подойдя к полке, снял оттуда несколько глиняных плошек. Расставил их вокруг возвышения и, налив в сосуды какую-то жидкость, поджег ее. Каждая плошка превратилась в светильник, озаривший женские тела зеленоватым, слегка мерцающим светом. Потом шаман снял со стены бубен и, ударяя в него и подпрыгивая на каждом шагу, принялся кружиться в медленном, но все убыстряющемся танце. И запел тонким и пронзительным голосом — от этих звуков по телу матери и дочери побежали мурашки, и они ощутили холод окружавшего их воздуха.

Огонь в плошках стал гаснуть, и вместо света из них начал подниматься зеленый дурманящий дым, постепенно окутавший все таким густым туманом, что совершенно скрыл от взгляда женщин сначала стены пещеры, а потом и самого шамана. Только глухие удары бубна и стук ступней о каменный пол выдавали его присутствие. Через некоторое время Сиэри не смогла различить даже дочь, стоявшую в одном шаге слева, сознание ее стало меркнуть, как будто она проваливалась в сон. Женщина больше не чувствовала своего тела, ее слух и зрение исчезли в зеленом дыму и последнее, что она ощутила, — это прикосновение к телу чьих-то холодных и влажных рук.

Внезапно вспыхнуло яркое сияние, озарившее все вокруг, но это была уже не пещера

шамана, а осенний лес: голые стволы, покрытые светлой скользкой корой, тянули в разные стороны корявые ветви. Сиэри стояла среди зарослей на мокрых прелых листьях и чувствовала, как ее обнаженное тело окутывают влажные испарения.

Света солнца, да и самого неба она не видела — все скрывал густой светящийся туман, и в этом струящемся мареве взгляд мог проникнуть лишь за ближайшие два-три ствола, но там вновь громоздились деревья, протягивающие к женщине свои скрюченные лапы-ветви.

Она оглянулась, ища Алну, но дочери рядом не оказалось. «Где же она?» — Женщина поворачивала голову в разные стороны, но не различала ничего, кроме поблескивающих стволов.

Сиэри несмело сделала несколько шагов вперед, потом вернулась на прежнее место, как ей показалось, и вздрогнула — на прелой лиственной подстилке не оставалось следов ее босых ног.

— Ална! — громким шепотом попробовала окликнуть дочь Сиэри.

Ответом ей была тишина.

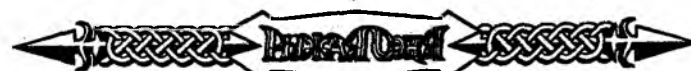
— Ална! Доченька! — повысила она голос, но густой и влажный туман поглотил ее слова, и женщине показалось, что ее крик не разносился дальше, чем на несколько шагов.

— А-а-а-ална-а! — закричала женщина во всю силу своих легких и увидела, как светящийся

туман слегка дрогнул под напором выдохнутого воздуха.

— ...аал... наа...— чуть слышно донеслось откуда-то, и Сизри не могла понять, то ли это откликнулась дочь, то ли просто эхо играет с ней.

Глава пятая

Женщина пошла вперед к тому месту, откуда ей послышался голос дочери. Сизри отводила руками мокрые скользкие ветви, и они, возвращаясь на прежнее место, обдавали ее влажными брызгами. Ноги по щиколотку утопали в листве, иногда она чувствовала под босыми ступнями корень дерева или камешек, и их прикосновение отдавалось на мгновение во всем теле острым уколом.

Вновь и вновь женщина звала Алну, но, кроме глухого эха, не получала никакого ответа. Вскоре ей показалось, что туман рассеивается. Действительно, воздух вокруг нее стал как будто суше и прозрачнее. Сизри сделала еще несколько шагов и внезапно вышла из окутывавшего ее марева, словно раздвинула занавес. Часток столбов и сплетение ветвей остались позади, и ее глазам открылась большая поляна, противоположный край которой терялся за стеной светящегося тумана. Жен-

щина пошла вперед, оглядываясь вокруг в поисках дочери. Поляна была абсолютно пуста.

— Ална!

Теперь отзвук был звонким и мгновенно возвращался к Сиэри. Женщина в страхе оглянулась назад, но она уже была не в состоянии определить то место, откуда вышла, — все укрыл светящийся плотный туман. Она вдруг почувствовала страшную усталость и в изнеможении опустилась на землю. Почва была сухой и твердой, как засохшая глина. Женщина безвольно сидела, чуть откинув назад голову, — она ощущала странное безразличие ко всему. Казалось, что туман, возведший вокруг нее колдовскую стену и пологом закрывший небо, подавлял любое желание и лишал сил.

Сколько времени прошло так, Сиэри не могла определить — жизнь остановилась в безмолвном и обездвиженном пространстве, однако шум, послышавшийся за пределами поляны, заставил ее вздрогнуть и насторожиться. Она вскочила на ноги и, поворачивая голову, пыталась сообразить, с какой стороны слышатся эти звуки.

Треньканье бубенцов и мерный стук напомнили ей удары бубна, и женщина вдруг вспомнила шамана и зачем она здесь очутилась. Вновь тоска по внезапно исчезнувшей дочери охватила все ее существо. Шум нарастал, к ударам бубна и звону колокольчиков прибавился непо-

нятный топот — будто сквозь густую чашу пробиралось стадо оленей или каких-то других животных.

Звуки приближались, треск ломаемых ветвей стал более явственным, теперь, как показалось Сиэри, она могла различить и человеческую речь.

Вскоре женщина уже разбирала отдельные слова, что-то вроде «вперед!» и «давай!», но голоса звучали странно, и в каждой ноте звенел металл.

Сиэри казалось, что шум раздается прямо за ее спиной — так близко, что вот-вот должны появиться обладатели необычных голосов, до сих пор скрытые плотной завесой тумана. У нее не было сомнений — это не люди, а какие-то неведомые ей существа, и женщина вся сжалась в предчувствии чего-то страшного. То, что произошло в следующее мгновение, заставило ее похолодеть от неожиданности, гнетущего страха и абсолютной беспомощности.

Туман в одном месте рассеялся, образовав в светящейся завесе нечто вроде прохода. В мерцающем воздухе показался силуэт Алны.

— Ална! — вскричала Сиэри, прижав руки к груди. — Дочка!

Девочка не слышала ее слов. Она, медленно вращаясь, плыла по воздуху, раскинув руки и ноги. Глаза девочки были открыты, но совершенно безжизненны и тусклы. Ална парила на высоте двадцати локтей, и мать с ужасом на-

блюдала за ее полетом, каждое мгновение ожидая, что девочка рухнет.

Ничего не видя, кроме дочери, она побежала и, споткнувшись, упала на землю. Тут же вскочила, но Ална, все так же вращаясь, вплыла в стену тумана и исчезла за ней. Не помня себя, мать кинулась следом, но, к ее ужасу, туман оказался плотным и податливым, словно сеть. Он на мгновение принял женщину, но тут же вытолкнул обратно.

Опустившись на колени, Сизри завывала, как собака, потерявшая щенков. Она бросилась на землю и зарыдала от раздиравших ее душу тоски и страха. Внезапно раздался ужасающий треск, подобный отдаленному раскату грома. Сизри опрокинуло навзничь, и она лежала, не в силах подняться или хотя бы прилечь.

Из-за туманных стен на поляну выступили чудовища: полярный волк, серый медведь, буреви́стник, лисица, олень, вепрь, кобра, женщина-скорпион, львица с человеческой головой, кобылица и множество других, ни на что не похожих. Они зашагали, поползли, полетели к ней, окружая со всех сторон: их движения были неслышны — ни стука копыт, ни цоканья когтей, ни шороха крыльев.

Из плотно сомкнутых челюстей не вырывалось ни звука, а жуткие глаза уставились прямо на женщину. Она вся сжалась в комок, и только взгляд ее перебежал с одной морды на другую в ожидании неизбежного.

— Хватай ее! — вдруг закричала женщина с телом скорпиона, и сонм чудовищ набросился на Сизри. Скользкие и сухие, мягкие и чешуйчатые лапы схватили женщину и подбросили вверх. Дыхание Сизри прервалось, тело ее, описав дугу, неудержимо начало падать вниз, и она почувствовала, что вот-вот разобьется о твердую глину, однако упасть ей не дали.

Твари, хохоча и повизгивая, принялись перебрасывать между собой, словно мячик, обнаженное тело, цепко и похотливо стискивая груди и ягодицы женщины. Взрывом восторга встречали они стоны боли, непроизвольно вырывавшиеся из ее сведенных судорогой губ. Во рту у Сизри мгновенно пересохло, а кожа взмокла от пота. Женщина не могла понять, где верх, где низ... узел, в которой шаман скрепил ее волосы, растрепался, длинные медно-рыжие пряди развевались, словно грива бешено скачущей лошади, залепив рот и глаза, но у Сизри не было сил отбросить их...

Хохот, визг и крики тварей слились в один бесконечный вой, который бил в уши со страшной силой, доставляя женщине невероятные мучения. Сизри казалось, еще чуть-чуть и голова ее лопнет от чудовищного шума. И она потеряла сознание. А когда очнулась, поняла, что лежит на мягком ложе, закутанная до подбородка в колкое шерстяное одеяло. Повернув голову, Сизри увидела лежащую рядом дочь.

— Очнулись? — раздался голос шамана, и от этого звука Ална глубоко вздохнула и открыла глаза. Сизри, еще не вполне пришедшая в себя от пережитого кошмара, удивилась, посмотрев в глаза дочери — спокойные, безмятежные, как у человека после долгого, крепкого и здорового сна.

— Одевайтесь! — коротко бросил шаман, указывая на одежду, сложенную рядом, и кивнув головой на дверь, добавил: — И уходите.

Сизри поспешно натянула на себя платье и помогла одеться дочери.

Обняв Алну за плечи, она вышла за дверь и очутилась в пещере, куда шаман привел их вчера. Вчера? Она выбросила этот вопрос из головы — ей страшно было даже подумать, сколько времени они провели здесь. День? Два? Или полгода?

Шаман, вышедший за ними следом, присел на лавку, перебирая руками ракушки, нанизанные на нить.

— Иди, погуляй на полянке, — ласково кивнул он девочке. — Посмотри, какие там цветы у скалы.

Сизри удивилась словам шамана: она точно помнила, что на голой земле у входа в пещеру было пусто, как на ладони. Но промолчала.

— Девочка твоя совершенно здорова, — сказал шаман, буравя Сизри темными глазами, — но может так случиться, что из нее вырастет женщина, способная беседовать с богами. Это ред-

кий дар, очень редкий. Возвращайтесь домой и живите, как прежде. Настанет время, о ней вспомнят.

— Кто? — вырвалось у Сизри.

— Я сказал: о ней позаботятся, — строго глянул шаман, и женщина, осознав неуместность своего вопроса, смущенно замолчала.

— Вот здесь... — развязывая кошелек, начала она, но шаман остановил ее строгим жестом:

— Я не знахарь, деньги мне не нужны. Прощай.

Та встала, молча поклонилась шаману и вышла наружу. Боги! Вся поляна была покрыта зарослями высоких цветов. Их крупные желтые бутоны кивали под дуновением ветерка, и среди них женщина не сразу заметила Алну.

— Мама! Правда, красиво? — закричала девочка, с трудом пробираясь сквозь толстые стебли к Сизри, и та вдруг поняла, что это первые слова, которые дочь произнесла с тех пор, как они очутились здесь.

— Пойдем! — Мать схватила Алну за руку и, не оглядываясь, поспешила вниз по тропинке к поляне, где должны были ждать провожатые.

— Долго вас не было, — встретил ее Рашмаджан, когда они вышли к палаткам охраны. — Целых три дня! Мы уж думали, не случилось ли чего...

«Три дня?!» — ужаснулась женщина. Мурашки вновь пробежали по коже при воспомина-

нии о кошмарах, что привиделись ей в лесной обители.

Весь обратный путь Сиэри исподволь пыталась выведать у дочери, что она помнит из встречи с шаманом, но Ална могла рассказать лишь о том, как они с матерью стояли раздетые с поднятыми вверх руками и шаман осматривал их. Все остальное, если что и происходило с ней, растаяло в памяти девочки, не оставив следа. «Ну и хорошо,— решила женщина.— А большего знать никому и не следует!»

Когда они вернулись, Сиэри рассказала мужу только то, что могла помнить Ална. Келемет еще долго, но беззлобно посмеивался над женой:

— Надо же, отдать двадцать золотых, чтобы съездить невесть куда да показаться в голом виде какому-то шарлатану, увешанному лисьими хвостами.— Гирканец крутил головой, изображая недоумение.— Ну ладно, ладно,— махал он рукой на жену, готовую вспыхнуть,— я понимаю, что все это делается для здоровья Алны.

Сиэри, помня слова шамана о беседующих с богами, первое время все ждала, что вот-вот явятся за ее старшей дочерью. Время шло, никто не приходил, и женщина все реже и реже думала об этом. Потом пришлось спешно сниматься и переезжать в Майран, и она совсем забыла о предупреждении колдуна, успокоив себя мыслью, что скорее всего прав муж, а шаман

просто одурманил ее, чтобы без помех насладиться телом женщины, да еще навел морок для отвода глаз. Однако года через два какая-то старушка пришла к ним в дом и, посмотрев на Алну, которой в то время было четырнадцать лет, сказала:

— У этой девушки большие и редкие способности, я это вижу. Присылай ее время от времени к нам в Храм, и она научится многому из того, что я могу ей передать.

— Зачем?! — недовольно бросила Сиэри, у которой в тот момент была масса дел и странные речи бродяжки только отнимали время и казались совершенно неуместными.

— А ты вспомни Рабирийские горы,— просто сказала старуха. Внутри у Сиэри все похолодело. «Значит, шаман был прав, и это не приснилось мне!» — подумала она и, почтительно поклонившись старухе, спросила, где находится их Храм и когда лучше привезти туда Алну.

Женщина все подробно рассказала Сиэри. С тех пор Ална временами проводила по несколько дней в Храме Айнсор, благо тот был расположен неподалеку от города и добираться туда было несложно...

Ничего о том, что случилось в пещере шамана, ни Соня, ни Хункар, конечно, не знали. Они даже не интересовались, почему их старшая сестра ходит к этим старухам,— мало ли какая блажь могла прийти в голову ей или родителям? В те времена сестру и брата больше

интересовали обычные для их возраста детские забавы и развлечения.

Правда, однажды Соня из любопытства, пользуясь тем, что никого нет дома, заглянула в принесенную сестрой шкатулку. Когда девочка приоткрыла крышку, в глаза ей ударил сноп яркого зеленого света. Она зажмурилась от страха, но потом преодолевая себя, открыла глаза и все-таки заглянула внутрь.

На небольшой металлической подставке лежал шар, похожий на плод каштана с торчащими во все стороны колючками. Шар казался прозрачным и испускал во все стороны ровное зеленоватое сияние. Он завораживал, от него было не оторвать взгляда, и Соня долго бы еще любовалась им, но тут хлопнула входная дверь — пришел кто-то из домашних. И девочке пришлось со вздохом сожаления поспешно закрыть странную шкатулку.

Долгое время ее так и подмывало расспросить сестру, но природная осторожность взяла верх, и Соня никому, даже Хункару, с которым была ближе всех в семье, не рассказала о светящемся шаре. Теперь, выслушав рассказ брата, которой поделился с ней отцовской тайной, Соня хотела было открыть ему свою, но передумала. Вместо того она твердым голосом произнесла:

— Я хочу быть с вами.

— Да ты что?! — опешил он, замахав от удивления руками. — Совсем рехнулась? Кто же примет девочку? — усмехнулся он и, немного ус-

покоившись, уже тише добавил: — Это не женское дело.

— Не женское?! — возмутилась Соня. — Да я лучше всех твоих приятелей владею кинжалом и луком, да и бегая быстрее их!

— Это правда, — вынужден был согласиться Хункар, — но все равно тебя не возьмут. Сама понимаешь, — потупился он, — ведь не я все решаю...

— Конечно, — усмехнувшись, перебила его девочка, — все решает этот болван Удод. Это я успела понять. Вот и спроси его.

— Как это — «спроси»?! — Хункар в недоумении едва не поперхнулся.

— Да вот так просто возьми и спроси, — спокойно ответила Соня. — Или боишься?

— Я боюсь?! — возмутился брат. — Да я... — Он хотел было что-то сказать, но внезапно умолк. Помолчав, он произнес: — Просто девочке там не место.

— Девочке не место, а болтунам — место? — Девочка сделала значительную паузу и посмотрела брату прямо в глаза. — Ну так как? Поговоришь с Удодом? Или мне рассказать все отцу?

— Что? — оторопел Хункар. На его лице появилось выражение ужаса. — Ты же обещала!

— Ну, я обещала не рассказывать чужим, — усмехнулась девочка, — а к отцу это не относится. Он и так все знает, и, между прочим, побольше твоего, — твердо отрезала она. — Так что, сделаешь, что тебя просят?

— Ладно,— махнул рукой брат,— уговорила... Только не иди к отцу,— жалобно попросил он.

— Я же дала тебе клятву,— засмеялась Соня, довольная, что смогла добиться своего.— Вот прямо завтра и спроси! Договорились?

— Угу,— уныло протянул Хункар.— Разве от тебя отвяжешься, рыжая шельма...

Часть вторая КЛИНКИ МАЙРАНА

Глава первая

Ты, случаем, не рехнулся? — Удод смачно сплюнул на пол и, гордо подбоченившись, посмотрел на Хункара.— Девчонку в нашу компанию? Ты это сам решил, или, может, мама присоветовала?

Сидящие вокруг мальчишки дружно заржали, с готовностью подхватив шутку главаря. Тот довольно усмехнулся и вновь смерил Хункара недобрый взглядом.

— Или она сама попросилась? — медленно процедил он.— Значит, ты рассказал ей о нас. Так?

В подземелье наступила зловещая тишина.

— Ну что ты,— замахал руками Хункар.— Откуда ей знать... Просто я подумал, что, может быть...— Он сбился и в растерянности замолчал.

— Что «может быть»? — наслаждаясь замешательством приятеля, неторопливо спросил Удод, любовно оправляя широкие рукава своей новой цветастой рубахи.— Ты, я вижу, язык проглотил?

— Да я думал...— начал парень.

— Что ты думал, мы уже слышали,— усмехнулся Удод.— Давай ближе к делу.

— Она может нам пригодиться. Соня здорово владеет кинжалом, бегаёт хорошо, и вообще...— Хункар замолчал.

— Говоришь, умеет обращаться с клинком,— задумчиво произнес главарь.— Ну что ж...— Видимо, какая-то мысль пришла в его маленькую головенку, и он, посмотрев на Хункара, спросил: — А сколько ей, кстати, лет?

— Тринадцать,— с готовностью ответил парень.

— Тринадцать,— повторил Удод, причмокнув губами.— И как у нее? — Он показал руками на грудь и провел ладонью по своим тощим бедрам. Мальчишки захихикали.

— Все на месте,— ничуть не обиделся Хункар,— я же сказал, ей уже тринадцать лет.

— Ну тогда,— глумливо посмотрел на него главарь, вновь с любовью оглаживая свою обновку,— можешь привести ее завтра. Пожалуй, я готов поболтать с твоей сестричкой.

Все вновь дружно рассмеялись, подталкивая друг друга локтями. Хункар посмотрел на главаря и кивнул. В душе он готов был разорвать в клочья этого ублюдка, но выхода у него не было. Ведь он обещал Соне поговорить с главарем. Ведь иначе рыжая стерва непременно выполнит свою угрозу и отправится отцу. А Хункар, несмотря на все заверения сестры, даже предположить страшился, что может тогда произойти.

— Ну, чего набычился? — с притворной ласковостью спросил Удод.— Не бойся, парень, не сделаю я твоей сестренке ничего плохого,— он обвел взглядом приготовившуюся заржать компанию,— разве что проверю, на что она способна...

Снова раздался взрыв хохота. Смеялись даже мальчишки из Верхнего города, его соседи, и это было особенно обидно. «Вот влип! — тоскливо подумал Хункар — Пообещал сдуру... Что теперь делать? Вдруг он и в самом деле начнет к ней приставать?» Хункар, в отличие от своей сестры, был слегка трусоват.

Он уставился в землю. «Скажу ей, что Удод сегодня не было, и разговор не состоялся! — На мгновение повеселел парнишка, но тут же беспокойство охватило его вновь.— Так она и поверит, рыжая шельма! Да ни за что... А отец...» Он торопливо отогнал от себя тревожные мысли и помрачнел еще больше.

— Эй, Талгат, у тебя что-нибудь есть? — Голос одного из мальчишек оторвал Хункара от мрачных раздумий. Он повернул голову в сторону Талгата, который с важным видом оглядывал ребят, а потом, выждав для значительности паузу, ответил:

— А то! — Затем, пошарив в кармане, вытащил руку и показал всем то, что в ней находилось. На ладони у него лежала кучка листьев желтого лотоса.

Все дружно потянулись к Талгату. Листики эти были хорошей и нужной штукой. Если их пожевать, то во рту образовывалась густая пахучая

жижа. Ее следовало медленно глотать по капельке, и вскоре становилось так весело и хорошо на душе, что забывалось обо всем на свете.

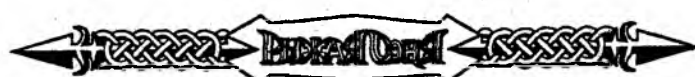
Листья привозились издалека, из южных стран, и стоили очень дорого. Обычно большую часть своей добычи мальчишки тут же спускали на эти сморщенные серо-зеленые листья. Говорили, что там, где они растут, цвет их яркий, желтый, как и у цветов, а дурманящее ощущение от свежих растений гораздо сильнее. Но сюда, в Майран, они доходили только сухими.

— Что, угощаешь? — недоверчиво спросил Хункар.

— Совсем оглупел! — презрительно бросил Талгат. — Серебряная за лист, сам, что ли, не знаешь? В крайнем случае, в долг, но тогда за две монеты.

Все знали его жадность и стремление заработать на чем угодно, потому никто не спорил. Имеющие деньги — а таких оказалось меньшинство — взяли по листку сразу, остальные получили вожделенное зелье лишь после того, как Талгат, вытащив из-за пазухи связку тонких палочек, сделал на каждой зарубку ножом. Для всех товарищей у него были приготовлены такие палочки, на которых он одному ему известным способом отмечал долги, и надо сказать, делал это честно, по крайней мере, ссор при расплате никогда не возникало.

Все уселись в кружок и принялись сосредоточенно жевать зелье. Лица у мальчишек сделались одинаково суровыми и сосредоточенными, будто они занимались важным, ответственным делом. Через некоторое время парень по прозвищу Тюк,

данным ему за мешковатую и несуразную фигуру, захихикал, указывая пальцем на Удада:

— Смотрите, как башкой вертит!

В обычном состоянии главарь вряд ли позволил бы кому-то ни было смеяться над своей внешностью, но сейчас Удад глубоко вздохнул, его глаза сузились до такой степени, что превратились в едва заметные щелки, и, в свою очередь, зашелся дробным смехом.

— А-а-ха, ихи-и... — Он смеялся долго и бессмысленно, временами вытирая слезы и обводя остальных счастливым взглядом.

Постепенно остальные присоединились к ним, и скоро уже не осталось никого, кто не заливался безудержным хохотом. Иногда смех смолкал, но даже самой плоской и глупой шутки или просто случайно брошенного слова было достаточно, чтобы вся компания снова покатывалась от хохота и долго никто не мог остановиться, смеясь из последних сил, пока смех не останавливала икота, а только что безумно веселившийся мальчишка не замирал как истукан с раскрытым ртом и выпученными глазами.

«Чего это я растревожился? Охота была голову ломать? — спрашивал себя Хункар, чувствуя в себе огромный прилив радости и сил. — Подумаешь, ну задерет Удад юбку моей сестре! Сама напросилась. Да и лет ей уже достаточно, давно пора...» — Мысли его разбежались, он приобнял сидящего рядом Тюка за плечи и зашелся смехом, донельзя счастливый и довольный: на горизонте его жизни не было видно ни облачка.

* * *

— Проходи.— Хункар пропустил сестру вперед, и они, слегка пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку, вошли в подвал. Вся компания мгновенно прекратила разговоры, и глаза мальчишек впились в Соню. Она спокойно стояла, заложив руки за спину, и, в свою очередь, с интересом оглядывала собравшихся. Многие, не выдержав взгляда серо-стальных холодных глаз, опускали головы, но были и такие, кто осматривал ее пристально и нагло, как барышник, собирающийся выгодно купить лошадь.

Девочка презрительно усмехнулась и слегка кивнула двум-трем показавшимся ей знакомыми соседским мальчишкам.

— Вот... привел...— пробормотал Хункар, обращаясь к Удоду, который, развалившись на единственном в подвале кресле, старом и продавленном, невесть откуда здесь взявшемся, в упор смотрел на девочку.

— Ух ты! — не выдержал кто-то.— Какая хорошенькая!

Она медленно повернула голову на голос и, отыскав глазами говорившего, молча показала ему кулак, чем привела в восторг всю компанию.

— Ха-ха-ха! — заливались мальчишки.— Нет, Гафур, тебе здесь не перепадет! Такие девчонки не для тебя!

— Тихо, вы! — не меняя позы, прикрикнул на них Удод.— Что разорались, как вороны! Еще напугаете красотку, и она подумает, будто мы недостаточно хорошо воспитаны!

Он вновь смерил Соню липким взглядом с ног до головы и поманил к себе пальцем:

— Подойди ко мне!

Девочка сделала несколько шагов вперед. Хункар было двинулся следом, но главарь строго прикрикнул на него:

— А ты не мелькай перед глазами! Сядь! — Он указал рукой на камень у самого входа в подвал.

Соня спокойно подошла к Удоду и встала в двух шагах, ожидая, что тот скажет дальше.

— Так, значит, ты хочешь присоединиться к нашей компании? — начал Удод, соорудив серьезную мину.— А ты знаешь, чем мы занимаемся?

— Нет! — Соня качнула головой, вспомнив наставления брата.— Но, думаю, ты мне расскажешь,— прибавила она, дерзко глядя прямо в глаза главарю.

— Хм-м.— Удод на мгновение смутился, не ожидавший, что с ним посмеют говорить без подобострастия, к которому он успел привыкнуть. Главарь напустил на себя еще больше важности, пытаясь скрыть замешательство и не уронить достоинства в глазах приятелей. В подвале воцарилось молчание.

— А знаешь, что наш промысел опасен? — наконец медленно процедил главарь.

— Повторяю, я ничего про вас не знаю, а просто хочу быть вместе с братом! — отчеканила Соня,

— Хорошо,— важно процедил главарь.— А что ты умеешь?

— Все,— отрезала девочка, всем своим видом показывая, что ей донельзя надоели пустые расспросы. Мальчишки переглянулись меж собой: так с главарем никто и никогда вести себя не осмеливался.

— Да? — осклабился главарь, к которому вернулась его обычная наглость и уверенность. — Прекрасно, мне будет интересно посмотреть... — Он с сальной усмешкой подмигнул своим товарищам. Те дружно захихикали, а Удод, ухмыльнувшись и еще больше откинувшись назад, упираясь головенкой в остатки бревенчатой стены за спиной. — Видишь, у нас все ребята сильные и мускулистые, нам иногда приходится поработать руками...

— Если надо, я смогу за себя постоять! — фыркнула девочка, тряхнув гривой густых рыжих волос.

Кое-кто из мальчишек не удержался и одобрительно защелкал языкам, однако Удод заставил всех притихнуть, смерив компанию грозным взглядом.

— А вот сейчас мы это проверим! — Главарь внезапно вскочил на ноги и очутился рядом с девочкой. Соня не шелохнулась, продолжая пристально смотреть ему в глаза. — Должен же я проверить, какие у тебя мускулы. — Широко расставив руки, парень направился к Соне.

— Не смей! — раздался в дальнем углу вскрик Хункара, который, несмотря на все свои страхи, бросился защищать сестру: намерения Удода уже не вызывали никаких сомнений.

— Цыц! — гаркнул на него главарь. — Эй, придержите-ка братца!

Трое мальчишек схватили Хункара за руки и силой усадили на место. Он пробовал вырваться, но не тут-то было: держали его крепко.

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно процедил Удод и вновь повернулся к Соне. — Осо-

бенно важны для нашего дела мускулы на груди, — наставительно заметил он и, сграбастав Соню, рванул на ней ворот рубашки.

То, что произошло дальше, поразило всех, и впоследствии мальчишки не раз с удовольствием вспоминали, какую взбучку получил их предводитель. Соня сделала быстрое, неуправляемое движение, высвобождаясь от объятий Удода, и со всей силы врезала коленом парню в пах. Тот охнул и поначалу не смог даже вздохнуть, судорожно лоя ртом воздух и бестолково размахивая руками. Мальчишки вскочили на ноги и оцепенели, а их главарь, скорчившись и прижав руки к причинному месту, выл от боли, как раненый вепрь.

Соня отступила назад, ее шаги были мягкими, как у пантеры, и, обернувшись к одному из мальчишек, ловким движением выхватила у него из-за пояса кинжал. Она проделала все настолько быстро, что владелец клинка утратил от неожиданности дар речи и, беззвучно шлепнув губами, застыл в недоумении.

— Ах, дрянь! Ты у меня... — прохрипел Удод, справившись с болью и с трудом выпрямляясь. — Убью!

Он схватился за кинжал. Сердце девочки учащенно забилося. Она не испытывала страха, просто события требовали быстрого и безошибочного решения. Девочка чуть выставила вперед левую ногу, слегка покачнувшись на носках, как учил ее отец, прицелилась и метнула нож.

Клинок просвистел, с глухим стуком войдя в дерево. Мальчишки единодушно вскрикнули, по

подвалу пронесся приглушенный стон. Широкий рукав цветастой рубахи главаря оказался пригвожденным к дощатой стене. Удод сильно дернулся, но крепкий материал не порвался, и его развернуло вбок, так что парень едва не врезался лбом в стену подвала. Свидетели этой сцены онемели и застыли. Даже те, кто держал Хункара, отпустили его и широко раскрытыми глазами смотрели на происходящее.

— Если думаешь, что я промахнулась, — раздался в голос Сони, звучащий в наступившей мертвой тишине звонко и твердо, — то ты ошибаешься! Хочешь проверить?!

— Ай да Рыжая! — восхищенно воскликнул Косой Талгат. Он хоть и знал немного эту девчонку, но совершенно не предполагал, что та способна проделать такое. — Прямо-таки змея! — добавил он с уважением. Соня не обратила внимания на столь высокую оценку своих способностей, насмешливо глядя на безуспешно сисящегося оторваться от стены Удоды:

— Может, ты хочешь еще раз проверить мою меткость? Так скажи — я постараюсь!

В доказательство она покачала на ладони собственный клинок, готовая воспользоваться им при первом же подозрительном движении Удоды. Кто-то из стоявших вокруг опомнился и сделал шаг в сторону Сони, но та, краем глаза уловив движение, резко обернулась.

— Еще один желающий появился? — злоевшим шепотом произнесла она, выразительно поведя кинжалом в сторону мальчишки.

— Да нет, что ты? — стал оправдываться Тюк — а это был именно он, — быстро сообразив: с девчонкой шутки плохи — располосует шкуру и глазом не моргнет, рыжая стерва. — Я... я просто...

— Тогда сядь и не мельтеши перед глазами! — Соня сделала в его сторону быстрое движение, и кончик кинжала мелькнул на расстоянии ладони от горла мальчишки. Тюк попятился назад и шлепнулся на спину, запнувшись о камень. Растянувшись на полу, парнишка, упираясь локтями и носками ног, пытался отползти как можно дальше от острого Сониного клинка.

Лицо его исказила гримаса отчаяния — он вдруг понял, что все случившееся было еще терпимо, а самое страшное может произойти только сейчас. Дергающийся, как паук с перебитой ножкой, Тюк представлял собой настолько забавное зрелище, что все, несмотря на серьезность ситуации, дружно расхохотались. Это сразу сняло царившее в подвале напряжение.

Удод меж тем отцепился от стены, порвав рукав новой рубахи, которой так гордился, и в изнеможении плюхнулся в кресло. Он низко опустил голову, не желая встретиться с чьим-нибудь презрительным взглядом. Уши парня горели, голова шла кругом: подумать только, перенести подобное унижение, да еще в присутствии всей компании!

— Вот ты и проверил меня, — миролюбиво произнесла Соня, поворачиваясь к Удоду. — Как считаешь, подхожу?

— Думаю, да...— буркнул тот, по-прежнему не поднимая головы и делая вид, что занят изучением дырки на рукаве.

— Вот и хорошо.— Девочка была довольна, чувствуя себя на данный момент хозяйкой положения.— А теперь, ребята,— обратилась она к остальным,— давайте знакомиться.

Ответом ей были восхищенные взгляды.

Соня стояла в центре подвала и, как королева, благосклонно кивала каждому назвавшему свое имя мальчишке, причем любому из них в этот миг казалось, что именно на него она посмотрела особенно ласково. Все безоговорочно приняли рыжую девчонку; на Удод, все еще сидящего в кресле с опущенной головой, никто старался не смотреть. Сейчас на ее лидерство здесь мог покуситься разве что сумасшедший. Однако Соня интуитивно почувствовала, что ей еще рано пользоваться плодами своей неожиданной победы. Она повернулась к Удоду и громко сказала:

— Спасибо, что позволил мне стать одной из вас!

Удод мгновенно сообразил, что на его власть больше никто не претендует и приосанился.

— Все! Хватит разговоров! — прикрикнул он на присмиривших мальчишек — Есть дела поважнее...

Он бросил на Соню быстрый взгляд исподлобья, и девочка поняла: ей постоянно придется быть начеку — Удод не простит и не забудет. Он предпримет все возможное, чтобы отомстить Рыжей за свой позор.

Глава вторая

Сегодня ночью нам будет чем заняться.— Удод горделиво оглядел своих подельников.

Все оживились в предвкушении доброй добычи. Уж что-что, а разнюхать выгодное дельце главарь умел. Удод, правда, не выглядел столь самоуверенно, как обычно, но властные нотки явственно звучали в его голосе. Он оглядел настороженно впившихся в него глазами мальчишек и добавил:

— Встретимся после первой стражи. А тебя, Рыжая, мамочка отпустит? — Он повернулся к Соне, язвительно усмехаясь. Раздалось два-три коротких смешка, но тут же смолкли — лишь немногие подхватили шутку своего предводителя.

— Пойдет посоветоваться к твоему отцу,— спокойно ответила Соня. Сегодня был второй день ее пребывания в шайке, и самоуверенность ее лишь возросла.— Где скажешь, там и буду в назначенное время.

Удод вспыхнул, но обиду пришлось проглотить: девчонка остра на язык, а вторично попадать в неловкое положение, ему не хотелось. Да, рыжая стерва способна на многое...

— Соберемся у старого рынка, там, где разрушенная башня. Со мной пойдут шестеро. Ты, ты... — указал он пальцем на мальчишек, — и еще Гафур и Хункар. Остальные свободны. Все поняли?

Те закивали головами, и только Волчий Клык, прозванный так за длинные зубы, торчащие из-под верхней губы, осмелился спросить:

— А ты не сказал, на какое дело идем...

— Скажу на месте, — злобно перебил его Удод. — Что велю, то и будешь делать... — уже спокойнее закончил он. Потом повертел своей узкой головой и, обращаясь куда-то в пространство, произнес: — Разве я когда-нибудь вас подводил?

Все дружно замотали головами. В этом Удод был прав — у него всегда имелись точные сведения: кто, откуда и какой товар привез в Майран, сколько охранников — в общем, все, что необходимо для успешного налета. Да и товар он всегда выбирал отменный: не увесистые тюки с тканями или громоздкие ящики с утварью, а благовония, драгоценности или что-то вроде этого — легкое и дорогостоящее. Попробуй-ка с тяжеленным тюком пробежать половину Майрана, а потом еще и припрятать как следует краденое! И сбыть такие товары было гораздо труднее. То ли дело маленький мешочек или

узелок за пазухой, с ними ничего не стоит мгновенно раствориться в узких переулках и запутанных тупичках города, где любой мальчишка чувствует себя как рыба в воде.

А затем неспешным шагом отправиться в облюбованное подземелье, где Удод забирал награбленное и через некоторое время отдавал подельникам их часть добычи уже деньгами. Исключений из правил не было. Даже когда у одного приезжего купца удалось стащить мешок — целый мешок! — листьев желтого лотоса, главарь забрал почти все, оставив мальчишкам только по несколько листиков. И те, втихомолку понося своего предводителя и призывая на его голову все возможные беды, вынуждены были покупать вожделенное зелье у торговцев. Может быть, те самые листья, что за пару дней до этого держали в своих руках.

Однако никому даже в голову не приходило укрыть часть добычи. Бывало, конечно, всякое: иногда кому-то не везло — его хватали стражники, но в таких случаях пойманному следовало моментально избавиться от ворованного и молчать о сотоварищах. Отвесив пару затрещин за то, что шатается ночью, стражники пойманного мальчишку обычно отпускали, ну а в крайнем случае поутру Удод посылал кого-нибудь выкупить бедолагу.

Обмануть главаря под предлогом, что, мол, попался стражникам, а тем временем припрятать свой улов, никто и не пытался после случая с Рахманкулом. Видимо, главарь имел свое-

го человека среди стражников, и тот сообщал парню обо всех ночных происшествиях — труп хитреца Рахманкула нашли через несколько дней в одном из заброшенных храмов.

Поговаривали, что Удод каким-то образом свел знакомство и с Одноглазым, атаманом самой крупной шайки Майрана. Эта связь, если она на самом деле существовала, давала ловкому парню немалые возможности и такую власть, что у мальчишек просто дух перехватывало. Потому-то они и не смели не только обманывать, но даже перечить своему предводителю, опасаясь разделить участь незадачливого Рахманкула.

— Жду после первой стражи, — напомнил Удод, к которому вернулась почти прежняя уверенность, — а пока можете расходиться. Ты останешься со мной! — приказал он Хункару, который двинулся вслед за сестрой.

«Это он специально, — сообразила Соня. — Хочет, чтобы я ночью одна, без брата, пробиралась через весь Майран». До сих пор ей не приходилось совершать подобные прогулки, но девочку это не особенно тревожило. В конце концов, сбылась главная ее мечта — она наконец займется чем-то интересным! Она не Ална, ей не по вкусу таскаться по храмам, да плести кружева...

* * *

— Опять ее не было допоздна! — мать укоризненно покачала головой, — Хотя ты, Келемет, образумь дочь, — обратилась она к мужу,

который сидел за столом и с упоением трудился над бараньей ногой.

Напротив отца сидел Эйдан, он тоже не мешкал, управляясь со своим куском. Парня называли в семье младшим, потому что первой из двойняшек на свет появилась Соня. Они оба только что вернулись из лавки. Лица у них были усталые и сосредоточенные.

— Мать права, — не поворачивая головы, согласился Келемет, — где тебя носит?

— Я была у подруги и немножко засиделась, — не моргнув глазом, соврала Соня.

Сиэри выразительно хмыкнула.

— Ну как мне тебя образумить, Рыжая? — буркнул отец, пытаясь вытряхнуть мозг из кости — это важное дело занимало в данный момент все его помыслы. — Не пороть же ее! Поздновато... Вон какая вымахала! — Он с удовольствием посмотрел на дочь. — Ишь какая, вся в тебя, мать!

При этом Келемет незаметно подмигнул Соне, пряча в глазах смешливые искорки.

Сиэри безнадежно махнула рукой:

— Садись есть, а потом немедленно спать.

— Хорошо, — уронила Соня, усаживаясь на лавку рядом с братом.

— А где Хункар? Ты его не видела? — продолжила расспросы мать.

— Не волнуйся за него, — Келемет попытался успокоить жену, — Хункар — взрослый парень.

— Вот и посадил бы его в свою лавку! — воскликнула Сиэри. — И на глазах был бы и при деле...

— Ты же знаешь, не получилось из него торговца,— возразил Келемет,— а потом, Эйдан отлично справляется в лавке, да и дело это ему по душе. Верно, сынок?

— Угу,— проворчал тот, пихнув Соню под столон ногой.

Обычно сестра его не медлила с ответом, но сейчас, находясь под впечатлением прошедшего вечера, не сочла нужным отвечать на выходку младшего брата. После событий в подвале она вдруг опчувствовала себя взрослой. Мечты о приключениях, которые, несомненно, будут в ее жизни, совершенно захватили Соню. Она, задумавшись, медленно жевала пищу, не обращая внимания на то, что лежит у нее в миске. Эйдан, задетый необычным поведением сестры, отложил ложку и обернулся к ней.

— Ты смотри не усни, а то упадешь носом в похлебку,— поддел он.

Соня, очнувшись от своих грез, повернулась к брату и вяло огрызнулась:

— В свою смотри!

Эйдан, обиженный равнодушием сестры, засопел и вновь принялся за еду. Соня, оставив миску, встала из-за стола и направилась к выходу из комнаты.

— Ты плохо поела,— забеспокоилась мать.

— Спасибо! — произнесла девочка, не оборачиваясь.

— Пойдешь наверх, постарайся не разбудить Аллу.

— Оставь ее! — Келемет, довольный хорошим ужином, откинувшись на спинку стула, потянулся, будто сытый кот, и благосклонно взглянул на младшую дочь.

Соня открыла дверь:

— Спокойной ночи!

С отцом у нее отношения были гораздо лучше. Сиэри своим постоянным беспокойством и опекой раздражала свободолюбивую дочь, хотя та и сознавала, что матерью движет только любовь к ней. Но сейчас девочке не хотелось общаться даже с Келеметом: ее переполняло ожидание грядущих приключений. Поднявшись наверх по скрипучей лестнице, она отворила дверь в комнату, где они жили вместе с сестрой. Ална, натянув одеяло чуть не до самого носа, спала спокойным и глубоким сном. Соня посмотрела на нее и, быстро раздевшись, юркнула на свой топчан. Она закуталась в одеяло и отвернулась к стене.

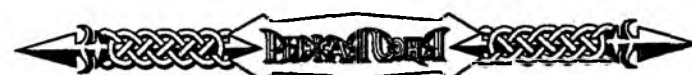
Через некоторое время она услышала стук сапог бегущего по лестнице брата, а чуть погодя — шаги поднимающихся наверх родителей. Они о чем-то тихо переговаривались между собой, но Соня не могла разобрать слов. Услышав легкий скрип отворяющейся двери, она задышала ровно и глубоко, притворяясь спящей. Мать подошла сначала к кровати старшей дочери и, немного постояв около нее, направилась к Соне. Сиэри поправила ей одеяло и, вздохнув, тихими шагами вышла из комнаты.

Подождав несколько мгновений, девочка повернула голову и, убедившись, что матери нет, села на постели. Теперь предстояло самое главное: не разбудив никого, выбраться из дома. «Хорошо Хункару,— позавидовала Соня брату.— Никому нет дела, что он ушел, куда отправился и когда пришел... Мне бы так! Везет же мальчишкам... Никакой справедливости в жизни!»

Деятельная натура девочки требовала выхода, и размолвки с матерью возникали именно на этой почве. Иногда Соня даже завидовала тем детям, у которых нет родителей. Она видела этих оборванцев на городском рынке, они выпрашивали на пропитание, не забывая зорко приглядывать — где что плохо лежит, чтобы ловко стянуть, как только хозяин на миг отвернется. Дети постарше подрабатывали у торговцев. Где они обитали, Соня не знала, но брат рассказывал ей, что их логово находится далеко за городом, в пещере.

Сирот было много, времена стояли неспокойные, и те, кому удалось выжить, были вынуждены собираться в шайки вроде компании Удода. Поговаривали, будто они находятся под покровительством Одноглазого, и тот особо способных берет в свою банду. Эти ребята отличались исключительной жестокостью и хитростью, и горе было тому, кто вставал на пути стаи оборванцев. Однако с друзьями Удода у них было нечто вроде соглашения: крупных стычек с поножовщиной и кровью не случа-

лось. Скорее всего, такие отношения определялись Одноглазым, но подробностей Соня не знала и о многом могла только догадываться.

Девочка осторожно, стараясь не разбудить сестру, открыла сундук и, покопавшись в его глубине, вытащила припрятанные старые кожаные штаны старшего брата. Хункар долго не хотел отдавать их, но Соня все-таки добилась своего. Не лезть же на забор или удира-ть от стражников в платье с развевающейся юбкой! То, что ей придется проделывать все это, не вызывало у девочки ни малейшего сомнения.

Быстро одевшись и взглянув на спящую сестру, Соня свернула свою одежду в длинный сверток, уложила его на постель и накрыла одеялом. В скудном свете луны, пробивавшемся через небольшое оконце, она придирчиво осмотрела дело рук своих и осталась довольной — сверток весьма походил на спящего человека. Затем тихо, стараясь не стукнуть дверь, выбралась из комнаты. Боясь, что скрип ступеней выдаст ее, девочка просто-напросто съехала вниз по перилам, что проделывала не раз, когда рядом не было родителей, и на цыпочках прошла к выходу.

Облегченно вздохнув, она выскользнула во двор. Их пес, лохматый и огромный, заворчал в своей будке, но, узнав Соню, радостно завилял хвостом и проводил ее до ворот, стараясь ткнуть носом в руку. Она потрепала его за холку и приложила палец к губам:

— Тихо, Вулкан! — Соня, отворив ворота, вышла в переулок. Через некоторое время она уже вприпрыжку бежала по притихшим и пустынным улицам Майрана, настороженно прислушиваясь к каждому шороху: ей совсем не хотелось еще одной встречи со стражниками.

Глава третья

Все собрались? — Удод внезапно, как призрак, появился откуда-то из глубины развалин, подойдя к троице мальчишкам и Соне, укрывшимся в небольшом углублении стены. Мельком оглядев их, он коротко скомандовал:

— За мной!

Они вышли на улицу и гуськом последовали за своим предводителем. Хункара не было, но Соня решила, что брат выполняет какое-то особое задание Удоды, и не особенно беспокоилась.

Ночь была лунной, резкие неподвижные тени на мостовой и стенах домов делали окружающий мир непривычным, даже знакомые при дневном свете улицы выглядели неизвестными и пугающими. Шли молча. Только один раз Удод, обернувшись к Волчьему Клыку, прошепел:

— Тихо ты, не грохочи своими сапогами! Весь город хочешь разбудить?

Они прошли несколько улиц и свернули в переулок, по одной стороне которого тянулся

длинный забор. Конец его терялся за поворотом, и в скудном лунном свете дощатая ограда казалась бесконечной. Удод огляделся и, остановившись у известного ему места, отодвинул доску, после чего тихо свистнул, заложив два пальца в рот. Изнутри послышался ответный свист.

— Порядок, — повернулся парень к своим подельникам. — Ты, Волчий Клык, пойдешь в ту сторону, — главарь махнул рукой вдоль забора, — что делать, знаешь. А ты, Рыжая, — обернулся он к Соне, — вернешься к углу улицы. Если услышишь стражу, свистнешь коротко два раза. Умешь свистеть?

Соня утвердительно мотнула головой.

— Когда они уйдут, свисти длинно, понятно?

— Понятно, понятно, — раздраженно ответила девочка. — Не слабоумная!

— И спрячься так, чтобы тебя не заметили! — недовольно добавил Удод. — Посмотрим, как ты сумеешь выполнить свое первое задание. Может, спеси-то поубавится. Вперед! — Он махнул рукой двум оставшимся мальчишкам, и те, последовав за главарем, поочередно исчезли в проеме забора.

Соня осторожно, стараясь держаться в тени, вышла на угол улицы, и остановилась на мгновение, размышляя, как бы ей получше спрятаться. Она оглядывалась, но не могла отыскать укромного места. С одной стороны — забор, что шел вдоль переулка и после поворота далеко по улице. На противоположной стороне стоял крепкий высокий дом. Обе его стены продолжались высокой каменной оградой, окружавшей,

по всей видимости, обширный двор. И ничего, что могло бы послужить укрытием.

«Ублюдок тупоумный! — выругала Соня про себя главаря, озираясь по сторонам. — Где же я спрячусь? Здорово придумал, ничего не скажешь! Не проситься же мне в тот дом, — усмехнулась она, — пустите, дескать, хозяева: мне бы из окна вашего глянуть, не идет ли стража...» Девочка еще раз посмотрела на спящий дом с крепкими решетками на окнах. Что же все-таки делать?

Где-то вдалеке послышалось бряцанье металла. Соня прислушалась, слух ее не подвел: теперь она уловила далекие шаги и приглушенный разговор за поворотом. Соня лихорадочно обшарила глазами злополучный угол, затем, приняв наконец решение, подбежала к деревянному забору и, подтянувшись на руках, заглянула за его кромку.

Перед ней был двор, заросший кустарником: видимо, чей-то ягодный сад. Он был пуст. Чуть в отдалении Соня увидела темные очертания невысоких строений. Времени на раздумья не оставалось, девочка, ловко подтянувшись, перемахнула через ограду и спрыгнула вниз. Она прислушалась. Тихо... Доски забора оказались толстыми, но старыми, и Соня без труда проделала в местах их соединений два отверстия кинжалом.

Закончив работу, она прислушалась: голоса и шаги раздавались уже совсем близко. К ним прибавился звук, похожий на скрип открывающейся двери, но задумываться над его происхождением девочке было некогда.

«Надо предупредить!» — вспомнила она наказ главаря и, обернувшись в ту сторону, где, по ее расчетам, орудовали подельники, два раза коротко, пронзительно свистнула. Никто не отозвался, Соня прислушалась, повторила сигнал. И тут сообразила: люди — и как это могло случиться?! — шли по переулку как раз с того места, где поставлен на страже Волчий Клык.

«Что случилось? — недоумевала Соня. — Почему я не слышала его сигнала?» Она прикинула расстояние до того места, где Удод с мальчишками проникли сквозь отодвинутую доску в сад. Соня сейчас стояла в том же самом саду и была убеждена, что от мальчишек ее отделяет шагов двадцать, самое большое тридцать. А значит, до Клыка в два раза больше.

«Ничего не понимаю, — ошеломленно подумала девочка. — Я непременно должна была услышать его свист, если, конечно, он свистел. Стражники идут прямо из переулочка, он не мог их не увидеть!» Она приоткрыла глазом к проделанному в доске отверстию и чуть не отшатнулась от неожиданности: прямо напротив стоял человек в теплом гирканском халате, видимо поджидая стражников, — а то, что это именно стражники, сомнений у девочки не было. Видеть их Соня, правда, не могла. Зато разговор слышала хорошо, так как стражники остановились совсем рядом.

— Селем! — окликнул один из них обладателя цветастого халата.

Соня прижалась к забору, обратившись в слух.

— Никого не видел?

— Нет! — густым басом ответил человек, названный Селемом. — Я только вышел из дома.

«Значит, это его дом, — поняла Соня, — вот почему я не услышала, как он шел по улице. Зато слышала скрип двери, я не ошиблась!» Тем временем мужчины стали в кружок, и девочка удалось хорошо рассмотреть каждого из них. Одного из них она уже встречала дня два назад: высокого, с рыбьими глазами, а второго, коротышку с отвислыми, как у зайца, ушами, вылезавшими из-под шлема, видела впервые.

— Где же девчонка? — оглядываясь вокруг, пробасил Селем. — Сказал, будет стоять на углу.

«Какая еще девчонка? — подумала Соня и вдруг, от догадки по спине пробежали мурашки. — Он говорит про меня... Подонок Удод продал меня стражникам, и сделал это намеренно! Решил таким образом расправиться со мной и отомстить за вчерашнее! Неплохо придумано, кусок ослиного дерьма!»

Соня замерла, опасаясь неосторожным движением выдать себя. На миг она пожалела, что напрасилась в шайку к Удоду, но быстро взяла себя в руки и отогнала трусливую мысль. Жажда приключений и опасностей владела девочкой куда сильнее, чем вполне понятный страх. Сейчас надо было придумать, как не попасться в лапы к этим негодяям.

«Что делать? — лихорадочно старалась найти выход Соня. — Бежать? Нет! Могут услышать, они же в двух шагах от меня!» Ей стало не хватать воздуха, и как ни старалась девочка вос-

становить спокойное, мерное дыхание, ничего не получалось. Соне казалось, что прерывистые вздохи ее разносятся по всему Майрану.

— Может, видел ее в окно? — спросил вислоухий.

— Что я, ставни ночью буду отпирать? — буркнул Селем. — Вышел сюда, и все. Она должна была стоять здесь.

— А на кой она нам сдалась, Селем? — спросил высокий, позевывая и ежась от ночной прохлады.

— Действительно, на что может сгодиться девчонка? — засмеялся Селем. — А мне к тому же длинноголовый паршивец пообещал добавить золотой.

— Золотой, говоришь? — удивился стражник. — Отдал девку, да еще и приплатил? Ну, повезло тебе, ничего не скажешь!

— У них свои заботы, у нас — свои, — усмехнулся Селем. — Ладно, искать ее по переулкам мы не договаривались. Боюсь, ребята, побаловаться с молоденькой курочкой нам сегодня вряд ли удастся. Но вот золотой я с этого паршивца получу, будьте уверены!

— Может, подождать немного, вдруг появится? — с надеждой в голосе предположил коротышка.

— Не думаю, — возразил хозяин дома, — длинноголовый сказал: будет именно тут. Бежать ей некуда, на углу я, в переулке вы. Наверное, не удалось ему уговорить девчонку.

— Удалось, не удалось... С тебя выпивка! Зря что ли мы топали в такую даль по ночным улицам! — потребовал высокий.

— Эх, хитрец, — Селем почесал переносицу, — вы все равно на службе, вот я без толку поднялся среди ночи, чуть хозяина не разбудил...

«Дрянь! Мерзавец поганый! — втихомолку поносила Соня главаря. — Быстренько же он надумал, как отомстить мне, гадина! Ну подожди, — она в гневе сжала маленькие кулачки, — даром тебе это не пройдет!» Ее опять затрясло — но на этот раз не от напряжения, а от ярости. «Надо было прирезать его вчера и дело с концом! — Девочке казалось, что, попадись Удод ей сейчас в руки, она разорвала бы его в клочки, как собаки рвут падаль. — Переросток пустоголовый! Посчитаюсь я с тобой!» Она вновь прикинула к щели в заборе. Стражники, похоже, собирались расходиться.

— Ладно, уговорили, — басил Селем. — Завтра вечером в «Золотом быке». Так уж и быть. А сейчас пойду досыпать. По утру у меня дел невпроворот...

Он поднялся на крыльцо и вошел в дом. Двое его приятелей медленно зашагали прочь. Соня сквозь вторую дырку следила за удаляющимися стражниками, пока те не скрылись за поворотом. После этого девочка заложила пальцы в рот, и тишину сада прорезал длинный тихий свист. На этот раз она услышала ответный сигнал.

«Гаденыш! — довольно усмехнулась Соня. — То-то, наверное, дивится, что я жива и здорова!» Она не спеша прошла вдоль забора и притаилась за кустарником совсем рядом с тем местом, где Удод и остальные пролезли в сад. Некото-

рое время ничего не было слышно. Девочка свистнула еще раз, но тише, чем прежде, — пусть незадачливые сводники подумают, будто она находится дальше, чем на самом деле.

Совсем рядом, шагах в пятнадцати, вновь раздался ответный свист, и вскоре из-за стоящего недалеко сарая показался Удод и трое мальчишек, в том числе и Волчий Клык, который вроде был послан сторожить противоположный конец переулка. «Похоже, они знали о замысле главаря, — пронеслось в голове Сони. — Что ж, я хорошо запомню, кто был здесь сегодня».

Она и сама не ожидала от себя такого яростного желания отомстить. Кровь кипела от бешенства, но девочка взяла себя в руки. «Потерпи, — успокаивала она себя, — в спешке и гневе легко надеть глупостей. Мое время еще придет!» Она скользнула чуть поглубже в кустарник, чтобы ее не обнаружили. Парни прошли, ничего не заметив, и, отодвинув доску, вылезли в переулок.

Соня подождала немного и выглянула им вслед. Фигуры мальчишек, слабо освещенные луной, маячили на том самом углу, где должна была находиться она. Члены шайки возбужденно размахивали руками и, судя по всему, что-то горячо обсуждали.

«Сорвалась ваша забава! — ликовала Соня, но внезапно возникшая мысль заставила ее похолодеть. — Хункар! Он тоже все знал?» Девушка не могла поверить — неужели брат не решился предупредить ее о готовящемся предательстве? Соня, конечно, знала, что он трусоват и нере-

шителен, но не до такой же степени! Однако времени на раздумья не оставалось. Бесшумно пробежав вдоль забора, она подтянулась на руках и прыгнула вниз чуть ли не на головы своим подельникам.

— Рыжая! — не мог сдержать изумленное восклицание Волчий Клык. — Где ты была все это время?

— Не твое дело! Я свое задание выполнила, — отмахнулась от него Соня и повернулась к Удоду. — Хорошую добычу взяли, Удод? — напустив на себя наивный вид, спросила она.

Тот, донельзя удивленный неожиданным появлением Сони, каким-то образом явно избежавшей хитроумно расставленной ловушки, ответил не сразу. Он растерянно переминался с ноги на ногу, а потом с трудом выдавил:

— Хорошую...

— Я знала: с тобой не пропадешь, — с удовлетворением продолжала Соня. — Так когда приходить за моей долей?

— Успеешь! — Удод еле сдержал рвущиеся с языка грязные ругательства: несмотря на всю свою тупость и злобность, он хорошо запомнил вчерашний урок. Он никак не мог сообразить, как этой рыжей удалось выйти сухой из воды. — Завтра приходи... к вечеру!

— Вечером так вечером, — кивнула девочка, на всякий случай внимательно следя за тем, чтобы никто из подельников не оказался за спиной. — А где мой брат? — задала она следующий вопрос.

Удод сквозь зубы ответил:

— Должен вот-вот подойти. Я послал его разузнать кое-что...

Главарь не соврал, Хункар действительно вскоре появился и, мельком взглянув на остальных, отвел Удод в сторону и что-то зашептал ему на ухо. Удод, выслушал его, кивнул и, обернувшись к подельникам, приказал:

— Оставайтесь еще на пару слов, а вы, — махнул рукой на брата с сестрой, — ступайте домой!

Хункар взял девочку за локоть, но та резко отшатнулась и зашагала с весьма независимым видом. Остальные молча смотрели, как они уходят вдоль по улице. Слегка обернувшись, Соня краем глаза увидела: мальчишки собрались вокруг Удод, и он тихо и веско втолковывает им что-то.

«Наверное, наказывает молчать о случившемся, — подумала Соня и, прибавив шаг, догнала Хункара. — Все-таки интересно, знает братец, что эти ублюдки хотели со мной сделать, или нет?»

* * *

— Ну как добыча? — будничным голосом поинтересовался Хункар. — Много взяли?

Соня, не отвечая, молча шла рядом, погруженная в свои мысли. Приближался новый день, и улицы города просыпались, освещенные лучами поднимающегося из-за горных вершин солнца.

— Как ты справилась? — повторил свой вопрос брат. — Вожак остался тобой доволен?

— Чем доволен? — переспросила Соня, очнувшись от размышлений.

— Ты что, заснула? — рассмеялся брат. — Понятное дело, ночью-то спать не пришлось. Поначалу и мне пришлось привыкать. Я спрашиваю, как прошло твое первое дело? Не жалеешь, что напросилась?

— Да нет, все замечательно! — усмехнулась Соня. — Ты даже представить себе не можешь, как я прекрасно справилась. И совсем ни о чем не жалею!

— Ну, смотри, — недоверчиво взглянул на нее Хункар. — В случае чего с меня не спрашивай, сама во всем виновата...

— Конечно, я, кто же еще! — звенящим от ярости голосом воскликнула сестра. — Ты, может, не знал, какие планы на эту ночь были у твоих ублюдков?

— Не-е-ет, — протяжно зевнув, ответил Хункар. — Удод мне ничего не сказал... Сама же видела, я бегал совсем по другому делу. А чего это ты взвилась как ошпаренная? Говоришь, все было в порядке... Случилось что? — В его голосе послышалась искренняя тревога.

— Нет... Но могло! Вы, во всяком случае, все для этого сделали! И то, что ничего не произошло, вовсе не ваша заслуга! — с ненавистью взглянув на него, ответила Соня.

Она, застыв на месте, молча уставилась на брата. Тот машинально сделал несколько шагов, развернулся и с недоумением воззрился на девочку:

— Какая заслуга?! Говоришь загадками... Ничего не пойму!

— У тебя в самом деле мозгов в башке меньше, чем у курицы, или ты просто прикидываешься? — набросилась на него Соня. — Удод и остальные собирались продать меня стражникам!

— Как это — продать? — упавшим голосом пробормотал Хункар.

— Не притворяйся! Может, ты ничего об этом не знал? Так я и поверила!

Брат отрицательно замотал головой.

— Поклянись! — потребовала девочка.

— Клянусь здоровьем отца и матери!

— Придется поверить... — чуть более спокойно произнесла Соня и, вздохнув, рассказала брату все, что произошло этой ночью. Тот слушал ее молча, не перебивая, но его лицо с каждой новой подробностью серело, и девочка, мельком отметив это, подумала, что, продлись ее рассказ чуть дольше, Хункар, наверное, совсем бы превратился в кушита.

Несмотря на все их полудетские ссоры, она была очень привязана к брату. Со старшей сестрой Соня никогда не стремилась найти общий язык, единственное, что их сближало, — увлечение музыкой. Соня с детства любила и неплохо играла на флейте. Тихая, спокойная Ална ее раздражала — книги, неспешные беседы с престарелыми жрицами... Ну как можно тратить жизнь на подобную чепуху?

Брат-близнец Эйдан, которому сама судьба, казалось, предназначила стать самым близким человеком для Сони, настолько отличался от нее нравом и интересами, что с ним она лет с восьми-девяти даже и не играла вместе.

Они вечно дрались друг с другом, как два задиристых петушка, и Сизри приходилось силой разводить их по разным углам. Пару лет назад отец приставил младшего к торговле в лавке, после того как убедился в неспособности Хункара с толком вести дела.

Эйдан, с детства отличавшийся серьезностью и вдумчивостью, с большим удовольствием занялся этой работой. Соню удивляло, как можно целый день просидеть в пыльной лавке, рыться в каких-то записях, считать, проверять, записывать! С ума же можно сойти! Сам вид абака, на котором брат ловко перебрасывал костяшки, что-то подсчитывая, вызывал у Сони позывы к рвоте.

Кроме того, младший с большим уважением относился к Алне, и та частенько вела с ним серьезные разговоры на малопонятные и совершенно не интересующие Соню темы. Старшая сестра даже позволяла брату заглядывать в старинные фолианты, которые давали ей жрецы.

Иногда девочке казалось, что и Эйдан, вслед за Алной, помешался на учении, и она редко отказывала себе в удовольствии подразнить его — мол, когда своего ума не хватает, то не один мудрец древности не поможет. Тот, впрочем, не обижался и обычно пренебрежительно махал рукой на все Сонины насмешки, приговаривая, что ее девичьим мозгам многое недоступно.

Все же несмотря на это, что-то неуловимое крепко связывало их, и Соня понимала Эйдана с полуслова. Порой им достаточно было просто обменяться взглядом...

А вот к старшему брату она тянулась с малых лет. Когда Келемет начал обучать Хункара владению оружием, Соня отправлялась вслед за ними и терпеливо сидела в углу двора, ловя каждое движение и слово отца. Заметив интерес дочери, Келемет стал учить воинским премудростям их обоих. Хункар и Соня постоянно соревновались, и если сначала брат чаще выходил вперед в стрельбе из лука или метании кинжала, то потом, когда Соня подросла, вопрос о победителе можно было не задавать: сам Келемет удивленно крутил головой, когда стрелы рыжей шельмы одна за другой ложились точно в центр деревянного круга, приспособленного им под мишень.

— Гляди, как надо! — пенял он Хункару, который старался изо всех сил, не желая уронить перед сопливой девчонкой достоинство мужчины. Но далеко не всегда ему это удавалось.

Хункар сполна отыгрался, когда связался с Удодом: в своих глазах он поднялся на недостижимую для сестры высоту. Он заважничал — у него появились деньги, свои деньги, а не те жалкие монетки, что иногда давали отец и мать на сласти или игрушки. И тратил он их не на всякие детские глупости, а на лист желтого лотоса или вино.

Брат стал разговаривать с Рыжей снисходительно, как и положено старшему и занятому серьезным делом юноше. Соня обижалась, не разговаривая с братом по несколько дней. У нее были подружки, с которыми она играла в обычные девчоночьи игры, но чем старше становилась Соня, тем скучнее ей становилось с ними.

Их глупейшие, на ее взгляд, разговоры о будущем замужестве, непременно удачном и выгодном, вздохи о прекрасных юношах и не менее прекрасных нарядах, вызывали у девочки примерно такое же чувство, как вид Эйданова абака. Ее подружки не имели абсолютно никакого представления о кинжале и луке — точь-в-точь как ее сестра.

Келемет как ни бился, так и не сумел обучить старшую дочь сносно владеть оружием. Соня только презрительно фыркала, глядя, как неловко и напряженно Ална держит лук. То же и с подругами: они куда больше радости получали от пустых разговоров или брэнчания на лютне.

Соню тянуло совсем к другому — один вид туго натянутого гирканского лука или старинный кинжал из Иранистана или Кофа заставляли учащенно биться ее маленькое сердечко.

И получалось, что из всего окружения лишь Хункар разделял Сонину тягу к оружию и приключениям. А с тех пор как Соня была принята в шайку, брат перестал важничать и, более того, почти сразу молчаливо признал ее превосходство. Еще бы, так отделать Удода, как это сделала его сестра! На такое способен далеко не всякий!

Парень растерянно потер ладонями лицо. Рассказ сестры не укладывался в голове не отличавшегося особым умом, но по-своему честного Хункара.

— А ты не могла ошибиться? Может недослышала чего?

— Как же! «Недослышала»,— со злостью передразнила его Соня.— Стражники стояли в двух шагах. Не вилай! Тебе просто не хочется схватиться с твоим дружкой Удодом! Да чего там — ты просто боишься его до 'дрожи в коленках!

— Никакой он мне не дружок,— покраснел Хункар.— Просто он у нас главный...

— Главный, главный! — взорвалась Соня.— Конечно, тебе-то что, если бы на твою сестру набросились трое здоровенных мужиков! Да наплевать тебе на это! Вот отец...

— Что «отец»? — перебил ее брат.

— Отец прирезал бы его не задумываясь! Вот что сделал бы отец! Потому что он — настоящий мужчина!

— А может быть, все рассказы Рашмаджана просто выдумка, и наш отец никогда и не был разбойником! — вдруг вырвалось у Хункара.

— Ты готов во что угодно поверить, лишь бы ничего не предпринимать! — презрительно бросила девочка.— Зря трясешься. Я сумею постоять за себя, но мне противно, что ты не в состоянии защитить собственную сестру! — Она гордо вздернула подбородок и быстро пошла вперед, не оглядываясь на брата.

— Подожди! Я же не отказываюсь!.. — закричал Хункар, бросаясь за девочкой вдогонку.

Глава четвертая

На следующий вечер, как и было условлено, Соня знакомым путем прошмыгнула в подземелье, где уже собралось несколько мальчишек. Фитиль в масляной лампе освещал подвал тусклым светом. Привалившись спиной к стене, подростки лениво перекидывались плоскими шутками и, как обычно, поддразнивали друг друга. Увидев Соню, они смолкли и выжидательно взглянули на нее.

— Чего уставились? Не первый раз вроде видите... — Соня подошла ближе.

Двое из компании, встретившись с ней взглядом, потупились и в смущении отвели глаза. Это были Гафур и еще один мальчишка, бывший с ними прошлой ночью, имени которого она не запомнила.

— А что, Удоды еще не было? — поинтересовалась Соня.

— Обещал прийти,— раздалось сразу несколько голосов.

— Уже пора бы,— поддержал их Талгат, вошедший вслед за девочкой.— Что вчера добыли? — поинтересовался он.

— Не знаю, но вот этот точно знает.— Соня указала пальцем на Гафура.

— Ну так чего там было? — повернулся к нему Косой.

— Листья,— буркнул тот.

— У-у-у! — восхищенно протянул Талгат.— И много?

— Не очень,— так же коротко ответил Гафур.

— Сколько «не очень»? — продолжал приставать к нему Косой.— Говори толком!

В шайке был заведен порядок: доля с добычи доставалась всем, независимо от того, участвовал ты в деле или нет. В следующий раз другой отправится или все вместе. В любом случае, вознаграждение получал каждый. Поэтому интерес Косого был вполне объясним.

— Может быть, ты лучше знаешь? — Соня развернулась, в упор глядя на второго вчерашнего поделника.

— Почему это я?

— То есть как «почему»? — Соня сделала по направлению к парню два шага.— Ты же был вместе с главным и вот с этим,— она указала пальцем на нахохлившегося Гафура,— а я и Волчий Клык караулили. Так?

— Так,— нехотя подтвердил он, и по голосу было заметно, что разговор этот не доставляет мальчишке никакого удовольствия.

— Ладно,— Соня уселась в кресло главаря, — подождем Удода, тогда все и узнаем.

Предводителя пришлось ждать довольно долго. К тому времени собрались почти все. Не явился только Хункар, но его отсутствие никого не удивляло: он был одним из ближайших подручных Удода и часто выполнял особые поручения главаря.

Как обычно, мальчишки пустились в разговоры. Сначала все слегка косились на Соню, еще не привыкнув к тому, что девочка — подумать только! — стала одной из них. Однако постепенно ее присутствие перестало сковывать подростков, и разговор потек свободнее, перескакивая с одной темы на другую. А Соня, в свою очередь, неторопливо приглядывалась к ним.

Несколько человек явно были из вполне зажиточных и благополучных семей. Для них все это было скорее забавой, игрой в приключения, в отличие от товарищей, что кормились со своей доли и просто подошли бы с голоду, не занимаясь воровским промыслом. Одним из них приходилось тайком выбираться из дома, а у других и дома не было, они жили в лачугах Ослиной пустоши — так называлась в Майране та часть города, где обитала городская беднота и где в бесконечной чередке переулков и тупиков легко мог скрыться любой, кто не в ладах с законом.

Там находилось логово Одноглазого и других подобных ему предводителей темного мира. Краденое тоже относилось туда, и никто осо-

бенно не интересовался, откуда у продавца товар: так жили почти все обитатели Ослиной пустоши. Говорили, что давно, в те времена, когда Майран был огромным и богатым городом, в том месте располагался Ослиный рынок, знаменитый на весь Туран, да и не только Туран. Там покупали и продавали ослов и лошадей, быков и овец, а бывали дни, когда целые стада переходили из рук в руки.

Теперь на огромном пространстве, в долине меж двумя длинными холмами, лепились друг к другу сотни, а может быть, и тысячи захудалых лачуг, в которых и обитало большинство из членов шайки Удод. Этот малый знал, кого брать: голодранцев, готовых за лишний кусок хлеба удавить любого, на кого укажет главарь.

Когда на Майран налетала орда гирканцев или отряды наемников с Кезанкийских гор, они никогда не навевывались в Ослиную пустошь: взять там было нечего, а если что случайно и имелось, то уж пряталось куда как надежно — не тратить же целые дни, чтобы найти мешок жалкого скарба. Иногда, правда, Ослиную пустошь поджигали, и в жарком пламени сгорало все, включая и многих обитателей, но проходило несколько лет, и вновь лепились по склонам холмов жалкие лачуги, снова появлялись те, кому на роду написано жить в таком — и никаком другом — месте.

— Что-то долго нет нашего главаря... — зевнув, произнес Талгат, не глядя ни на кого, а

просто так, в пространство, чтобы хоть как-то нарушить молчание.

— Значит, занят, — веско промолвил Гафур. — Сиди себе и жди. Тебе-то что беспокоиться? Покормят, оденут, да еще и спать, глядишь, уложат... Ты же живешь в городе!

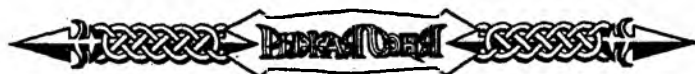
Сам Гафур был из Ослиной пустоши, на ребят из обычных семей посматривал свысока и недолюбливал их, но в то же время отчаянно завидовал. Не раз между мальчишками по самому пустячному поводу вспыхивали ссоры, но обычно Удод быстро пресекал стычки.

Сейчас главаря не было, и Гафур от нечего делать искал повод, чтобы как следует накостылять по шее этим городским чистюлям. Два слова, которыми он перекинулся с Соней, испортили ему настроение — он сообразил, что рыжая девчонка или что-то пронюхала об их сговоре со стражниками, или просто имеет на сей счет какие-то подозрения. И то и другое было крайне неприятно. Вот он и искал случая выместить на ком-нибудь свое раздражение.

— Тебе, Косой, — ехидно сказал он, — мама небось еще и ножки моет на ночь?

— Чего задираешься? — миролюбиво пробурчал Волчий Клык Он, хоть и был соседом Гафура по Ослиной пустоши, но нрав имел более спокойный. Его к тому же мало волновало, что думает Соня. Удод приказал, он исполнил.

— А ты сиди себе! — зло огрызнулся Гафур. — Не с тобой говорят! Так что, Талгат, — снова повернулся он к Косому, — моет тебе мама ножки?

— А иди ты... — отмахнулся Талгат. — Тебе самому не мешает помыться!

— Ты хочешь сказать, что я грязный? — ошетинился Гафур.

— Как свинья, — с удовольствием подтвердил Косой и ухмыльнулся. — С тобой даже на дело не стоит идти.

— Это почему? — слегка опешил забияка.

— Собаки учуют тебя раньше, чем мы выйдем отсюда...

— Не понял... — угрожающе протянул Гафур.

— Помойкой воняешь, — доходчиво объяснил Талгат и отодвинулся на всякий случай подальше. — Недаром ведь ваши лачуги называют Ослиной помойкой.

— Сам ты из помойки! — зло прошипел Гафур. — Вот сейчас как врежу тебе!

— Попробуй, — усмехнулся Талгат, который был на полголовы выше своего противника. — Я тебе сам так врежу, что будешь лететь, кувыркаться и мечтать — скорей бы стенка!

— Ну, давай! — с угрозой протянул парень, но на решительные действия все же не решился. Однако, чтобы не потерять лицо, через мгновение продолжил: — Еще одно слово, и я за себя не ручаюсь!

— Ручаешься, не ручаешься, какое мне дело, — усмехнулся Косой. — Чище не сделаешься. Все равно несет от тебя помойкой.

Гафур в ярости заскрипел зубами и начал подниматься со своего места. Остальные, разва

лясь на всяком хламе, который был в изобилии навален повсюду, с интересом наблюдали за тем, чем закончится разгорающаяся ссора. Перепалки между городскими и Гафуром были делом обычным и почти всегда кончались дракой, если рядом не было Удоды.

— Дай ему, Гафур как следует, — лениво подзадорил Волчий Клык. — Уж больно стал важничать Косой.

Задира, смерив Талгата взглядом, направился было к нему, но Косой встал и прыгнул на Гафура прежде, чем тот успел нанести удар. Кулак Талгата просвистел рядом с ухом уклонившегося противника, и они налетели друг на друга, как разъяренные петухи. Гафур вцепился в рубашу Косого и рванул что есть силы в сторону. Раздался треск разрываемой материи и истошный вопль Талгата:

— Ах ты, паршивец! Рубашу порвал!

Он двинул Гафура в ухо довольно-таки чувствительно, потому что тот на мгновение отпустил Талгата, но, быстро оправившись от удара, ответил коротким и резким тычком под ребра. Талгат охнул и согнулся пополам.

Гафур что есть силы размахнулся, чтобы ударить Косого по шее, но тот успел уклониться и в свою очередь попытался ногой попасть противнику в то самое место, куда несколько дней назад успешно врезала Удоды Соня. Но, в отличие от рыжей шельмы, Косой промахнулся, и противники, сцепившись, покатались по грязному полу, рьяно осыпая друг друга ударами.

Размахнуться как следует не удавалось, и тычки мальчишек не причиняли обоим особых неприятностей. Под громкие вопли собравшихся, катаясь в пыли, они продолжали тузить друг друга, обмениваясь попутно смачными ругательствами.

Зрители возбужденно вопили, подзадоривая дерущихся. Никто не пытался ввязаться в драку: по неписаному закону шайки это было дело тех, кто ее затеял. Все настолько увлеклись зрелищем, что никто, кроме Сони, не заметил вошедших Хункара и Удоды.

Главарь некоторое время с интересом наблюдал за потасовкой; мальчишки, наконец увидев его, притихли. Главарь отвесил каждому из катающихся под его ногами по хорошему пинку и громко выругался. Гафур с Талгатом вскочили на ноги, отряхиваясь, потирая ушибленные места, и воззрились на Удоду.

— Я же сказал, что не потерплю этого! — Предводитель влепил провинившимся еще по одной здоровенной оплеухе. — На место!

Драчуны, как побитые собаки, поплелись к своим ящикам. Удод прошел несколько шагов и увидел, что его персональное кресло занято — и не кем иным, как рыжей девкой! — на мгновение замер в замешательстве. Соня, выждав немного, усмехнулась и встала:

— Принес? — спросила девочка у главаря, словно тот был ее подчиненным.

— Принес... — не обращая внимания на ее ухмылку, ответил Удод, усаживаясь на свое место.

— Ну-ка! — небрежно кивнула Соня Гафуру. — Подвинься!

Тот беспрекословно потеснился, и она присела на крышку разбитого сундука. Мальчишки захихикали.

— Тихо! — гаркнул главарь. — Всем причитается по два золотых. Кто хочет получить мелочью, могу разменять.

Это была обычная уловка Удоды. Куда пойдешь с золотым, на который можно купить целого барана? Особенно если такую монету увидят в руках обитателя Ослиной пустоши или, того хуже, сопливого мальчишки. Серебро еще куда ни шло, но за размен главарь брал мзду. Протестовать никто не решался, все с этим давно смирились. Можно было, конечно, обратиться к меняле, тот не будет задавать лишних вопросов, но за размен возьмет еще больше.

— Начнем с тебя, — главарь кивнул Хункару. — подходи!

«Богатый! — присвистнула про себя Соня. — Чтобы скрыть свою неудачу, ему пришлось здорово раскошелиться! Вон ведь нас сколько...»

— Мне не разменивай! — небрежно кивнула она, когда подошла ее очередь. — Давай золотом.

Все разинули рты, а Удод, скривившись, вытащил откуда-то пару золотых туранских монет и нехотя протянул Соне. Она попробовала монеты на зуб с бывалым видом, хотя золото в руках держала впервые в жизни, и небрежно спрятала в маленький кожаный мешочек, который болтался у нее на шее.

— С ним в самом деле не пропадешь! — подмигнула она Талгату, который, стоя рядом с главварем, принимал долги у любителей желтого лотоса.

— Угу! — ухмыльнулся тот, довольно пересчитывая монеты, с которыми, тяжело вздыхая, расставались его должники. — Удод — лучший главарь во всем Майране. Тебе здорово повезло, Рыжая!

Глава пятая

Слушайте! — Удод, развалиясь в кресле, обвел глазами свою команду. — Завтра отправляемся на большое дело. За городом. Потребуется пару дней. Пойдем все, кроме нее. — Он указал на Соню.

— Это почему же? — возмущенно спросила девочка.

— Тебя из дома не отпустят, — усмехнулся Удод. — Того и гляди искать начнут, а мне шума не требуется.

— Мне тоже! — дерзко ответила Соня. — Можешь не беспокоиться.

— Ну, если так... — не нашелся что возразить Удод. — Тогда подходи.

Он коротко рассказал подельникам, в каком месте за городом им следует завтра собраться, и все разошлись.

— Как ты договоришься с матерью? — полюбопытствовал Хункар, когда вместе с сестрой они шагали к дому.

— Есть задумка,— не вдаваясь в подробности, ответила Соня.— Иди домой и скажи маме, что я пошла к Илинне.

И, кивнув на прощание брату, свернула на улочку, ведущую на базар. День перевалил за полдень, торговля была в самом разгаре. Пройдя несколько рядов, девочка свернула в небольшой тупик, образованный лавками, стоящими по обеим сторонам улицы. Правая лавка, длинное строение с широкой дверью в самом начале, принадлежала ее отцу. Точнее, это была одна из них, самая большая на базаре.

Соня вошла в широко распахнутую дверь и чуть не наткнулась на своего братца Эйдана. Тот стоял с большой книгой в руках, делая какие-то пометки.

— Ты? — изумленно воскликнул Эйдан.

Появление сестры было воспринято им с большим удивлением, чем если бы в лавку заглянул сам наместник правителя.

— Дело есть,— коротко бросила Соня и повертела перед носом брата золотой монетой.

— Ух ты! — Эйдан приподнял брови.— Где стянула?

— Там уже нет! — усмехнулась Рыжая.— Хочешь заработать?

На лице Эйдана появилось выражение легкой обиды — кто же в здравом уме откажется от золотого?

— Что я должен сделать?

— Прыткий ты у меня, братец,— похвалила Соня.— Соображаешь быстро. Слушай: завтра я

пойду в гости к Илинне и останусь там ночевать.

— Мне тоже нужно отправиться под бочок к Илинне? — рассмеялся Эйдан.— И получить золотой?

— Размечтался! — оброрвала его смех Соня.— Послезавтра, если к вечеру не вернусь, сделаешь вид, будто заглянул к ней. Потом скажешь домашним, что меня пригласили остаться там еще на одну ночь. Понял?

— Чего не понять? — осклабился парень и, понизив голос, спросил: — А куда ты пойдешь на самом деле?

— А вот этого тебе знать не следует,— усмехнулась сестра.— В конце концов ты услугу получаешь золотой. Или раздумал подработать?

— Не волнуйся, все сделаю как надо,— поспешно заверил сестру Эйдан, опасаясь, что Соня может передумать.— Значит, вечером, когда мать станет беспокоиться из-за твоего отсутствия, я скажу ей, что сбегаю за тобой, а потом передам, что ты опять заночуешь у Илинны. Так?

— Умница! — похвалила сестра.— Когда вернусь, он будет твоим.— Она снова повертела монетой перед его лицом.

— Не обманешь? — настороженно протянул Эйдан.

Парень достаточно рано понял: деньги способны подарить их обладателю весьма серьезные удовольствия и преимущества. А также то, что мало кто добровольно расстается с ними.

— Вспомни, я тебя когда-нибудь подводила? — совсем как Удод своих ребят, спросила его Соня.

Младший наморщил лоб и, на мгновение задумавшись, отрицательно помотал головой:

— Нет...

— Тогда дай-ка мне на пять медяков сладостей. — Девочка кивнула на полку, уставленную горшочками.

— А деньги? — не преминул, как истинный торговец, спросить Эйдан.

— Ну ты и скупердай, братец... В счет золотого, — нахмурилась Соня.

Эйдан недовольно покрутил головой, но, поразмыслив, отвесил в небольшой полотняный мешочек всякой всячины: засахаренных орехов, сладкого шербета, ломтиков сушеной дыни. Он скрупулезно и тщательно отобрал товар, следя, чтобы не получилось больше, чем на выделенную сестрой сумму. Соня, усмехаясь, наблюдала за его аккуратными движениями.

— Добавь-ка орехов, нечего жадничать!

— Но ведь уговор был...

— Добавь, добавь, не обеднеешь.

Эйдан со вздохом добавил еще горсть сладостей, ворча, что ему непременно влетит от отца за его доброту, но Соня выхватила у него мешочек и, не дослушав, вприпрыжку убежала, крикнув напоследок:

— Не забудь — иначе ничего не получишь!

До дома ее подруги Илинны было рукой подать, всего два городских квартала. Дом ее родителей выделялся среди остальных огромной

аркой над воротами, которую то ли дед девочки, то ли прадед сложили из камней, взятых с развалин самого большого храма города.

Эта арка, скорее всего, украшала когда-то главный алтарь храма. Какие-то полустертые надписи на непонятном языке еще виднелись на портале, а по колоннам арки шли остатки резьбы. Соня обогнула дом и очутилась на лужайке в небольшом садике, излюбленном месте подруги.

Она заметила расположившихся в тени Илинну и еще одну девочку, с которой давно не виделась. Это была дочка одного из городских чиновников, отправленная своим отцом на учебу в столицу.

— О, Соня! Как здорово, что ты пришла! — хором закричали девочки, увидев гостью.

— Ты совсем нас забыла, — прибавила Илинна несколько обиженным тоном.

— Да знаешь, я очень занята последняя время, — оправдывалась Соня, присаживаясь на расстеленный на траве пушистый ковер. — Смотрите, что я принесла, угощайтесь.

— В Аренджуне такой вкуснятины нет, — заметила Джанель — так звали дочку чиновника, — у них принято все орешки мазать какой-то красной помадкой.

— Да-а? — удивилась Илинна и помолчав гордо заявила: — Чем-чем, а уж сладостями Майран всегда славился!

— А что еще интересного в столице? — завела приличествующий девам разговор Соня.

— Даже не знаю, с чего начать,— жеманно начала Джанель. Девочка явно чувствовала свое превосходство над подругами. Еще бы, она уже успела «повидать мир».— Столица, сама понимаешь. Это вам не наше захолустье!

— А правителя видела?

— Его — нет, а вот супругу его — целых три раза.

— Красивая? — затаив дыхание, спросила Илинна.

— А! — пренебрежительно махнула рукой Джанель.— Так себе... Единственное, что в ней привлекательного,— это прическа.— Девочка, показывая какая, высоко подняла над головой руки,— Вот такой высоты, и так хитро уложена, что сразу не разберешь, как там все понаверчено. Одна моя подружка отправилась к цирюльнику,— вдруг захихикала она,— и велела причесать себя, как правительницу. Глупышка! А цирюльник ей и говорит: «Когда будешь иметь такие волосы, как у нашей госпожи, тогда я и сделаю тебе подобную прическу».

Все рассмеялись, а Джанель, взглянув на Соню, добавила:

— Вот из твоих волос, Соня, наверняка бы получилась роскошная прическа. Только у супруги правителя они черные как ночь.— Она вновь захихикала и добавила: — Впрочем, эта моя знакомая, Анора, всегда была совершенной глупышкой! Кстати ей почти четырнадцать лет, а у нее еще крови не было. А у вас?

— Была,— ответила за обеих Илинна.— Началось полгода назад. А у тебя?

— Две луны,— ответила Джанель.

— А для чего это все происходит? — спросила Соня.

— Моя подруга из Арэнджуна говорит: это для того, чтобы иметь ребенка.— «Столичная штучка» взяла еще горсточку орехов и с некоторой снисходительностью продолжила.— Ребенок нуждается в крови, когда он внутри тебя. Ведь если ждешь ребенка, то крови нет.

— А как же он получит кровь? — продолжала любопытствовать Соня.

— Через пупок,— назидательно ответила Джанель,— из твоего пупка идет такая трубочка, и он получает кровь.

— Да? — удивилась в свою очередь Илинна.— А зачем пупок у мальчиков и у мужчин?

— Вот этого я не знаю...— задумалась девочка.— Но у мужчин есть другие вещи, совсем не лишние!

Она засмеялась несколько возбужденным смехом и чуть не поперхнулась сладостями. Соня со всего размаху шлепнула ее рукой между лопаток.

— О Боги, зачем так сильно? — взвизгнула Джанель.

— Извини! — Соню уже утомила болтовня девиц.— Я пришла к тебе, Илинна, по делу.

— Ну конечно, как я не догадалась сразу,— обиженно повела плечами ее подруга,— ты ведь такой важной стала, просто так и не зайдешь!

— Не сердись,— примирительно сказала Соня.— Илинна, помоги мне. Если случайно встретишь

моих родителей, скажи им, что я ночевала у вас две ночи: завтрашнюю и еще одну.

Воцарилось молчание. Девчонки сразу же почувствовали, что здесь пахнет настоящим — правда, пока непонятно каким — приключением, и некоторое время жадно переваривали новость.

— А что, — осторожно спросила Илинна, — ты будешь ночевать в каком-то другом месте?

Она, изнывая от любопытства, все-таки постаралась не упоминать слово «мужчина», вертевшееся на языке, и задала свой вопрос, как ей показалось, наиболее деликатным образом. Соня на мгновение замаялась: не говорить же этим курицам, что она в шайке Удоды! Девочка загадочно вздохнула и скромно потупила глаза:

— Ну, это неважно...

— Да ты что? Очень даже... — зашебетали обе подружки, но, заметив, как на лицо Сони набежала тень, поняли, что сейчас не стоит продолжать расспросы.

— Хорошо, хорошо — это твоя тайна! Но потом-то ты нам все расскажешь?

— Обязательно, — пообещала Соня, понимая, что иначе не избавиться от надоедливых вопросов. — Непременно расскажу.

Она попрощалась с девочками и поспешила к выходу из сада, оставив Илинну и Джанель с широко раскрытыми от восхищения и зависти глазами.

Часть третья ПО БУРНЫМ ВОЛНАМ

Глава первая

В назначенное время все собрались за городом в том месте, которое указал Удод. Лица мальчишек были серьезны и сосредоточенны, никто не отпускал обычных шуток: все понимали — дело, на которое они идут, не может сравниться с тем, чем они занимались до сих пор. Впервые Соня пришла на сборище вместе с Хункаром. Дома она без труда отпросилась к Илинне: мать считала, что общение с благовоспитанными девочками может хорошо сказаться на необузданном характере младшей дочери. Но, увидев, что они собираются вдвоем с Хункаром, недоуменно взглянула на старшего сына.

Парень поспешил неловко объясниться:

— Я решил проводить Рыжую к Илинне.

Родители переглянулись. Келемет одобрительно хмыкнул:

— Ты, кажется, становишься настоящим мужчиной.

Соня с Хункаром, радуясь, что отделались сравнительно легко и расспросы не затянулись на

неопределенное время, поспешили покинуть родительский дом. Всю дорогу они строили догадки по поводу предстоящего дела. Но на этот раз Удод не поделился планами даже с Хункаром.

* * *

— Идти придется далеко,— хмуро глядя на своих сообщников, сообщил главарь.— Лиг пять, а то и больше. Клинки у всех с собой?

Мальчишки дружно закивали головами. Удод удовлетворенно оглядел всех и скомандовал:

— Теперь за мной! Что делать, скажу на месте.

Идти в самом деле пришлось немало, но цели они достигли задолго до захода солнца.

— Вот за тем холмом,— Удод указал рукой на вершину, встающую над кронами деревьев небольшой рощицы,— на ночевку встанет караван.

— Караван?! — раздались изумленные голоса.

— А вы что думали? Всю жизнь лавки потрошить? — издевательски протянул Удод.

Ответа не последовало, и он довольно ухмыльнулся:

— Не бойтесь, для первого раза караван всего ничего. Их шесть человек, а нас... — Он обвел внимательным взглядом свою ватагу.— Все пришли?

— Все, все,— загалдели мальчишки.

— Значит, четырнадцать клинков, а со мной,— он гордо выпятил грудь,— пятнадцать. Здесь караулить не придется,— он, скривил губы в ухмылке, глянув на Соню,— всем найдется работа!

Та ответила ему злой усмешкой и отвернулась. Главарь меж тем продолжал:

— Караванщиков всех убить. Свидетелей оставлять не будем. Понятно? — жестко добавил он.

Все закивали головами, но далеко не с прежней готовностью. Мальчишки прекрасно понимали, что убивать — дело не шуточное. Не в лавку ночью залезть.

— Кто из вас уже убивал?

Отозвалось человек пять и среди них, к удивлению Сони, Косой Талгат и Хункар. Ее брат, которого она в душе считала рохлей и трусом, совершил убийство? Новость не укладывалась в голове девочки. Она с недоумением взглянула на Хункара, а тот в ответ только важно кивнул головой.

— Ладно, я-то знаю все ваши подвиги,— усмехнулся Удод,— а спросил для того, чтоб другие не струсил. Пойдем по двое,— он оглядел своих подчиненных,— Хункар, возьми вон его, ты, Косой, вместе с девчонкой, Волчий Клык, пойдешь с ним...

Распределив людей, главарь принялся объяснять каждой паре их задачу. Соня поняла, что она, похоже, ошибалась в Удод. Этот парень, хотя поначалу и показался ей туповатым, но в своем ремесле разбирался неплохо.

Ей и Талгату выпало снять второго дозорного, если караванщики выставят двоих. Первого взялся убрать сам главарь. Компания расположилась на некоторое время среди деревьев, пока не вернулись посланные в разведку Хункар и Волчий Клык.

— Подошли! — радостным шепотом сообщил Хункар.— Семь человек и двадцать лошадей.

— Хорошо! Ждем, пока стемнеет. Все помнят свою задачу? Смотрите в оба, это вам не по чужим огородам шастать! — зловеще усмехнулся он. — Кто не расстарается — нянчиться не буду: здесь и оставляю на съедение шакалам. Мне хоронить вас некогда. Тюк! Тюк... — главарь грязно выругался, — заснул что ли, мерзавец?

— Я! — истошно вскрикнул задремавший подросток.

— Тихо, дубина! — зашипел Удад. — Переполошишь охрану. Ты что, отдохнуть сюда явился?

— Да я...

— Закрой рот! — оборвал его главарь. — Возьми своего напарника и беги к стоянке. Посмотришь, что там и как. И сразу назад... Понял, сонная задница?

— Понял, понял... — испуганно закивал головой Тюк.

Парочка, отправленная на разведку, не мешкая, заспешила к холму.

— Остальные хорошенько запомните, что я сказал: не зевать! Скоро отправимся. — Удад еще раз оглядел свою шайку. — Верю — удача сегодня с нами!

Он подобрался, его напряженная фигура и хищный блеск прищуренных глаз напомнили Соне голодного волка. Она, правда, никогда не видела этого зверя, но представляла его именно таким.

Когда стемнело, шайка, вытянувшись цепочкой, направилась к холму. Подойдя ближе, все остановились. Удад приглушенным голосом приказал:

— Тихо...

Парни замерли.

— Видите костры?

Шагов за двести за изгибом склона блеснул слабый отблеск огня.

— Теперь не зевать! — Главарь негромко свистнул.

Через некоторое время в кустарнике зашуршало, и появились Тюк с напарником.

— На караул выставили двоих, — свистящим шепотом сообщил Тюк. — Остальные в шатре. Второй дозорный с лошадьми там, неподалеку. — Он показал направление.

Небо было покрыто редкими облаками, но сквозь их пелену луна достаточно хорошо освещала местность. Глаза, привыкнув к полумраку, четко различали все вокруг.

— Все готовы? — спросил главарь. — Косой с девчонкой обходите справа. Видели, куда указал Тюк? Ступайте! — получив утвердительный кивок Талгата, велел он. — Остальным разделиться и с двух сторон двигаться к шатру. Начинаем по третьему свисту. Вы, — он отыскал глазами Хункара с напарником и еще двоих, — как только увидите, что Талгат или Рыжая, — он кивнул в их сторону, — убрали парня, гоните к стоянке лошадей. Всех! Понятно?

Он еще чуть постоял, напряженно вслушиваясь вдаль и махнул рукой:

— Пошли! Помните — у караванщиков могут оказаться и мечи, так что не зевайте.

«Чего же не прихватил хотя бы три-четыре сабли на всех? — подумала Соня. — Глупость какая-

то: с кинжалами на вооруженных мечами людей! Неужели Удод настолько скуп? — вдруг сообразила она. — Мечи или сабли еще купить надо... Эх, пожалел десятка золотых!»

Но особенно раздумывать стало уже некогда: все дружно ринулись в разные стороны, выполняя распоряжения главаря. Соня с Талгатом поползли сквозь невысокую траву и редкий кустарник к дозорному с лошадьми. Через некоторое время девочка уже могла разглядеть долговязого мужчину, который, опершись на копье или пику — в слабых отблесках пламени невозможно было определить точнее, — помешивал палкой угли в маленьком костерке. Соня толкнула Косого локтем.

— Вижу! — шепнул тот. — Я брошу клинок первым... Если промахнусь, метни вслед за мной.

Девочка, сжав губы, кивнула в знак того, что поняла.

— Готовься! — махнул рукой Талгат и быстро пополз вперед. До костра оставалось шагов двадцать, когда подельники заметили, что кустарник, и трава уступили место вытоптанной площадке, посреди которой и сидел дозорный. Поодаль паслись стреноженные кони. Мужчина сидел вполоборота к костерку и приглядывал за лошадьми, но временами крутил головой, осматриваясь по сторонам. Подобраться к нему ближе без риска обнаружить себя оказалось невозможным.

Чуть слева, из темноты, раздался тихий свист, похожий на голос какой-то птицы. Дозорный встрепенулся, привстал, но не заметив ничего подозрительного, снова уселся у костра. Сигнал

повторился. Талгат начал медленно приподниматься на одно колено, чтобы по третьему знаку Удода метнуть кинжал.

Внезапно налетевший порыв ветра взвил пламя костра, и в этот момент дозорный повернул голову в их сторону. Движущаяся тень заставила его вскочить на ноги. Ему вряд ли удалось различить среди поросли Косого, однако мужчина встревожился и поудобней перехватил копье.

Талгат метнул кинжал, не дожидаясь третьего сигнала, но второпях промахнулся и попал не в горло, куда целил, а в бедро караванщика. Тот, присев от боли, громко заорал. Теперь о внезапном нападении не могло быть и речи: слева от них, там, где стоял шатер у большого костра, раздалась ответные крики. Раненый Талгатом дозорный выхватил саблю и, припадая на одну ногу, ринулся в сторону растерявшегося мальчишки.

— Соня!

Но сдавленный крик Косого оказался лишним.

Девочка, чуть отклонясь назад, уже метнула кинжал. Клинок вонзился прямо в горло бегущего к ним человека. Тот машинально сделал еще пару шагов и рухнул ничком. Из рта хлынул поток крови, заметный даже в тусклом свете луны. Соня выдернула свое оружие из раны и, вытерев клинок о его же куртку, спрятала в ножны.

— Не забудь. — Она повела головой, указывая подбородком на ногу мертвеца, из которой торчал нож Косого.

Глядя на тело мужчины, который мгновение назад был жив и здоров, а теперь лежал застыв,

с раскинутыми по траве руками, Соня не испытывала почти никаких ощущений.

Она хладнокровно убила человека? Необходимость, не более. Иначе это ее кровь сейчас бы впитывалась в землю. Главное в жизни — опередить противника, хоть на волосок, хоть на вздох, на удар сердца, и нанести удар первой...

— Змея! — похвалил девочку Талгат. — Теперь быстро к нашим, может, нужна помощь!

Они бросились к месту, где стоял шатер. Оттуда неслись громкие крики и шум борьбы. Соня оказалась права: жадность Удода, не захотевшего снабдить никого из своих мечом или саблей, дорого обошлась троим мальчишкам. Их неподвижные тела виднелись почти у самого костра. Но силы все-таки были неравны — пять человек, не вполне очнувшиеся со сна, пусть и неплохо вооруженные, против десятка ловких, умеющих работать кинжалом молодых разбойников.

Главварь, услышав вопль раненного Косым дзорного, не раздумывая кинулся на другого, а подоспевший Гафур добил бешено сопротивляющегося караванщика. Но спасая главваря, он поставил спину убежавшему из шатра воину. Парнишка только и успел, что обернуться... Его тело лежало среди тех, кому сегодняшней ночью повезло меньше всех, а лицо было располосовано мечом. Соня узнала беднягу лишь по одежде.

Девочке на мгновение стало жаль его, хоть он всегда и задирал их, городских, да и вообще казался ей весьма неприятным, злобным типом. Потери шайка понесла из-за того, что несколь-

ко замешкались те парни, в чью задачу входило перебить караванщиков, отдыхающих в шатре. Главварь, возбужденный и довольный, властно отдавал распоряжения:

— Быстро собирайте поклажу! Где эти, с лошаадьми?

Соня, поймав в отблеске костра его взгляд, внезапно поняла, что Удод нимало не огорчен гибелью своих подельников. Его сейчас занимали только размер добычи и стремление поскорей покинуть разоренную стоянку.

— Почему не дождался третьего свистка, засранец? — напустился он на Косого.

— Понимаешь... — начал оправдываться Талгат, — он сам...

— Молчать! Завтра разберемся! Присоединяйся к остальным! А ты, — он кивнул Соне, — побудь рядом, может быть, еще понадобишься.

Мальчишки, подгоняемые криками Удода, носились как нахлестанные, подготавливая к перевозке выюки и упряжь.

— Клык! Клык! — крикнул Удод.

Бегущий мимо них Волчий Клык резко остановился.

— Проверь у всех карманы и кошельки! — приказал главварь. — И у наших тоже, — усмехнулся он, и в его глазах Соня вновь уловила злое блеск, — им ничего больше не понадобится. Лошади, где лошади? — снова заорал он.

В тот же миг послышался топот копыт, и на поляну влетели верхами Хункар и трое других, каждый вел за собой в поводу двух-трех коней.

— Не торопишься, растяпа! — Предводитель шайки раздраженно накинулся на Хункара.

— Да мы...

— Скорей грузите, — отмахнувшись от его объяснений, приказал Удод, и все бросились навьючивать поклажу.

— Ха! — Он довольно потер руки. — Теперь нас на трех человек меньше и каждому как раз достанется по верховой лошади. Сумеешь добраться до города в седле? — Главварь повернулся к Соне.

Девочка усмехнулась. Хункар подставил кулак, и она легко взлетела на спину серого жеребца, которого подвел кто-то из мальчишек. Поймала ногой стремя и спокойно наблюдала сверху, как Волчий Клык ссыпает в поставленный главварем мешочек улов, добытый из карманов и кошельков убитых.

— Держи, Рыжая! — Удод кинул добычу девочке. — Отдашь потом, когда спрошу. По коням! — гаркнул он, увидев, что лошади навьючены.

Глава вторая

Удод вскочил на рыжую кобылу и медленной рысцой тронулся вперед. Остальные двинулись за ним цепочкой. Назначенные главварем вели в поводу вьючных лошадей; трое, среди которых оказалась и Соня, замыкали колонну.

— Как же так? — наклонившись к Хункару, спросила она тихим шепотом, чтобы не слышали другие. — наших мальчишек даже не закопали...

— А! — пожал плечами брат. — До утра шакалы и гиены только кости оставят. И от наших, и от караванщиков... пустая забота. Потратим время, а за это головой поплатиться можно.

Соня, с сомнением покачав головой, ослабила повод своего коня и поскакала вперед. Все ехали молча, но лица мальчишек горели от возбуждения, события прошлой ночи еще не отпускали их.

Когда подъехали к городу, Удод повел своих спутников прямо к пролому в стене, за которым начиналось бесконечное нагромождение лачуг Ослиной пустоши. Они проехали несколько пус-

тынных в это раннее время проулков, и Удод, остановив свою лошадь, соскочил на землю. Тут же приотворились большие ворота какого-то двора. Их явно ждали, и все поспешно двинулись внутрь.

Человек в плаще с капюшоном немедленно затворил тяжелую створку. Он подошел к главарю, и Соне показалось знакомой походка этого мужчины. Когда тот, отбросив капюшон, обменялся с Удодом несколькими словами, она чуть не вывалилась из седла — это же отец Талгата!

— Быстро спешивайтесь, расседывайте лошадей, снимайте поклажу, — негромко, но четко велел Удод.

Мальчишки засуетились, исполняя приказ. Соня, спрыгнув с жеребца, подошла к Талгату:

— Ты знал?

— А ты как думала! — довольно осклабился тот. — Если большой улов, мы почти всегда привозим его моему отцу, — добавил он.

— Он знает, что я с вами?

— Этого я ему не говорил, клянусь всеми богами! — горячо заверил ее Косой. — Ты отойди в сторону, за лошадей, может, он тебя и не заметит.

Совет припоздал. Рашмаджан направился прямо к сыну, но, не дойдя пару шагов, увидел Соню и остановился как вкопанный:

— Ты? — не сказал, а скорее прохрипел Рашмаджан. Видимо, от великого изумления он на миг потерял голос.

— Да, — просто сказала Соня. — Чего ж тут удивительного? Вон твой сын и мой брат, — она указала на Хункара, который поблизости сни-

мал вьюки, — занимаются этим промыслом, а почему мне нельзя? Что тебя так поразило? Я ничем не хуже их!

— Но ты... — Он подумал немного, подбирая подходящее возражение, но, не найдя другого, вынужден был сказать: — Ты же девочка!

— Девочка, мальчик — какая разница? — усмехнулась Соня. — Важно, чтобы человек был подходящий, с головой на плечах, да и руки росли откуда следует. Так ведь, Талгат? — повернулась она к Косому.

— Верно, отец! — подтвердил ее приятель. — Рыжая сегодня мне жизнь спасла. Если б не она, тот караванщик, видят боги, проткнул бы меня саблей. Я тебя еще не успел поблагодарить... — Он с восхищением посмотрел на Соню.

— Значит, судьба, — вздохнул Рашмаджан. — Меня когда-то спас твой отец, а моего сына — ты... Наша семья в неоплатном долгу перед вами!

— Так это правда? — спросила Соня.

— Что «правда»? — насторожился собеседник.

— Что ты и мой отец... — начала девочка, но Рашмаджан, не дослушав ее, повернулся к сыну, свирепо вращая глазами:

— Все разболтал, паршивец? — Он с размаху влепил сыну крепкую затрещину. — Зря ты его спасла, — усмехнулся он Соне, — болтунов убивать надо! Точно тебе говорю!

— Но ты же сам все рассказал ему... — вступилась за Талгата девочка.

— Я говорил ему как сыну, надеясь на то, что он сможет держать за зубами свой длинный

язык. Трепливая баба! — Рашмаджан в сердцах залепил Косому еще одну оплеуху.

— Что это вы не поделили? — Услышав шум, к ним подошел главарь шайки.

Рашмаджан усмехнулся.

— Просто беседую с сыном. По-родственному. Получил все сполна? — спросил он у Удада.

— Да.— Главарь поднял вверх зажатый в правой руке небольшой кожаный мешочек.

— Ну и хорошо,— кивнул Рашмаджан.— Она тебе сегодня понадобится?

— Зачем? — криво улыбнулся Удад.

Соня одарила его неласковым взглядом, и ухмылка с лица вожака мгновенно исчезла.

— Нет, нет! — торопливо добавил он.— Сейчас всех распушу по домам.

— Не хочешь ли ты поговорить со мной? — повернулся к Соне Рашмаджан.— И позавтракать.

— Согласна.— Соня, бросив главарю мешочек с награбленными у мертвых деньгами, пошла вслед за отцом Косого.

— А ты, сучий потрох,— обернулся он к Талгату,— дуй домой, пока я тебя не угробил, да скажи матери, что скоро буду.

Девочка посмотрела на удрученное лицо парня и, не удержавшись, подмигнула. Талгат отреагировал вяло. Он, насупившись, потирал щеку, которая еще горела: отец приложил от души, а рука-то у него была тяжелая.

Пройдя за Рашмаджаном в низкую каморку, Соня присела на короткую лавку, стоящую около деревянного стола, такого старого, что между дос-

ками столешницы образовались щели в палец шириной. Отец Талгата сел напротив и, положив локти на стол, подпер ладонями подбородок и некоторое время молча смотрел на девочку. Потом обернулся, достал из небольшого сундучка и поставил перед ней тарелку с сыром и вяленым мясом. Хмыкнул и добавил к угощению кувшин вина. Появилась и пара кружек.

— Так что ты хотел мне сказать? — спросила она, засунув в рот кусок солоноватого сыра.

— Прежде всего попросить: не говори отцу о том, что мой разгильдяй все выболтал...

— Понимаю.

Жевать и улыбаться оказалось делом трудным, даже для Сони.

— Он будет вне себя от ярости, если узнает...— тихо продолжал Рашмаджан.

В голосе его слышался нескрываемый страх.

— Боишься, что убьет? — предположила Соня, и по изменившемуся лицу собеседника поняла, что не ошиблась.

— Да...— прошептал Рашмаджан, будто опасаясь, что его кто-то услышит.— Келемет не щадил никого и никогда. В Аграпуре у него кличка была среди...— Он замялся, но девочка пришла ему на выручку, подсказав:

— Среди разбойников?

— Угу,— потупился отец Талгата, словно услышал из уст ребенка непристойность.

— Продолжай!

— Его называли Бешеный Гирканец. Там было много лихих людей, но твой отец считался сре-

ди них атаманом, никто не осмеливался ему перечить.

— А сейчас? — внезапно спросила Соня.

— Что сейчас? — недоуменно переспросил собеседник.

— Он продолжает...

— Нет, что ты! — замахал на нее руками отец Талгата. — Теперь Келемет почтенный купец. У него другие дела... — И тут же осекся, словно сболтнул лишнее, но Соня ничего не заметила.

— Расскажи мне о его прошлом, — удобнее пристраиваясь на лавке, потребовала девочка.

Рашмаджан налил вина из кувшина, подвинул кружку Соне. Пригубил сам.

— Нет, — он никак не мог решиться продолжить тягостный для него разговор, — не могу!

— Не можешь? — почувствовав, что этот грузный, лысеющий мужчина не осмелится ей перечить, Соня тихо, с расстановкой добавила: — Мне очень хочется узнать, чем занимался в молодости мой отец. Но если ты не желаешь говорить, то придется обратиться к нему самому. Может, он кое-что вспомнит...

— Да ты что? — Рашмаджан пришел в такой ужас, что у него даже щеки затряслись. — Ладно, ладно... Так и быть, спрашивай.

— Он много людей убил?

— Кто считал? — вздохнул отец Талгата. — Думаю, и Келемет не знает.

— Я жду, — требовательно заявила девочка.

Рашмаджан воззрился на нее с недоумением, но, почесав затылок, все же начал рассказ.

Глава третья

Аграпур, — отец Талгата сладко причмокнул, словно не слово произнес, а прожевал шербет или сладкий орех, — совсем не такой город, как эта дыра. В пять раз больше, а богаче в десять. Вокруг него высятся стены, крепостные ворота окованы железом. Никто не войдет в город, не заплатив дань страже. Не то что здесь, — усмехнулся Рашмаджан, — целый караван явится в Ослиную пустошь, а никто его и не заметит.

— Да, мать тоже не любит Майран. Но ты отвлекся, меня интересует прошлое отца, а не порядки в Аграпуре, — напомнила она.

— Верно, — кивнул головой ее собеседник, — просто дело происходило именно там, потому я издали и начал. Потерпи чуток, и ты услышишь все. Я обещал и слово свое сдержу. — Он немного помолчал, словно вглядываясь в прошлое, затем продолжил: — Мы познакомились с Келеметом в юности, совсем молодыми. Тогда твои родители еще и не знали друг друга. Я был членом шайки

Синих Тюрбанов. Она существовала с давних времен, может, лет пятьсот или больше — так говорили все. Главари принадлежали одной семье, не буду упоминать ее имя, тебе оно ничего не скажет, да и никого из них уже нет в живых — род прервался. Принимали они только гирканцев и только по очень хорошему знакомству. Поручитель отвечал головой за того, кого привел. Если новичок оказывался трусом или утаивал часть добычи, то расправе подвергались оба.

— А как ты попал к ним? — перебила Соня.

— О, это весьма необычный случай, — небрежно сказал Рашмаджан, но по лицу мужчины легко читалось: он невероятно горд тем, что произошло много лет назад. — Я был в те времена погонщиком верблюдов у одного караванщика и однажды нашел в пустыне раненого. Я подобрал несчастного и тот выжил. Хотя казалось, что истощенный и потерявший много крови бедолага вряд ли протянет до Аграпура.

— Неужели? — с иронией спросила девочка. — Твоя доброта достойна похвал.

Сомневаться в правдивости собеседника ее заставила всем известная жадность Рашмаджана.

— Ну, как сказать... — замялся достойный муж, чувствуя себя крайне неуютно под взглядом насмешливой девочки. — Видишь ли, он пообещал...

— Много? — засмеялась Соня. — А то я подумала, что ты один в вашем роду такой...

— Какой? — насторожился Рашмаджан.

— Да не чета сыну, — усмехнулась Соня. — Талгат вечно норовит заработать хотя бы медяк.

— Ты молода и глупа! — рассердился Рашмаджан. — Я учу его бережливости, как меня учил этому мой отец. Чего сорить деньгами, если они достаются тяжким трудом? Моя наука идет ему впрок! Тут медяк, там серебряный — глядишь, и золотой в кармане.

Он припал к кружке. Потом засунул в рот большой кусок мяса и принялся сосредоточенно жевать, недовольно сопя. Налил себе еще и проворчал:

— Ты будешь слушать или нет?

— Буду, буду, — успокоила его девочка.

— Так вот, — продолжал отец Талгата, — этот человек оказался двоюродным братом предводителя Синих Тюрбанов. Родственником самого Анвара!

— А ты этого не знал?

— Представь себе, не знал. Этот Самат ехал к нам из другого города, когда на него, напали и тяжело ранили.

— Странно, — не выдержала Соня, — напали, а не убили. Зачем оставлять свидетелей?

— Да-а... — пожевал губами опешивший Рашмаджан. — Вся в отца! Узнаю Келемета. Вижу, девочка, от тебя нужно держаться подальше.

— Иначе не выживешь. — Улыбка Сони не сулила ничего хорошего.

Собеседник взглянул на нее с удивлением, и в глазах его мелькнуло нечто вроде уважения к рыжей соплячке.

— В общем, — он снова почесал в затылке, — этот человек замолвил за меня словечко Анва-

ру. Сама понимаешь, в знак благодарности, да и рубаккой я был тогда совсем неплохим,— самодовольно добавил он.

— Ну а какое отношение к твоим успехам имел отец? — поинтересовалась девочка.

— Я как раз к этому подхожу,— почему-то понизив голос, сказал отец Талгата.— В городе Синих Тюрбанов боялись, как огня. Никто не решался с ними связываться. Как-то мелкая шайка Хромого Сабира, взяла одну лавку. Так себе людишки, не из особо ловких. Во всяком случае, мало кто про них знал. Копоятся себе, ну и пусть копят...— На лице Рашмаджана появилась презрительная гримаса.— Так вот, погрузили они товар на двух ослов и собирались уже сматываться. Дело, сама понимаешь, происходило ночью. Кто ж днем ворует? — ухмыльнулся Рашмаджан.— На их беду в переулок, где подельники ограбили лавку, въехал человек двадцать из Синих Тюрбанов. И сам Анвар с ними

— А ты?

— Я охранял дом главаря. Так вот,— продолжал он,— Анвар был в плохом настроении и велел отобрать добычу у Хромого Сабира. Просто решил повеселиться да указать воришкам, место. Кто ж посмеет перечить Анвару? Отдали безропотно, но один человек все-таки высказался: в ночном промысле, мол, все свои и не гоже так поступать.

— Мой отец? — затаив дыхание, спросила девочка.

— Да, он,— вздохнул Рашмаджан.— Я его тогда не знал. Анвар рассвирепел и приказал убить

нахального парня, да тот оказался не из пугливых...

— Ну! — Соня даже привстала в нетерпении.— Что он сделал?

— Убил троих и сумел удрать.

— Здорово! — восхищенно захлопала в ладоши девочка.

— Так-то оно так,— снова вздохнул отец Талгата,— но его узнали. Келемет ведь не с луны прыгнул, а жил в Аграпуре с детства и многим был знаком. Я тоже слышал о нем от брата, с ним твой отец вел какие-то торговые дела.

— И что?

— А то,— покачал головой Рашмаджан.— Анвар пришел в ярость и приказал добыть его хоть из-под земли и прирезать. Наши кинулись в дом Келемета, но его, разумеется, там не оказалось. Но Синие Тюрбаны убили его жену, ее мать, а жилье и лавку подожгли.

— Ничего не понимаю,— нахмурилась Соня.— Ты сказал, что мои родители тогда еще не познакомились...

— Да,— кивнул Рашмаджан.— Но Келемет в юности был женат на другой женщине, а с твоей матерью встретился позже.

Девочка сильно сдвинула брови. Она живо представила себе, как десяток бандитов издеваются над двумя невинными женщинами. В ней всколыхнулась жалость и к ним, и к отцу.

Он ушел на дело, оставив семью, дом, а вернулся на пепелище, к обгорелым трупам. Соня в гневе сжала кулачки.

— Дальше! — требовательно воскликнула она.

— Дальше? — задумчиво повторил собеседник. — Мне пришлось познакомиться с Келеметом... — Он прикрыл глаза, пытаясь справиться с нахлынувшими на него воспоминаниями.

Соня молча ждала, наконец Рашмаджан, заговорил вновь:

— Я уже сказал, что стоял в ту ночь на страже у дома Анвара. Огромного дома, с садом, бассейном, окруженного крепкой стеной. Таких в Аграпуре нашлось бы не много, может, только у наместника пороскошней да у пары вельмож, — медленно продолжал Рашмаджан. — Каждую ночь человек семь-восемь из Синих Тюрбанов охраняли самого главаря и его семью. Надо ли говорить, — гордо продолжал он, — какие умелые ребята мы были. Любой мог справиться с двумя, а то и с тремя воинами. Боялись нас все. В Аграпуре, да и за его стенами, не удалось бы найти человека, который по доброй воле, в твердом разуме, решился бы столкнуться с Синим Тюрбаном. Но один такой сыскался.

Соня вся превратилась в слух. Она впиалась глазами в Рашмаджана, и тому показалось, что эти серо-стальные глаза с неподвижными бездонными зрачками пронизывают его насквозь. Он зябко повел плечами, удивляясь, как может обладать подобным взглядом молоденькая девчонка.

— Я нес службу во внутреннем дворе, у покоев Анвара и его близких. Остальные сторожили в других местах: кто в саду, кто у ворот, один всегда сидел на крыше. Сама понимаешь,

времена были беспокойные — а когда жизнь шла без тревог? — да и обиженных Синими Тюрбанами хватало, в общем, охрана имелась многочисленная и надежная...

Он снова надолго замолчал, собираясь с мыслями.

— Короче говоря, я ничего не услышал: ни шума, ни шороха, но внезапно почувствовал у своего горла холод лезвия. Меня спас подаренный братом шелковый платок, очень яркий: даже в ночном полумраке пурпурная материя переливалась и блестела. Брат купил два таких не то в Иранистане, не то еще где-то в тех краях и один отдал мне. — Рашмаджан весь съежился, будто вновь очутился в ночном карауле, а смертельный холод стали по-прежнему сковывает его движения и разум.

— Я различил тихий, почти неслышный шепот, а в моих ушах он прогудел словно колокол: «Как зовут твоего брата?» — «Ришат», — прохрипел я, уже прощаясь с жизнью. «Я так и подумал, — лезвие чуть ослабило свой нажим, — считай, что тебе повезло. Ришат мой друг, и я пощажу тебя, если только будешь сидеть тихо, как мышь». Ничего не оставалось, я согласился. Человек, держащий клинок, издал короткий смешок, взмахнул рукой, и я провалился в темноту. Потом Келемет рассказал мне, что для верности оглушил меня рукояткой кинжала. Вот этого! — Он кивнул на оружие, которое торчало из ножен Сони. — Отец подарил?

— Кто же еще? — фыркнула Соня. — Не отвлекайся!

— Да, это он,— не обращая внимания на возглас девочки, продолжал Рашмаджан.— Хороший клинок,— причмокнул он губами.— Не тяжел для тебя?

— В самый раз по руке,— усмехнулась Соня.— Продолжай!

— Да, собственно, это все,— ответил Рашмаджан.— Келемет сумел проникнуть в сад, вырезать охрану, а как он расправился с Анваром и его семьей, он мне никогда не говорил. На следующий день жители Аграпура узнали, что какие-то люди ночью убили двенадцать человек в доме Анвара. После этого банды Синих Тюрбанов не стало. Оставшиеся попытались было найти убийц своего главаря, но их быстро постигла та же участь. Только я и Ришат, который спрятал меня в подвале своей лавки, знали, что произошло на самом деле. Келемет не прикончил меня, но велел не показываться в городе. Он уничтожил всех! Подумай,— он назидательно поднял вверх палец,— банду из трех десятков человек! Один! И не какую-то шайку, а Синих Тюрбанов.

На Соню рассказ произвел неизгладимое впечатление. Девочка сидела молча, сосредоточенно, как будто заново переживая события, о которых поведал Рашмаджан.

— А что произошло с твоим братом? — спросила она.— Я никогда не слышала о нем.

— Потом твой отец сколотил свою шайку. Посильнее Синих Тюрбанов. Такие дела проворачивал, что Анвару и присниться не могли! Главное, люди много лет не догадывались, кто таков

на самом деле почтенный купец Келемет. Никто! Но нет ничего вечного — нас раскрыли. Свой же и предал. А брат мой погиб. Уцелели только мы с Келеметом. Чудом удалось сбежать из Аграпура...

— А если вас найдут?

— Не успеют,— ухмыльнулся Рашмаджан.— У Келемета есть верный человек в столице, он многим обязан твоему отцу. В случае чего предупредит.

— Обязан чем?

— Ну, это уже совсем другая история,— пробормотал растерянно сотоварищ Келемета.

— Расскажи,— потребовала девочка.

— Я и так много лишнего понарасказал,— замялся Рашмаджан, но, увидев нахмуренные брови своей собеседницы, понял, что иначе отвертеться от Рыжей не удастся, печально вздохнул и начал:

— Мы торговали шелком с кхитайцами...

— С кхитайцами? — перебила Соня, в ее голосе послышались нотки презрения.

— А что? — недоуменно вымолвил Рашмаджан.— Чем они тебе не угодили? Любое дело не зазорно, особенно если приносит хороший доход. Торговля шла бойко, и мы ждали очередной караван из Хоарезма...

— А почему не морем? — вдруг поинтересовалась девочка.

— Морем, морем... — передразнил ее Рашмаджан, чуть не поперхнувшись от дерзости маленькой негодяйки,— много ты понимаешь. Конечно, переправлять товар на корабле было бы

быстрее и дешевле,— он взглянул на Соню с некоторой долей уважения,— в этом ты права... но существовало в те времена Черное братство — пираты... Товар мог и не дойти. По сути надежнее. Караванщиком и был Маади...— Внезапно лицо рассказчика исказилось гримасой отчаяния.— Я назвал его имя...— прохрипел он, закрыв глаза ладонями.

— Да будет тебе,— фыркнула Соня,— ну проговорился, с кем не бывает... Уже забыла, как его зовут. Не беспокойся, я умею молчать.

— Так вот,— продолжал Рашмаджан,— утром в город прискакал погонщик, весь окровавленный, еле в седле держался. И рассказал, что на наш караван напали аквилонцы, почти всех перебили, а товар забрали. Повезли, наверное, в Замору.

— Аквилонцы? — переспросила Соня и топнула ногой.— Ненавижу этих собак!

— Кто их любит? — отозвался отец Талгата.— Им давно пора как следует пощипать перья! Да, собственно говоря, Келемет тогда им показал... Он разъярился, ведь у него увели товар из-под самого носа. Мы сразу помчались в погоню, времени собирать людей не достало, и нас оказалось всего семеро. Это против полутора десятков рыцарей в броне... и хорошо вооруженных к тому же,— добавил он.

— Как же вы сумели? — Соня вся подалась вперед, не отводя взгляда от рассказчика.

— Мы — гирканцы,— самодовольно усмехнулся Рашмаджан. — Лук и аркан — ничего больше и не требуется. Я, знаешь ли, сам неплохой лучник, но

такое видел впервые в жизни. — У него округлились глаза, как будто отец Талгата заново испытывал охватившее его некогда чувство изумления.— Мы догнали самодовольных болванов к полудню, и Келемет с ходу закричал, чтобы те вернули нам верблюдов и товар. Аквилонцы лишь приостановились и захохотали... Конечно, они же видели, что нас вдвое меньше... Но что потом началось! — Рашмаджан, словно большой толстый кот, зажмурил от удовольствия глаза. — Я только успевал подавать стрелы твоему отцу, а он стрелял с поразительной скоростью в коней аквилонцев. Да так точно, что несчастные животные валились, как порезанные стебли. Никто не успел и глазом моргнуть, а половина рыцарей уже валялась на земле, пытаясь выбраться из-под рухнувших лошадей. Остальные из наших, набросив арканы, стащили с седел неповоротливых вояк. Против нас, гирканцев, не особо повоюешь! — гордо заявил он.— Все произошло так быстро, что эти закованные в железо остолопы не успели даже мечи вытащить из ножен. Мы их добили дубинами, словно куропадок.— И Рашмаджан залился дробным смехом.

— А Маади? — напомнила Соня.

— Ах да...— Ее собеседник утер выступившие от смеха слезы.— Беднягу длинным ремнем привязали к верблюду. Аквилонцы прихватили нашего товарища для потехи, чтобы посмотреть: поспеет ли тот за ходом отряда и сколько протянет без воды и пищи. Еле мы его потом выходили... Сама понимаешь, он на всю жизнь запомнил, как твой отец спас ему жизнь.

— Ненавижу их! — еще раз повторила Соня.— Я бы этих аквилонцев... всех...— Она с силой ударила по столу маленьким кулачком.

— Придет время,— согласно кивнул Рашмаджан,— и гирканцы покажут Золотому льву, кто истинный хозяин всей Хайбории. Еще попляшем на благородных костях!

Соня сидела не шевелясь. Она в свое время не до конца поверила рассказу брата, но теперь все встало на свои места. От услышанного кружилась голова и темнело в глазах. Подумать только, ее отец — грабитель, воин, герой, а она до сих пор так мало знала о нем!

Рашмаджан тоже сидел задумавшись. Казалось, только вчера его колени сжимали бока горячего скакуна, горячий ветер бил в лицо и ладонь ощущала привычную тяжесть сабли. Степь, бьющая через край сила, молодость... Лицо Рашмаджана разгладилось, и он почти с нежностью посмотрел на разбуженную в нем воспоминания рыжую девчонку.

— За то, что сделал для меня твой отец,— торжественно сказал он,— ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь! Любую... Только,— его лицо опять приняло умоляющее выражение,— прошу, не выдавай меня Келемету!

— Я обещала,— повела плечом девочка,— что никому не скажу, значит, так и будет!

Соня повернулась к двери и пошла к выходу, не оборачиваясь на притихшего Рашмаджана. «Каким человеком был мой отец! — восхищенно и гордо повторяла она про себя.— Я сделаю все, чтобы походить на него!»

Глава четвертая

Дни катились один за другим, как обычно, но после разговора с Рашмаджаном девочку не покидало смутное и тревожное желание совершить что-либо достойное дочери такого великого человека, ее отца. Соню томили неясная тоска, нетерпеливое желание действий и жажда приключений.

По ночам она лежала без сна, раздражаясь царящим вокруг покоем и легким посапыванием спящей рядом старшей сестры. Придумывала сотни способов расправы со своими врагами.

Правда, пока особых противников у нее не было. Удод, казалось, совсем забыл о том, как Соня опозорила его. Красочный рассказ Талгата о Сонином кинжале в горле дозорного, убедил главаря: девчонка не промахнется если почувствует опасность.

Конечно — и Соня это прекрасно сознавала,— коварный и мстительный Удод просто выжидает удобный случай, чтобы рассчитаться с ней за

свое унижение. Но пока он вел себя с нею ровно, даже выделял среди других своих подельников.

Они провернули несколько успешных дел, все члены шайки, в том числе и обитатели Ослиной пустоши, ходили сытые и довольные. А Соня просто не знала, куда девать принадлежащую ей долю добычи — не нести же матери, на хозяйство!

Однажды девочка представила: вот она передает свое богатство Сиэри, попутно объяснив, откуда деньги... Соня долго не могла справиться с душившим ее хохотом. Она поделилась выдумкой с братом, и Хункар тоже долго смеялся, повизгивая от удовольствия и похлопывая себя по коленкам.

У него, как и у остальных, подобных забот не существовало: лист желтого лотоса, вино, портовые девки через короткое время не оставляли ни медяка в карманах. Тогда все впадали в некоторое уныние, за исключением Талгата. Безденежье товарищей приносило «бережливому» сынку достойного родителя хорошую прибыль.

— Смотрю, ты не в духе? — Соня вошла в подвал и наткнулась на Косого, сидящего у самого входа и меланхолично двигающего челюстями.

— Да нет, ничего, — неопределенно ответил мальчишка. Действительно, сейчас Талгат был в мрачноватом настроении: его услуг не потребовалось — мальчишки жевали листья, купленные

у других, не забывая одаривать приятеля насмешливым взглядом.

— Не грусти, — похлопала его по плечу Соня, поняв причину его подавленного состояния. — Сам знаешь этих недоумков, скоро опять придут к тебе. Расскажи лучше, что новенького?

— Тебе главный велел что-то передать, — вздохнув, ответил Талгат, — спроси у Клыка, он знает.

Девочка оглядела собравшихся в подземелье ребят. Все давно приняли ее как свою и относились к ней с должным уважением. В отсутствие Сони, конечно, обсуждались ее ноги, бедра, грудь, но и только. Руки распускать никто бы не посмел, все прекрасно помнили, что случилось при подобной попытке с их главарем. Сейчас подростки дружно жевали листья и находились в самом что ни на есть прекрасном расположении духа.

— Что передал мне Удод? — спросила Соня, подойдя к Волчьему Клыку. Тот ухмыльнулся и нехотя процедил:

— Он сказал: ты вряд ли с этим справишься. Можешь отказаться, он простит...

— Совсем отупел? — Соню задела такая снисходительность. — Говори, что велено!

— Надо разведать, что происходит в подвале у Обезьяны.

Прозвище это было дано жителями Султанопура одному из городских сборщиков налогов, за его неповторимое сходство с уродливым животным.

— Собираемся его навестить? — небрежно спросила она.

— Не знаю,— с рассеянным выражением лица произнес Волчий Клык.— Удод решит, стоит ли. Никому, кроме тебя, идти к Обезьяне не следует — там всех нас знают. Сразу засуетятся.

— Знаешь, как пробраться в подвал? — спросила Соня.

— Удод сказал, лезть туда вовсе не обязательно. Просто проберись в сад и загляни в окно, оно около большой чинары. В общем, на месте сообразишь. Собак у Обезьяны нет. Потом придешь и расскажешь мне, что выяснила. Вот и все.

— Всего-то? — удивилась девочка.

— Всего-то,— в тон ей ответил Клык, и девочке показалось, что в его голосе она уловила усмешку.

— И когда?

— Сейчас.

«Нет ли здесь подвоха?» — подумала Соня, но отказаться не позволила гордость. Она вышла из подземелья и направилась к дому Обезьяны.

«Надо быть поосторожней, этот подонок Удод запросто может подстроить мне пакость,— размышляла она.— Но какую?» Рыжую не особенно беспокоило то, что прислужники Обезьяны могут поймать ее в хозяйском саду. Во-первых, пусть попробуют, если заметят, конечно; а во-вторых, всегда можно прикинуться заблудившейся дочерью уважаемых родителей. Слуги не посмеют грубо вести себя с прилично одетой девочкой.

«Нет, послать меня в ловушку Удод не посмеет,— решила она.— Или главарь сам собирается подстеречь глупую девчонку... Один? Вряд ли. Побойтся. Отправится наверняка с кем-нибудь еще. С кем, интересно?»

Она стала перебирать в уме мальчишек, которых заметила сегодня в подzemелье. Дважды себя перепроверив, удовлетворенно кивнула: были все, кроме Удода и ее брата. «Да, но братец ему тут не помощник... Или опять нанял ублюдков? — задала она себе вопрос.— Нет! Тут что-то другое...»

Размышляя таким образом, она сама не заметила, как очутилась почти у самой цели. Стоит перейти через площадь и за каменным забором начнется усадьба Обезьяны. Соня свернула в переулок, по которому собиралась поехать к саду с тыльной стороны — не идти же ей через ворота! Неторопливо прошла пыльной тропинкой вдоль высокой изгороди и, найдя в стене выемку, уперлась в шерба-тый камень носком ноги. Подтянулась, и через мгновение ее голова уже высывалась над кромкой ограды.

Вечерело, и стало довольно темно, но что происходит за забором, разглядеть удалось. Девочка несколько раз пробежала глазами уголки сада, доступные ее взгляду, и, не обнаружив ничего подозрительного, решительно перемахнула внутрь. Оглянулась и заметила место, где казалось удобнее всего преодолеть каменную преграду в случае нужды.

Осторожно ступая по усыпанной прошлогодней листвою земле, направилась к дому. Сад Обезьяны толком и нельзя было назвать садом: так, несколько шелковиц да ореховых деревьев, старых, огромных, разросшихся до такой степени, что их ветки закрывали чуть ли не половину крыши.

Дом выходил в сад глухой стеной, и только у самой земли виднелось небольшое окно. За ним горел свет, и тень от переплета лежала на песчаной дорожке, насыпанной вдоль фундамента. «Вот то, что мне нужно, да и песок кстати, неслышно будет, как подойду...»

Соня на всякий случай еще раз оглянулась по сторонам и настороженно прислушалась. В соседнем дворе, за высоким деревянным забором, кто-то дразнил собаку, и она то хрипло лаяла, то переходила на жалобное повизгивание. Больше никакие звуки тишину не нарушали. Девочка медленно, стараясь ступать бесшумно, подошла к окну и заглянула внутрь.

Ничего примечательного она там не увидела. Обычное помещение, похожее на их собственный подвал, где свалены в кучу всякая рухлядь и старые вещи — вдруг пригодятся рачительному хозяину. Здесь повсюду стояли большие корзины, а в углу лежали набитые чем-то мешки. Еще в углу расположилась женщина, на вид лет двадцати, в длинной синей юбке, светлой просторной блузе с глубоким вырезом, открывавшим крепкую белую шею и ложбинку на груди.

Она ничего не делала, а присев на большой сундук, очевидно, прислушивалась к чему-то происходящему за стенами. Толстые зеленоватые стекла, вставленные в потрескавшийся запыленный переплет, не пропускали звуков. «Ну и что я расскажу Удоду? — с недоумением пожала плечами Соня. — Самый обыкновенный подвал... Подожду немного...» Она устроилась так, чтобы ее не заметили изнутри, и стала ждать.

Ожидание не затянулось. Внизу открылась дверь, и вошел сам хозяин дома. Он был пожилым человеком, с узким голым черепом, квадратным подбородком с огромным, словно растянутым в стороны, ртом. Из-под закатанных рукавов белой рубахи торчали покрытые густыми волосами длинные руки, действительно похожие на лапы обезьяны. А лицо его с выдвинутой вперед нижней челюстью и толстыми широкими губами усиливало сходство с этим животным.

Он сказал несколько слов женщине, и та расплылась в довольной улыбке. Она встала со своего сундука и подошла к нему. Обезьяна снова открыл рот и, беззвучно для Сони, произнес что-то. Обхватил женщину своими лапами и притянул к себе. Молодка откинулась назад, засмеялась, довольно жмуря глаза. Хозяин дома припал к ее открытой шее, впился в нее поцелуем. Женщина выгнулась еще больше, и некоторое время они оставались в такой позе.

Соня смотрела на парочку и недоумевала: зачем ее послали сюда? Наблюдать, как этот ста-

рик своим слюнявым ртом целует служанку? Обладатель нелестного прозвища меж тем не остановился на достигнутом, его волосатая рука полезла в глубокий вырез и принялась шарить там. Он оторвался от шеи женщины, и на мгновение Соня увидела его лицо, на котором расплылась похотливая улыбка. А прислужница зашлась громким визгливым смехом, отзвуки которого даже сквозь толстое стекло долетели до ушей девочки.

«Какая мерзость! — подумала Рыжая. — Зачем же послал меня сюда главарь?» То, что произошло дальше, показалось ей еще отвратительней. Старик, высвободив вторую руку, с обезьяньей ловкостью стянул с женщины рубаху, та помогала ему, подняв руки вверх и смеясь, словно ее щекотали. Скрюченные пальцы мужчины сжали груди служанки и принялись мять их, как пекарь мнет куски теста. Движений обольстительницы Соня не видела, поскольку Обезьяна повернулся к ней спиной, заслонив собой женщину.

«Гадость! — передернула плечами девочка. — И Удод хотел, чтобы подобное проделали со мной стражники...» Гнев и отвращение душили Рыжую. А двое за окном переступали ногами, словно кони, медленно кружили среди хлама, и перед глазами Сони мелькала то голая спина женщины, то профиль старика, высунувшего от избытка удовольствия влажный язык.

Он подхватил подол широкой юбки служанки, и та уже стояла перед ним почти обнажен-

ной. Обезьяна, отступив на шаг в сторону и чуть ли не пуская от вождения слюни, рассматривал ее тело. Широкие бедра, тяжелая грудь делали служанку более толстой, чем она казалась в одежде. Старик в этот момент отвернулся, но Соня готова была поклясться, что тот снова раскрыл свой широкий, как у лягушки, рот.

«Пакость, пакость», — шептала она, но все же не могла заставить себя оторваться от действия, что разворачивалось внизу, будто какая-то сила удерживала ее на месте. Женщина, дав партнеру время, чтобы тот вдоволь насмотрелся на нее, отошла к сваленным в углу тюкам и легла ничком, выставив в сторону Сони свой пухлый широкий зад. Старик, торопливо расстегивая пояс штанов, направился к ней.

То, что дальше предстало перед девочкой, напомнило ей случку собак, причем визг и крики находившихся в подвале долетали до нее, почти не отличаясь от визга спаривающихся животных. Сердце Сони учащенно забилось, а лицо запылало, словно кто-то застал ее за похожим занятием. Не в силах больше выносить подобное зрелище, Рыжая метнулась к забору, вскарабкалась на него и спрыгнула вниз, в переулок.

И остолбенела от раздавшегося отовсюду громового хохота. Оказалось, вся шайка, собралась у изгороди и терпеливо ждала ее появления.

Соня мгновенно догадалась: мальчишки просто подшутили над ней, отправив наблюдать за

рик своим слюнявым ртом целует служанку? Обладатель нелестного прозвища меж тем не остановился на достигнутом, его волосатая рука полезла в глубокий вырез и принялась шарить там. Он оторвался от шеи женщины, и на мгновение Соня увидела его лицо, на котором расплылась похотливая улыбка. А прислужница зашлась громким визгливым смехом, отзвуки которого даже сквозь толстое стекло долетели до ушей девочки.

«Какая мерзость! — подумала Рыжая. — Зачем же послал меня сюда главарь?» То, что произошло дальше, показалось ей еще отвратительней. Старик, высвободив вторую руку, с обезьяньей ловкостью стянул с женщины рубашу, та помогала ему, поднимая руки вверх и смеясь, словно ее щекотали. Скрюченные пальцы мужчины сжали груди служанки и принялись мять их, как пекарь мнет куски теста. Движений обольстительницы Соня не видела, поскольку Обезьяна повернулся к ней спиной, заслонив собой женщину.

«Гадость! — передернула плечами девочка. — И Удод хотел, чтобы подобное проделали со мной стражники...» Гнев и отвращение душили Рыжую. А двое за окном переступали ногами, словно кони, медленно кружили среди хлама, и перед глазами Сони мелькала то голая спина женщины, то профиль старика, высунувшего от избытка удовольствия влажный язык.

Он подхватил подол широкой юбки служанки, и та уже стояла перед ним почти обнажен-

ной. Обезьяна, отступив на шаг в сторону и чуть ли не пуская от вожеления слюни, рассматривал ее тело. Широкие бедра, тяжелая грудь делали служанку более толстой, чем она казалась в одежде. Старик в этот момент отвернулся, но Соня готова была поклясться, что тот снова раскрыл свой широкий, как у лягушки, рот.

«Пакость, пакость», — шептала она, но все же не могла заставить себя оторваться от действия, что разворачивалось внизу, будто какая-то сила удерживала ее на месте. Женщина, дав партнеру время, чтобы тот вдоволь насмотрелся на нее, отошла к сваленным в углу тюкам и легла ничком, выставив в сторону Сони свой пухлый широкий зад. Старик, торопливо расстегивая пояс штанов, направился к ней.

То, что дальше предстало перед девочкой, напомнило ей случку собак, причем визг и крики находившихся в подвале долетали до нее, почти не отличаясь от визга спаривающихся животных. Сердце Сони учащенно забилось, а лицо запыхало, словно кто-то застал ее за похожим занятием. Не в силах больше выносить подобное зрелище, Рыжая метнулась к забору, вскарабкалась на него и прыгнула вниз, в переулок.

И остолбенела от раздавшегося отовсюду громового хохота. Оказалось, вся шайка, собралась у изгороди и терпеливо ждала ее появления.

Соня мгновенно догадалась: мальчишки просто подшутили над ней, отправив наблюдать за

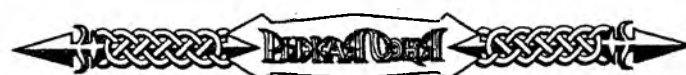
любовными играми мерзкого старикашки. Рыжая не страдала излишней чувствительностью, но сейчас помимо ее воли на глаза навернулись слезы.

— Тупицы! Ублюдки! — набросилась она на товарищей, чуть не плача.

Подростки заржали еще пуще прежнего.

— Нажевались, как ослы своего листа, недомерки!

Соня помчалась прочь, а вдогонку ей по-прежнему неслись взрывы хохота.

Глава пятая

Благодари своего косого приятеля.— Хункар говорил медленно и степенно, подчеркивая этим, свою значимость.— Он уговорил Удада взять и тебя...

— Куда? — оживилась Соня.

Последние несколько дней она не появлялась на сборища, и от скуки не знала куда себя деть.

— Дело стоящее?

— Угу,— важно кивнул брат,— вечером пойдем в море.

Слушая его, можно было решить: он на большом корабле собирается плыть куда-нибудь на остров Лавас или в Аграпур по крайней мере. Но речь шла о лишь том, чтобы на лодке подойти к одному из торговых судов и взять товар.

— Что за груз? — спросила Соня, хотя и без того легко догадывалась: скорее всего, это будет очередной мешок листа желтого лотоса.

— Точно,— вновь ухмыльнулся Хункар, словно прочитав ее мысли,— лотос. Самый лучший товар, легкий, расходуется хорошо, да и недеше-

вый. Так что,— он радостно заулыбался,— опять будем с деньгами.

— С деньгами! — рассмеялась Соня.— Ты бы поменьше пил вина и не тратился на эту отраву, тогда бы деньги у тебя не переводились! Подожди!

Она поднялась с лавки и вышла из комнаты. Хункар услышал, как сестра легко бежит по лестнице наверх, а через некоторое время звук ее стремительных шагов, вернее, прыжков по скрипучим ступенькам, подсказал ему, что девочка возвращается.

— Смотри! — Влетев в комнату, она развязала кожаный мешочек и высыпала на стол груды монет: серебряных, медных, даже один золотой ярко блеснул желтизной среди не столь благородного металла.

— Ничего себе! — ахнул Хункар.— Откуда у тебя столько?

— Догадайся! — усмехнулась Соня.— Сколько времени прошло с тех пор, как ты меня привел в шайку?

— Не помню,— почесал затылок брат,— может, две луны, может, три...

— Мы получали одинаково,— показывая на горку монет, сказала девочка,— но у меня все цело, а у тебя пары медяков не найдется!

— Да, даже кошель, что отец подарил, заложил Талгату — с сожалением подтвердил Хункар, но, похоже нащупав что-то в кармане, расплылся в довольной улыбке.— Есть! Серебряная... нет, медная,— вздохнул он, рассматри-

вая монету. Его лицо помрачнело еще больше, когда он перевел взгляд на груды денег, лежавшую на столе.

— Ты совсем как наш братец,— осуждающе заметил он,— Эйдан сам не свой становится, когда в руки деньги попадают. Купчишка занудливый — хмыкнул он.— То-то я заметил, ты с Косым в сотоварищах. Понятно: два ростовщика...

— Сам ты ростовщик! — вспыхнула Соня.— Это мои деньги, доля из нашей добычи. А показала, чтоб ты понял, сколько тратишь на разное дерьмо вроде листа этого проклятого лотоса!

— Никогда не задумывался об этом,— честно признался Хункар, растерянно глядя на монеты.— Конечно, дом на это не купишь, но...

— Правильно! — насмешливо глянула девочка, сгребая монеты обратно в мешочек.— Еще не все мозги прожевал, соображаешь!

— Ты свои сокровища хранишь в спальне? — стараясь говорить как можно небрежнее поинтересовался Хункар.

— Сейчас, расскажу! — усмехнулась сестра.— Лежат, где лежат! Когда отправляемся? — перевела она разговор на другую тему.

— Удод сказал, что корабль подойдет на закате, так что после обеда сразу и двинемся.

— Сколько нас будет?

— Трое: ты, я и твой любимый Косой,— хохотнул брат.— Небось соскучилась по нему? Дня три уж не встречались? — засмеялся он, видя, как глаза сестры начинают темнеть от гнева.

— Угомонись, глупец! — Соня, схватив свой мешочек, со всего размаху огрела брата по спине.

Раздался звон металла и жалобный вопль Хункара:

— Ой, больно! Прекрати! Это же железо! — причитал он, уворачиваясь от ударов Рыжей. — Хватит! Я пошутил!

— Язык у тебя поганый, как ишачий хвост! — оставила за собой последнее слово Соня и хлопнула дверью, выбегая из комнаты.

Но через мгновение приоткрыла створку, просунула голову в щель:

— Да и не железо в мешке, а серебро! — Девочка показала брату язык, и звук ее шагов, затихая, понесся куда-то вверх.

* * *

Они шли по старому деревянному настилу вдоль морского берега. Хункар и Талгат несли на плечах весла и шест с намотанным на него парусом, а Соня шла налегке, держа в правой руке кошель с деньгами, который вручил ей Удод.

— Проверь, а то подсунут какое-нибудь дерьмо, — наставлял Удод Хункара. — Хотя Сурету можно доверять, но...

Он недоговаривал, покачивая головой. Каждый и так понимал — доверять в эти времена стоит только самому себе, да и то не всегда. Теперь троица двигалась по пристани, выбирая подходящее суденышко. Лодок оказалось немного, все они были надежно привязаны цепями к сваям

и слаженно покачивались на мелких волнах, набегавших на причал и с шорохом облизывающих покрытые плесенью, почерневшие от воды и ветров доски.

Порт, как и все в этом городе, хранил на себе разрушительные следы времени и запустения. Давно уж никто не следил за покосившимся настилом, и местами дерево прогнило настолько, что при неосторожном шаге можно было запросто провалиться вниз, под причал.

Чуть ближе к порту была другая пристань, где стояли суденышки рыбаков, каждый день выходивших на них в море, там все содержалось в большем порядке, но зато здесь не было лишних глаз и никто не стал бы интересоваться, зачем да на чьей лодке собираются отчалить трое человек.

— Какую возьмем? — Талгат вопросительно взглянул на Хункара. Тот окинул внимательным взглядом десяток старых посуды, высматривая, какая покрепче, но никак не мог выбрать.

— Может, все-таки пойдём на большую пристань? — неуверенно спросил он Талгата, но тот уже брэнчал отмычками, примериваясь к замкам на ржавых цепях.

— Конечно, — усмехнулся Косой, — и за нами сразу увяжутся какие-нибудь ублюдки.

— Да все давно разошлись по домам...

Хункар обернулся назад и, прикрыв ладонью глаза от солнца, посмотрел вдаль, туда, где за выдававшимся в море небольшим мысом виднелись белые паруса и вершины мачт кораблей.

— Кто их знает,— покачал головой его приятель,— хорошо, если так. А вдруг морская стража захочет, на нашу беду, выйти в море? Давай не будем рисковать. Да и вашу лодку брать не стоит: найдутся желающие сообщить Келемету.

— Верно,— согласился Хункар.

На большом причале у отца имелась хорошая, почти новая лодка с парусом, но народу там действительно было слишком много, и, поразмыслив, парень решил не спорить с Косым.

— Давай вот эту.— Наконец Хункар остановил свой выбор на одной из лодок, показавшейся ему сравнительно крепкой.

Соня не вмешивалась в беседу брата и Косого Талгата, полагая, что им лучше знать, какое суденышко получше. Она не раз ходила в море вместе с отцом и братьями, умела поставить парус и поймать попутный ветер, это занятие нравилось ей, как, впрочем, и все остальные, требующие быстроты реакции и ловкости тела: будь то фехтование на мечах, стрельба из лука, метание кинжала. Чего Рыжая не выносила, так это неподвижности и безделья. А сейчас, предвкушая выход в море, улыбаясь, шурилась на поверхность воды, блестящую яркими бликами отраженных лучей солнца.

Погода была отличной, небо ясным и голубым, только далеко на горизонте чернела темная полоска туч, но ветер дул с берега, и она постепенно таяла, уходя все дальше и дальше.

— Готов? — Хункар наклонился с причала, поглядывая, как Талгат с сопением возится с замком величиной с баранью голову.

— Сейчас,— отозвался Косой, безуспешно пытаясь прокрутить длинную отмычку.— Тупицы! — Он поднял на Хункара покрасневшее от натуги лицо.— Зачем им такой ржавый замок, его никакой ключ не возьмет. Чья это лодка, как ты думаешь?

— Не нашего ли знакомца? — хохотнул Хункар, осторожно кивая головой в сторону Сони.

Талгат недоуменно взглянул на приятеля, а потом тоже захихикал, стараясь, чтобы смешок не достиг ушей девочки, стоящей поодаль.

— Угадал, Обезьяна ее владелец.— Он согнулся в три погибели, заходясь от смеха.— У него на ней надпись имелась,— парень, осторожно переступая по днищу лодки, прошел к корме,— не могу вспомнить, то ли «Звезда», то ли «Сияние»,— он перегнулся через борт, пытаясь прочесть полустертые временем буквы.

Хункар оглянулся в сторону Сони, но та не прислушивалась к разговору, наслаждаясь видом бескрайней водяной глади, ослепительно сверкавшей на солнце.

— Точно! — послышался голос Косого.— «Блеск»! Это его лодка. Надо же, название какое дал этой рухляди старый таракан!

— Он не родился старым, да и лодка когда-то была новой,— возразил Хункар, снова хихикнув.— Кстати, судя по всему, он и сейчас в кое-каких делах очень прыток...— Он, не сдержав-

шись, захохотал громче.— Как ты думаешь, что она видела?

— Откуда я знаю? — Талгат поднял палец вверх, видимо что-то прикидывая.— Смотри с кем резвился старый плут,— добавил он.— Если с двоюродной сестрой Удода, то тогда ничего особенного, а вот если с толстушкой, прислужницей своей, то-о...— Он вкусно причмокнул губами и закатил глаза.

Мальчишки дружно заржали.

— Что вас так развеселило? — Соня подошла поближе.

— Пустяки, — поперхнулся Хункар.— Одну смешную историю вспомнили.

— Понятно.— Соня с подозрением взглянула на брата. Парень втянул голову в плечи и смотрел на сестру, ожидая взрыва ярости. Однако та молча смерила его взглядом и спросила:

— Готовы?

— Да, да, сейчас,— заторопился Талгат, и, словно услышав его молитвы, замок поддался. Раздался легкий скрежет, цепь соскользнула. Без долгих размышлений брат с сестрой спрыгнули к Талгату, и Хункар оттолкнулся веслом от причала.

— Давай на веслах отойдем подальше от берега,— предложил Косой,— а за тем островком поднимем парус. Где эти ублюдки будут нас ждать?

— У Длинных островов,— буркнул Хункар, с усилием налегая на весла.

Длинные острова лежали неподалеку от гавани Майрана. Собственно, они даже и не были

островами, эти три длинные скалистые гряды, чуть выступающие над водой. Иногда, когда дул сильный восточный ветер, их заливало, и немало кораблей проломило днища о предательские камни.

Находились желающие, понырять в тех местах. Им удавалось обнаружить на дне много всякой всячины, которую еще не успело занести песком. Попадались и старинные монеты, и доспехи, и бочонки с вином — для хорошего ныряльщика настоящая сокровищница. Раз Талгату повезло — отыскал там толстую золотую цепочку и удачно продал ее местному ювелиру.

Как он усмотрел безделушку, оставалось загадкой даже для него самого. Несомненно, боги решили поощрить таким образом если не его стремление к обогащению, то завидное упорство в достижении этой цели. Так думали все знакомые парня.

Слабый ветерок с берега немного помогал гребцам, и лодка шла быстро; мелодично журчала вода, рассекаемая острым носом. Соня, устроившись на корме, посматривала вперед: не покажутся ли паруса нужного им корабля, но пока горизонт был пуст.

Как и договорились, отойдя за небольшой островок, подняли парус, и дела пошли еще веселее. Теперь Хункар и Талгат оказались свободны и, усевшись на скамейку около мачты, тихо перешептывались. Соня, взяв весло, держала курс на Длинные острова, ориентируясь по прибрежным холмам.

— Корабль! — вдруг воскликнул Талгат. — Вижу!

Все посмотрели в ту сторону, куда указывал его грязный палец. В самом деле, почти наперерез им шел небольшой двухмачтовый корабль.

— Они, наверное, прибыли заранее и отсиделись в Извилистой бухте, — предположил Косой. — Соня, дай чуть левее.

— Без тебя знаю! — Девочка круче поставила весло, и их лодчонка немного изменила направление.

На корабле их заметили и стали убирать паруса. Судно легло в дрейф у самой гряды камней. Расстояние быстро сокращалось, и скоро лодка подошла почти вплотную к небольшому паруснику с пышным названием «Утренняя звезда». Десяток матросов расположились у борта и следили за тем, как приближалась старая посудина с ребятами.

— Эй, на палубе! — крикнул Хункар. — Давай капитана!

— Сейчас, — отозвалось несколько голосов, и один из моряков, отлепившись от борта, скрылся в надстройке.

Вид у этих покорителей морей был весьма живописный. Они, по всей видимости, находились в море очень давно, а их суденышко не раз трепали бури. Все дочерна загорелые, полуголые — настоящие оборванцы, весьма смахивающие на майранских нищих, что гнусавыми голосами выпрашивают подаяние на базарной площади.

Увидев в лодке девочку, они сначала притихли от неожиданности, а потом их глаза зажались алчным блеском.

— Эй, на лодке! — крикнул один из них. — А девуку-то зачем с собой прихватили? Не иначе нам побаловаться, а?

Соня передернула плечами и отвернулась.

— Да ты не прячься, красотка! — приплясывая от нетерпения заорал второй. — Хочешь заработать пару монет, поднимайся к нам! Жалеть не будешь! Мы ребята щедрые!

По всей видимости, последний раз судно было в порту несколько лун назад, и матросы смертельно истосковались по женщинам. Они так и пожирали Сонину фигурку глазами.

— Девчонка-то красавица! — Мужчина перегнулся вниз почти по пояс, рассматривая Соню. — А за пазухой у девки полным-полно! — радостно сообщил он товарищам.

Все дружно загоготали, подталкивая друг друга локтями. Нагнувшийся матрос, усердно оглядывая Соню, едва не свалился за борт, но остальные успели подхватить его, и тот, поболтав в воздухе ногами, все-таки опустился на палубу, а не полетел вниз головой в воду.

— Что происходит? — На палубу вышел человек в цветастом шарфе на шее, примерно таком, как описывал Рашмаджан, говоря о куске материи, спасшей ему жизнь.

— Да вот, девчонку привезли! — скаля в улыбке рот, сказал один из подчиненных.

— Действительно, недурна,— пожевал губами капитан,— только нечего рот разевать: такие девочки — для приличных людей, а не для такой швали, как вы. Верно, малышка? — обратился он к Соне.

— Отстань...— нахмутив брови, отозвалась та без всякого почтения.— Займись лучше делом.

— Ты что, не видишь, с кем говоришь? — обиделся не ожидавший такого обращения капитан.

— Почему же? — усмехнулась Соня.— Таких, как вы, я уже навидалась. Если есть желающие отправиться кормить рыб, могу помочь!

На палубе удивленно засвистели.

— Вас прислал Удод? — обратился капитан к Хункару, не желая более иметь дела с дерзкой и, по его мнению, абсолютно не понимающей своего счастья девчонкой.

— Да,— кивнул брат Сони, который все это время сидел молча.

«Сидят, как пни! — зло подумала девочка, оглянувшись на брата и Талгата.— Хоть бы словечко сказали в мою защиту! Привыкли, что я сама со всем справляюсь...»

— Деньги привез? — хмуро спросил капитан.

— Я же не покататься на лодочке выехал,— усмехнулся парень.

— Тогда поднимайся. Бросьте ему трап,— кивнул капитан матросам.

Те повиновались приказу, и на дно лодки шлепнулся конец веревочной лестницы. Хункар, ловко забравшись наверх, скрылся с капитаном внутри надстройки. Слегка присмирившие было матросы вновь принялись отпускать

соленые шуточки. Особенно старался один из них, худой, заросший черной бородой мужчина, по виду происходивший из козаков, живших по ту сторону моря Вилайет.

— Поднимись к нам, и я тебе кое-что дам.— Он порылся в кармане грязных коротких штанов и вытащил какой-то блестящий предмет.— Смотри-ка, проказница! Такого браслета здесь ты не найдешь! И всего-то за один разочек. Еще благодарить потом меня будешь!

Весельчаки на палубе вновь дружно захохотали. Соня оглянулась на Талгата — тот сидел, отвернувшись от корабля, и, свесив руку, лениво плескал в воде ладонью.

«Ну, подожди ты у меня!» — рассвирепела Соня.

— Ну ты даешь, Муншаб! — подтрунивали над чернобородым его приятели.— Да за такое дерьмо с тобой не то что эта красotka, а и овца не пойдет! Ха-ха-ха!

— А это мы сейчас посмотрим! — вскипел матрос.— Я вам покажу, как объезжают таких непокорных кобыленок! Последний раз тебе спрашиваю,— свесив голову вниз, с угрозой закричал он Соне,— пойдешь по-хорошему?

— Сено к лошади не ходит,— подняв голову вверх, невозмутимо отозвалась вдруг девочка.— Если уж тебе так приспичило, спускайся сюда, тогда и поговорим.

На палубе на мгновение воцарилось гробовое молчание, потом чернобородый, оглянувшись на товарищей и довольно хохотнув, пере-

валился через борт и стал спускаться по веревочной лесенке в лодку. Соня краем глаза заметила, что Талгат повернулся к ней, и в его глазах мелькнул огонек тревоги.

Матрос, уже почти добравшийся до лодки, внезапно остановился: он почувствовал, как что-то острое и холодное уперлось ему прямо в поясницу. Кинжал!.. Соня надавила чуть сильнее:

— Что же ты встал? — медоточивым голосом произнесла она. — Неужели расхотелось? Или забыл что-нибудь наверху?

Матрос, вцепившись в перекладины лестницы, не мог заставить себя даже пошевелиться. Острая сталь уже впилась ему в спину, и он чувствовал, как из разреза на коже начинает сочиться кровь.

— Ты чего? — только и смог прохрипеть он. — Шутки не понимаешь, что ли, совсем дикая?

— Я тоже, знаешь ли, обожаю пошутить, — со злостью сказала Соня. — Этим кинжалом таких, как ты, порезано человек двадцать! Исключительно ради шутки!

Она надавила сильнее.

— Давай живо наверх! — потребовала она. — Если поторопишься, останешься в живых. Может быть...

— Сумашедшая! — прохрипел матрос, сваливаясь на палубу под громоподобный хохот приятелей.

— А ты что вылупился? — набросилась Соня на Талгата, который с открытым ртом смотрел

на происходящее. — Мог бы и защитить меня, осел безмозглый!

— Да я... — смущенно протянул Косой. — Понимаешь...

— Сиди уж! — Соня презрительно махнула на него рукой. — Все вы только зубоскалить и можете...

От позора Косого спасло только появление Хункара.

— Лови! — Перегнувшись через борт, тот бросил в лодку объемистый мешок.

— Ух ты, сколько! — радостно завопил Талгат, легко принимая мешок на руки. Он бережно уложил его, чтобы не замочить: суденышко было старым, и, пока они шли к длинным островам, успело набрать воды. Хункар распрощался с капитаном и быстро спустился вниз.

— Давайте-ка быстрее! — бросил он Талгату и Соне. — Отсюда не видать, но там идет большая туча. Похоже, движется прямо на нас. Как бы в бурю не угодить... Ставь парус! — кивнул он Косому и оттолкнулся веслом от борта корабля.

Он сделал несколько сильных гребков. Огромная черная туча словно выползала из-за удаляющегося судна, и, когда они отошли дальше, стало видно, что тьма затмила почти весь горизонт.

Талгат расторопно поставил парус, и в то же мгновение налетел первый порыв ветра. Он был таким сильным, что даже корабль, до

которого было уже больше ста шагов, резко накренился под его напором. Матросы на палубе забегали как ошпаренные, подчиняясь приказам капитана.

— Держи вон к тому мысу! — прокричал Хункар, уворачиваясь от брызг. — Там укроемся, пока буря не спадет!

Глава шестая

Лодка, подгоняемая порывами ветра, мчалась вперед. Небо быстро темнело, и Соня, обернувшись назад, уже не могла различить силуэт корабля, от которого они отошли только что: все потонуло в сплошном сером мареве. Еще мгновение, и хлынул дождь. Поднялось сильное волнение, и лодку качало вперед-назад, как ореховую скорлупку.

— Уйди с кормы! — Соня скорее поняла по жесту, чем расслышала слова брата.

Рев ветра и плеск разбушевавшихся волн заглушали его голос. Девочка кивнула и, хватаясь руками за борта, перебралась на середину лодки, туда, где Талгат, отворачивая от дождя лицо, пытался направить парус так, чтобы ветер гнал лодку к берегу. Соня схватилась рядом с ним за перекладину паруса, но и вдвоем им было не удержать его.

Ткань намокла, она то висла бесформенным комком около мачты, то, расправляясь под натиском ветра, хлопала со страшной силой и вновь захлестывалась о деревянный шест. Наконец

рывок ветра оказался настолько резким, что раздался треск, мачта переломилась и подхваченная вихрем вместе с обрывками паруса исчезла в волнах. Лодка стала совершенно неуправляемой: ее швыряло в разные стороны.

— Мешок! Держите мешок! — заорал Хункар.

Соня посмотрела под ноги и увидела, что тук с драгоценным грузом намок. Тогда она, держась одной рукой за борт лодки, чтобы не вывалиться в пенящееся море, ногой запихнула его поглубже под сиденье. «Высушим потом, — подумала она. — Главное — не потерять!»

Налетевший шквал сорвал лодку с волны, она на мгновение повисла в воздухе, а затем тяжело шлепнулась прямо на гребень поднявшегося морского вала и сильно черпнула бортом воды.

— Где черпак? — истошным голосом завопил Талгат, ныряя под скамью. Он долго шарил там, но когда голова его вновь показалась наружу, на лице парня было написано отчаяние.

— Нет черпака! — закричал он и начал горстями вычерпывать воду.

Соня попыталась помочь ему, но где там! Каждый новый порыв ветра приносил с собой столько воды, что не справилось бы и десять человек. Хункар, бросив бесполезное весло, тоже присоединился к ним, но тщетно: вода неумолимо прибывала. Наверное, старая посуда от сильных ударов волн дала трещину.

— Тонем! — в панике вопил Талгат.

Его взгляд метался по сторонам, на искаженном страхом лице читалось только одно жела-

ние — уцелеть. Он наклонился вперед, стараясь найти взглядом берег, но в пелене дождя и разошедшихся от ветра высоких волн, невозможно было ничего разобрать.

— Смотри! — вдруг заорал Косой, и щеки его от ужаса приобрели землистый оттенок.

Соня с Хункаром одновременно повернулись в ту сторону, куда указывала его рука, и увидели нечто похожее на струйку дыма от костра, поднимающуюся из моря. Она клубилась, каждое мгновение изменяя свои очертания, становясь более широкой вверху, соединяясь с тучами. Как замороженные, ребята, судорожно вцепившись руками в лодку, не могли оторвать взгляда от зловещего зрелища.

Постепенно тонкий сначала столбик превратился в гигантскую воронку, которая в сполохах молний казалась черной. Бешено вращаясь, она увлекала в себя волны и неслась прямо в их сторону.

— Смерч! — обреченно произнес Талгат и опустился на дно своего суденышка, которое еле держалось на поверхности; почти полностью залитое водой.

Воронка стремительно приближалась, и Соня неожиданно ощутила смертельный страх, которого не чувствовала никогда в жизни. Она вдруг поняла: все, конец, ничто не может спасти их... Последнее, что ей врезалось в память, — сведенное судорогой лицо брата, потом все поглотила черная и удушающая мгла.

Девочке казалось, какая-то гигантская рука выбила ее с лодки и поволокла... Дальше не стало ни верха, ни низа — ее несло куда-то с

невероятной силой и скоростью, тащило, швыряло, кувыркало, обдавало ледяными потоками воды. Она не могла вдохнуть, потому что всю ее накрыло, спеленало, сжало давящее со всех сторон облако, тяжелое, пронизывающее насквозь и сковывающее движения.

Сколько это продолжалось, Соня не знала, но внезапно она ощутила сильный удар, как будто тело ее с размаху налетело на препятствие. Она на мгновение потеряла сознание, но быстро очнулась, чувствуя дуновение ветерка.

Соня улучила момент, ухитрилась вдохнуть глоток воздуха. Нырнула поглубже, чуть передохнула от ударов волн. «Спасена!» — мелькнула мысль, когда она снова вынырнула на поверхность бушующего моря. Огромные валы то бросали девочку вниз, то поднимали на гребень, но теперь она уже успевала нормально дышать и пыталась оглядеться.

Ни лодки, ни ее спутников ей не удалось обнаружить, по-прежнему только пелена косого дождя вокруг и пенистые шапки разбушевавшихся волн.

«Где берег?» — Она судорожно вертела головой, стараясь разглядеть хоть какой-нибудь признак суши. Но серая хмарь застилала и небо, и море. И все усилия Сони теперь были направлены только на то, чтобы удержаться на поверхности воды. Надежды девочки таяли, но неожиданно она вскрикнула от удара по ноге, лодыжка сразу же заныла от острой боли.

«Что это? — пронеслось в голове Сони, и тут же она вновь почувствовала прикоснове-

ние чего-то твердого. — Неужели берег?» Она из последних сил сделала два-три мощных гребка.

Да! Соня не могла верить в свое счастье: нога ступила на зыбкий песок! Девочка, оттолкнувшись, сделала еще гребок и твердо встала, но тут же новая волна подняла ее вверх. Девочка понеслась к берегу, помогая себе руками, а когда вновь ощутила под ногами спасительную твердь, бросилась вперед.

Соня не смогла достичь берега, когда следующая волна накрыла ее с головой, но уже не отнесла так далеко. Еще одна попытка, и Рыжая побежала по мелкой воде, стараясь обогнать новую волну. В сумерках и пелене дождя она увидела поднимающийся вверх невысокий скалистый склон, но тут с шумом и грохотом ее накрыл новый пенный вал.

Девочку потащило по песку, она чуть не разбила лицо о камень, увернулась... ей удалось вскочить, и она со всех ног кинулась к прибрежным скалам. Ей повезло: она попала на узкую песчаную промоину, уходящую вверх. Если б не эта спасительная ложбинка, ей бы не выбраться на сушу — волны неминуемо расплющили бы ее своими ударами.

Соня, увязая по щиколотки в песке и помогая себе руками, выбралась на ровную часть берега, поднятую над морем. Потом она долго без сил лежала на пожухлой и мокрой траве у подошвы холма, а море разъяренно ревело внизу, словно злая, что упустило добычу.

Девочка не замечала ничего: ни хлещущих по ее телу струй дождя, ни воя бури— и, только немного отдышавшись, начала приходить в себя и осознавать, что, похоже, самое страшное позади. Прошло немало времени, пока она смогла подняться на ноги и оглядеться по сторонам.

Уже стемнело, небо казалось почти черным в светлых пятнах клочковатых туч, убегавших за гребень холма, сполохи молний и раскаты грома слышались где-то вдалеке, но море еще шумело, не успокаиваясь.

Соня зябко поежилась: теперь она ощутила, что промокла насквозь и измучена так, будто целый день ворочала камни. Одежда на ней была разорвана в клочья, и остатки ее прилипли к мокрому телу — только это позволяло им каким-то образом еще держаться.

«Хункар! Талгат!» — Она с надеждой взглянула на море, но на расстоянии двадцати шагов от пенных гребней бьющихся о берег волн все терялось во мраке. Соня приложила ладони ко рту и закричала, но тут же поняла всю тщетность своей попытки — в реве прибоя ее голос не услышат. Она пошла, всматриваясь в набегающие валы, но, кроме них, ничего не видела.

«Погибли... оба погибли!» — И девочка повернула в обратную сторону, по направлению к городу. Зубы ее стучали от холода, и Соня побежала, стремясь согреться и побыстрее добраться домой. Море успокаивалось и уже не ревело так свирепо. Взошедшая луна сквозь прорехи в облаках освещала все вокруг скудным светом,

достаточным, чтобы различить дорогу, и Соня могла не опасаться, что споткнется в темноте.

Дальше берег спускался к морю, и по светлому песку бежать было еще легче. Она помчалась что есть сил и вскоре согрелась, но быстро выдохлась и перешла на шаг. Слабый отсвет вдали — огни засыпающего Майрана — радовали ее.

Расстояние до города оказалось большим, чем она подумала вначале, но Соню это не огорчило: лишняя лига пешком немного значит в сравнении с тем, что ей довелось только что испытать...

Ее внимание привлек какой-то темный бугор впереди. Сначала Соня решила, что это камень или куча водорослей, но очутившись ближе, разглядела выброшенное на берег, тело человека. Она стремглав помчалась к нему. Хункар!

Ее брат лежал навзничь на мокром песке у самой кромки воды, и волны, лизнув ему ноги, с шумом откатывались назад.

— Хункар! Хункар! — Девочка приподняла голову брата, повернула набок, из носа и рта полились струйки воды. С трудом приподняв его за плечи, Соня повернула парня на живот и попыталась встряхнуть посильнее. Набежавшая волна окатила их брызгами, и девочка, схватив тело брата под мышки, с трудом поволокла его повыше на берег.

Она уложила Хункара на спину и несколько раз ударила по щекам, но ее попытки успеха не имели: он не подавал признаков жизни.

— Хункар! Очнись же! — в отчаянии повторяла Соня, тряся его за плечи.

Брат оставался нем, его голова безжизненно моталась из стороны в сторону. Соня, потеряв надежду помочь Хункару, в изнеможении опустилась рядом.

Небо совсем расчистилось, и звезды одна за другой вспыхивали на небе, чуть посеребренным светом узкого серпика луны. Вдруг раздался слабый стон. Девочка оглянулась на брата, думая, что ей почудилось, но грудь его судорожно поднялась, и он сделал глубокий вдох.

— Хункар! Брат! — закричала она во всю силу своих легких. Его веки на мгновение распахнулись, парень вздохнул еще раз и открыл глаза. Некоторое время он бессмысленно смотрел вверх, потом повернул голову к Соне:

— Ты... — и обессиленно умолк.

— Я! Я! Это я, Соня! — Девочка припала к нему.

— Не тормози меня! — слабым голосом прохрипел Хункар, потом посмотрел на сестру и попытался приподняться. Соня помогла ему, и Хункар, повернувшись сначала на бок, оперся на руку и с трудом сел. — Где Талгат? Где лодка? — спросил он почти нормальным голосом.

— Лодка разбилась. Ты ничего не помнишь? — Девочка была настолько рада возвращению брата к жизни, что обо всем остальном просто не думала. — Мы живы! Живы! Понимаешь?

— Понимаю... — он снова глубоко вздохнул и устался на сестру. Лицо его приняло недоуменное выражение, и Соня проследив его взгляд, вспомнила, что на ней только жалкие лохмотья.

— Чего пялишься, бесстыжая морда? — сурово спросила девочка, безуспешно пытаясь стя-

нуть на груди остатки одежды. — Мало посмотрелся на проделки вашей Обезьяны?

— Успокойся, — ухмыльнулся Хункар. — Ты же мне сестра. А где Талгат? — отвернувшись, спросил он.

— Не знаю... — прошептала Соня. — Утонул, скорее всего, твой Талгат... Но может, это и к лучшему...

— Как — к лучшему? — ошарашенно переспросил Хункар.

— Да так! — отрезала Соня. — Теперь точно ничего не разболтает!

— Вот ты какая... — Хункар захлопал глазами, сию секунду осознав услышанное. В глубине души он понимал жестокую правоту сестры, но разум воспринимать ее отказывался.

— Не рыдай, — одернула его Соня, вскакивая на ноги. — Пошли домой, я совсем замерзла...

Отчаяние, вызванное потерей брата, сожаление по поводу нелепой смерти Талгата в Сониной душе уступили место одному желанию — поскорее попасть в тепло.

— Подожди... — опираясь на ее руку, Хункар наконец поднялся с земли. — А мешок где?

— Идем! — потянула его за рукав девочка. — Вспомнил... Там, где и лодка. — И, помолчав, жестко добавила: — и Косой...

— И еще, — когда они уже торопливо шагали вперед, к огням Майрана, наставительно промолвила Соня. — Родителям скажем, что поехали покататься на лодке и попали в шторм. Понял?

— Угу-гу-гу, — согласно кивнул брат, стуча зубами.

* * *

Хункар осторожно, стараясь не производить лишнего шума, отворил калитку в заднем конце двора. Они собирались незаметно проскользнуть к дому, но услышали крик:

— Сизэри! Она здесь!

От ворот спешил отец с лампой, поднятой в правой руке.

— Где тебя носило? — набросился он на дочь, не заметив стоящего чуть поодаль от нее Хункара. — Боги! — подойдя ближе, воскликнул он. — Что приключилось?

От дома уже бежала Сизэри, на ходу причитая:

— О, девочка моя! Жива!

Она с разбегу чуть не налетела на вышедшего вперед сына и только тогда заметила, в каком виде ее дети. Оторопело глядя на них, она на некоторое время лишилась дара речи, а потом, как следует огрев Хункара по щеке левой ладонью, прижала к себе дочь:

— Бездельник! — повернулась она к сыну, не переставая гладить Соню по мокрым волосам. — Сам неизвестно где шляешься, так зачем же сестру с собой поволок?

— Да я... — потирая щеку, начал оправдываться Хункар, но мать, не слушая его, повернулась к мужу: — Келемет! — чуть не рыдая, простонала она. — Сделай же что-нибудь!

— Хватит! — гаркнул на нее муж. — Идите в дом, переоденьтесь в сухое. Мать принеси горячего вина с травами. Тогда и поговорим.

Глава седьмая

Скандал в доме произошел грандиозный. Даже Ална на следующее утро сочла необходимым вмешаться и, поджав губы, посоветовала матери:

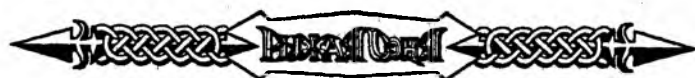
— Надо отправить ее подальше от Майрана, в какой-нибудь храм на обучение. С ней тебе не справиться. А я могу попросить сестер.

— Иди ты со своими сестрами... — Последнее слово Соня прошептала едва слышно. Но жестом сопровождала недвусмысленным.

— Вот, видишь, отец, что творит? — оскорбленная в лучших чувствах, Ална беспомощно оглянулась на Келемета, ища поддержки.

— Да уж, вижу, — усмехнулся он. — Ладно, не гневите богов — хорошо, что хоть живы остались, мокрые кошки... Но, может, ты и права, — посмотрел гирканец на старшую дочь. — Надо подумать... А ты, Рыжая, хорошенько запомни: дальше дома этой трещотки, как ее там?.. — обернулся он к Соне.

— Илинна, — хмуро глядя в пол, проговорила дочь.

— Вот, вот,— прищурился Келемет.— Дальше ее дома тебе путь заказан. Иначе выдеру арапником. Хорошо меня поняла?

— Угу...— с облегчением вздохнула Соня. Ее немалый опыт подсказывал: на этот раз гроза миновала.

* * *

Удод яростно шипел, словно рассерженный кот:

— Ты понимаешь, сучий потрох, какие деньги мы потеряли?

— Конечно, я тоже считать умею,— оправдывался Хункар.— Но я не виноват... Я же сказал тебе, мы попали в страшную бурю, лодку разбило, Талгат утонул...

Ватага молча слушала разговор главара с Хункаром. Каждый знал: за листья желтого лотоса, что стали добычей разбушевавшегося моря, был отдан целый кошель серебра. И кто знает, может, Хункар просто хотел все свалить на шторм, а Талгата предусмотрительно убрал с дороги, чтобы тот не продал его Удоду? Как оно было на самом деле?

Мальчишки сидели тихо, боясь вымолвить хоть слово, иначе гнев предводителя мог запросто обрушиться на любого из них. Сони не было, девочка благоразумно решила первые день-два не ссориться с родителями. Потом все успокоится, надеялась она, и можно будет зажечь по-старому.

— Значит, поступим так...— Удод повертел своей маленькой головкой по сторонам,— даю

тебе три дня! Потом принесешь деньги. Верно я говорю, разбойники? — Он обвел глазами сидящих перед ним мальчишек.

— Верно,— слышался нестройный хор голосов.

— Удод! — взмолился Хункар.— Где же мне взять столько денег?

— Не знаешь, где достать,— проси у отца! — усмехнулся главарь.— И запомни,— его глаза зловеще сверкнули,— если не принесешь, можешь пенять на себя. Рахманкула помнишь?

Лицо Хункара покрылось холодным потом, в висках болезненно застучало.

— Давай я отработаю,— жалобно проскулил он.— Пойми, мне не найти столько денег за раз!

— Я сказал,— жестко отрезал главарь.— Через три дня. Ступай!

Хункар на подгибающихся ногах вышел из подвала и без сил прислонился к стене дома. Руки предательски дрожали, перед глазами плавали огненные круги. «Бежать из этого Майрана! — билась в голове одна только мысль. — Убьет же, скотина, как пить дать, убьет! Но куда?..» Парень медленно пошел по проулку, понуриив голову и ссутулив плечи, придавленный своим несчастьем.

«Сестра!» — неожиданно вспыхнуло в мозгу. Но тут же понял, что и ее денег не хватит. «Но если принесу половину... — с надеждой подумал он.— Может, сумею уговорить этого ублюдка подождать. Не убьет, решит дождаться остального...»

Он вошел в дом и, пройдя через нижнюю комнату, стал подниматься по лесенке в комнату сестер. «Хорошо, что никого нет,— открыв дверь, подумал он.— Где она их, интересно, прячет?»

Хункар методично и со знанием дела обшарил оба сундучка, заглянул под матрацы на кроватях — нигде не было и следа того мешочка с серебром, что он видел в руках сестры.

«Придется попросить,— решил он.— Неужели сестра откажет? Не захочет же рыжая шельма, чтобы Удод убил ее брата?.. А если пожадничает? — Он похолодел от страха.— Попрошу займы!»

Парень сел на кровать, обхватив голову руками. Погруженный в свои мысли, Хункар не слышал, как Соня поднялась по лестнице, и открыл глаза только на стук открывающейся двери.

— Привет! — кивнула она брату.— Что это ты делаешь в нашей спальне?

— Со мной приключилась большая беда...— Хункар с виноватым видом посмотрел на сестру.— Удод требует с меня деньги!

— Какие деньги?

— Те, которые отдали за листья...

— Он совсем с ума сошел? — презрительно повела плечом Соня.— Ты разве виноват? Мы сами еле спаслись...

— Я объяснял, а он слышать ничего не хочет,— заскулил Хункар.

— А если не принесешь?

— Тогда...— Брат выразительно провел ладонью по своему горлу.

— Ох, бедненький! — ехидно бросила девочка.— Ты не пробовал искать другого выхода?

— Нет, искал! Дай мне денег. В долг, в долг,— видя, как поднялись брови сестры, торопливо добавил Хункар.— Я верну... Постепенно...

— Ах вот что ты делал здесь! — усмехнулась Соня.— Искал мой кошель с монетами. Или скажешь — нет?

— Рыжая, да я...— начал брат.

— А что на это сказали остальные? Как обычно, молчок? — спросила Соня, не желая выслушивать его сбивчивые оправдания.

— Ты же знаешь...— подавленно взглянув на сестру, ответил Хункар.— Они все смотрят ему в рот. Как он скажет, так и будет. Кто ему возражал когда-нибудь? Все имеют голову на плечах, своя шкура дороже...

— Надо же, нахватался разумных мыслей! Рассуждаешь, словно познал мудрость древних,— съязвила сестра.— Почти как Джанель...

— Эта та, которая была в Арэнджуне? — спросил Хункар, чтобы поддержать беседу, втайне надеясь, что сестра, смягчившись, все-таки даст ему денег.— Хорошая девушка...

— Ошибаешься,— фыркнула Соня.— Расфуфыренная глупышка, хотя в Арэнджуне ее и пытались обучить чему-то. Впрочем, безуспешно.— Она усмехнулась.— Впрочем, тебе виднее, ты же у нас здорово разбираешься в женщинах...

— Ты дашь мне займы? — окончательно потеряв терпение, спросил Хункар.

— И не подумаю! — жестко отрезала сестра. — Сам ведь не веришь, что сможешь отдать! Да как ты мог распустить сопли из-за пустяка? — набросилась она на него. — В кого ты уродился таким тюфяком? Ты должен брать пример со своего отца, а не с каких-то водоносов с рынка, у которых душа расстается с телом при одном только виде клинка...

— Он же убьет меня... — запричитал парень. — Сама прекрасно знаешь, каков Удод...

— Если будешь вести себя как трусливый шакал, конечно, убьет! — Девочка посмотрела на Хункара, прищутив глаза. — Что, руки растут не из того места? Чему нас учил отец?

— Но их же много! — чуть не взвизгнул брат, втянув голову в плечи. — И потом, Удод владеет ножом не хуже меня...

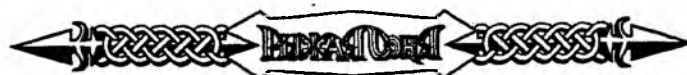
— Владеет ножом... не хуже меня... — передразнила его Соня. — Красиво говоришь! Да только никто из мальчишек по доброй воле не станет его защищать... Никогда об этом не догадывался?

— А если он прикажет?

— Так постарайся управиться до того!

— Тебе легко говорить, — внезапно перешел в атаку Хункар. — С тебя и спроса нет, хотя не я один там был...

— Узнаю своего брата — в первую очередь пытается свалить вину на кого угодно, — язвительно произнесла девочка. — Да, ты там был не один. Ты еще Косого забыл упомянуть! Только вот с него, бедняги, теперь не спросишь! — Она

посмотрела на него взглядом, полным презрения: — Ты жалкий трус!

— Что же делать? — упавшим тоном спросил Хункар.

— Но все-таки ты мне брат, хотя иногда я и удивляюсь этому... Ладно! Уговорил, — сказала Соня. — Когда, говоришь, он велел принести деньги?

— Я же знал, ты не бросишь меня в беде! — с явным облегчением воскликнул Хункар.

— Ты не так меня понял, — прервала его восторги сестра. — Денег для этого ублюдка ты не получишь.

— Но он велел...

— Я пойду с тобой, и думаю, мне удастся уговорить его!

— Он ни за что не согласится, ты его знаешь...

— Да уж знаю, — усмехнулась Соня. — Не бойся, он будет в просто в восторге!

* * *

На следующий день, когда Соня с Хункаром вошли в логово шайки, там их встретили только двое: Волчий Клык и Тюк. Они лениво жевали свою жвачку, прислонившись спиной к стене, и, не проявив особого интереса к вошедшим, небрежными кивками ответили на приветствие.

— Где Удод? — спросила Соня, подойдя почти вплотную к Клыку.

— Придет, — захихикал тот, глядя на нее замаслившимися глазами.

Соня смерила его презрительным взглядом и, пройдя в глубину помещения, привычно села в

кресло главаря. Хункар опустился недалеко на какой-то хлам и, сжав голову руками, невидящим взглядом смотрел в пустоту перед собой.

Утром он попробовал еще раз уговорить сестру, но та наотрез ему отказала. Теперь его трясло от страха, хотя парень из всех сил старался не подавать виду.

Предводитель пришел довольно скоро. Он удивленно посмотрел на Хункара, поднявшегося со своего места при его появлении. Соня не шелохнулась, деланно безразличным взглядом смерив Удода.

— Принес? — усмехнулся главарь. — Я не сомневался...

Закончить фразу он не успел. Краем глаза он уловил резкое движение Сони, но и только: кинжал, который мгновение назад она держала за спиной, уже вонзился в живот Удода.

Главарь, согнувшись, схватился руками за руку, и лицо его исказилось от боли. Он качнулся, попытался шагнуть к ненавистой девчонке и рухнул лицом вниз. Тюк и Волчий Клык вскочили. Но тут в руках Сони блеснул еще один клинок — и парни тут же уселись обратно.

— Вы ведь ничего не видели? — выразительно спросила Соня.

Нагнувшись, она ловким движением перерезала Удоду шею от уха до уха. Лицо ее осталось спокойным, только мстительная усмешка заиграла на губах.

Оба мальчишки дружно замотали головами. «Твой отец сидетелей оставлять не любил...» — вспомнила Соня слова Рашмаджана.

— Может... — повернулась она к Хункару.

— Что ты? Что ты? — с искаженным от ужаса лицом, тот замахал руками.

— Слунтяй! — Она посмотрела на брата и повернулась к намертво приклеившимся к стене мальчишкам. — Возьмите вашего бывшего, — она небрежно кивнула на скорчившееся на полу тело, около которого растекалась порядочная лужа крови, — и отнесите его за изгородь, в конце тупика. Ну? Что застыли?..

Тюк и Волчий Клык стремительно рванулись со своих насестов. Схватив Удода за руки и за ноги, они проворно поволокли тело к выходу.

— Стойте! — Соня подошла к ним, выдернула клинок из раны. Вытерев его об одежду убитого, она кивнула парнишкам и повернулась к Хункару:

— Вот и все, — произнесла она так буднично и просто, что у Хункара по спине пробежал противный холод. — Ты никому ничего не должен.

— Прав был Талгат, — переведя дух, сказал старший брат, — ты, Соня, настоящая змея... Рыжая змея, — добавил он, и впервые за последние дни на его губах показалась слабая улыбка.

* * *

Когда они вошли во двор, отец вновь ждал детей у порога.

— Я ведь тебе ясно сказал: не дальше дома твоей подружки, — устало произнес он. — Мое терпение иссякло. Иди за мной.

Соня поспешила следом и увидела мать, державшую лист пергамента.

— Ну вот и все! — почти теми же словами, что Соня произнесла чуть раньше, приветствовала ее Сизри. — Наконец-то я смогу вздохнуть спокойно!

Девочка вопросительно посмотрела на нее, потом перевела взгляд на отца.

— Мой старый знакомый прислал письмо, — кивнул отец на пергамент в руке жены, — он приглашает тебя пожить у него.

— Где это? — не поняла Соня.

— Поедешь в Хауран, — сказал Келемет, и по его голосу Соня поняла, что этот вопрос решен окончательно и любые споры бесполезны. — Поживешь там год или два. Обучишься всему, что стоит знать приличной девице. Маади был не последним человеком в столице, а уж в провинции и вовсе стал важной персоной. Кстати, у него дочь твоих лет, — продолжал отец. — Подружишься с достойными людьми, а не с теми шалопаями, с которыми водится твой брат. Так что собирайся. Завтра отправишься в путь...

— Но я не хочу уезжать отсюда, отец! Как же мы расстанемся? — Неожиданно даже для самой себя Соня хлопнула носом. — Я вас всех так люблю, да и мама будет переживать...

Сизри растерялась от подобных речей строптивой девчонки, и на ее глаза навернулись слезы.

— Келемет, — повернулась она к мужу. — Может быть...

Тот не дал ей договорить и твердо произнес:

— Соня уедет. — Он устало повернулся к дочери и улыбнулся. — Пойми, малышка, это тебе

не в наказание... хотя ты его вполне заслуживаешь! И не простая прихоть... Маади прислал мне письмо неспроста. Он сообщает тревожные вести. Мы с матерью вынуждены отправить вас, тебя и Алну, подальше отсюда: времена наступают неспокойные. А в Хауране пока все мирно...

Соня кивнула. Хотя она не вполне понимала намеки отца, но привыкла, что Келемет всегда знает, о чем говорит. Девочка напряженно ждала продолжения.

— Ална завтра уедет в свой храм, к сестрам, — в глазах Келемета, как показалось Соне, промелькнула смешливая искорка, но тут же исчезла, уступив место озабоченности, — а мы с мамой и с мальчиками будем пока управляться тут. Ну а там видно будет. Всякое бывает, — вздохнул он, обведя семейство глазами. — Так что иди, Рыжая, собирай вещи. Ничего не поделаешь, дочка.

* * *

Когда на следующее утро несколько всадников по извилистой тропе взобрались на перевал и весь Майран оказался перед ними как на ладони, один из верховых, обернувшись к Соне, бросил:

— Посмотри на свой город, девочка! Неизвестно, когда увидишь его в следующий раз.

— Очень даже известно, — возразила Соня. — Отец сказал: следующим летом я смогу на пару лун вернуться домой, навестить их.

Сама она не очень верила в то, что так и будет: в прощальных словах отца Соня уловила скрытую тревогу и невысказанное предостережение. Но девочке не хотелось выказывать слабость или сомнения при посторонних..

— Ну, тогда конечно. Келемету можно верить...— Мужчина сумрачно усмехнулся в бороду и тронул коня: — В путь!

Соня все же повернулась взглянуть на город, и на мгновение ей стало немного грустно: окончились ее дни среди лихих майранских мальчишек. Стало жаль пропавшего среди бурных волн Талгата и других, кому больше не радоваться солнцу и соленому запаху моря... Но грусть промелькнула мимолетным облачком и уступила место новым надеждам.

Девочка тронула поводья и поскакала вслед за спутниками, ни разу больше не оглянувшись.

Соня! Соня! Встань, Соня!
Снова и снова звал из темноты таинственный голос — странно знакомый несмотря на то, что Соня прежде никогда его не слышала. Откуда-то она даже знала его имя — Голос Дальней Тревоги.

— Беги, беги, Соня! Не время медлить! Очнись же, Соня!

Темные ветви хлестали ее по лицу, острые колючки ранили босые ноги. Соня бежала из последних сил. Ночной лес расступался перед нею. Где-то над головой ухали совы. Ни одной звезды не было видно на затянутом густыми облаками небе.

Краем сознания она понимала, что крепко спит и видит тревожный сон. Но было в этом сне нечто столь родственное реальности, что это страшило даже Соню. Она никак не могла пробудиться. Она знала, что *не должна* просыпаться — до того мгновения, как увидит...

Собственно, что она должна увидеть? Впереди был только ночной лес, ни одного просвета.

Впереди? А может быть, это находится не впереди, а позади нее?

Оглушенная неожиданной мыслью, она обернулась... и тотчас заметила пляшущий огонек, который, казалось, бежал за нею по пятам, преследовал ее... И что-то в этом крохотном пятнышке света показалось ей настолько ужасным, что она закричала... и наконец пробудилась.

Тяжело дыша, как после долгого бега, она села, тряхнула головой, рассыпав по плечам роскошную гриву рыжих волос. Низко над горизонтом висела ущербная луна.

Костер, разведенный Соней вечером на склоне холма, давно прогорел. Ни огонька — насколько охватывает глаз. Даже звезд не видно на небе. Только этот печальный багровый серп луны, казалось, задевающий верхушки темных деревьев.

Мрак и одиночество окружали молодую женщину. Ее чуткое ухо не улавливало ни единого подозрительного шороха. И все же тревога не отпускала ее. Может быть, виною было сновидение.

Этот сон приходил к ней уже трижды, и всякий раз все ярче и сильнее, все требовательнее звал ее... но куда? Чего ждет от нее дальний Голос? Куда она должна идти? И кто этот неведомый преследователь, принявший облик пляшущего во тьме огонька?

Тренированное сознание Сони — воспитанницы жреческой школы — понимало: сон этот неспроста. И пляшущий огонек на самой деле далеко не так безобиден, как выглядит. Но кто

скрывается за всем этим? И почему именно она, Соня, избрана для неведомой миссии?

Она уселась поудобнее и снова развела костер, решив дожидаться утра. Вскоре маленькое жаркое пламя уже согревало ее, а желтоватый свет огня, казалось, волшебным образом отогнал прочь, в сырость и темноту стигийской ночи все сновидения и страхи.

Постепенно занимался рассвет. Луна ушла за горизонт. Восток медленно окрасился багрянцем. Тонкое облако, похожее на летящего дракона, постепенно налилось золотым светом.

Пора было собираться в путь. Соня погасила костер, оседлала лошадь, сложила в кожаную сумку нехитрые пожитки — одеяло, плошку, связку сушеной рыбы. Роскошные рыжие волосы она убрала под тюрбан. Конечно, это не поможет ей скрыть свой пол, но, по крайней мере, издали ее рыжая грива не будет привлекать к ней внимания. Женщина-воин, путешествующая одна, — здесь, в мрачной Стигии, это лакомая добыча для разного рода разбойников и жрецов-изуверов.

Разумеется, Рыжая Соня могла постоять за себя. Кинжалом, луком и стрелами она владела не хуже любого наемника. И все же не следует рисковать больше, чем это возможно. Судьба и без того предоставляет ей немало шансов помериться силами с враждебным и холодным миром.

А в битве с десятью противниками, возможно, не устоял бы и сам Конан...

Как всегда, мысль о легендарном короле, великом воителе, черноволосом и синеглазом ким-

мерийце, заставила сердце Сони биться сильнее. Конан! При нем Хайбория достигла своего расцвета. Теперь же, казалось, надвигался конец света.

Соня тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Конец света вечно надвигается, особенно на глупых и болтливых кумушек, раздосадованных повышением цен на рыбу.

Но что-то в мире изменилось, везде нарастала тревога. Границы цивилизованных царств трещали под яростным натиском диких племен. И повсюду творились страшные, темные дела...

* * *

Городок Карос вырос за последние пятьдесят лет у подножия Великой Черной Пирамиды — древнего мертвого храма. Сейчас уже не нашлось бы жреца, даже в самой Стигии, который мог бы в точности рассказать о культах, отправляемых некогда в Черной Пирамиде. Было время, когда один только вид этого грандиозного сооружения наводил страх на обывателей. Теперь же все это осталось в прошлом. Бойкие купцы, не задумываясь, разбивали здесь свои палатки, и торжище кипело в Каросе с утра до вечера.

Соня въехала в город через три часа после рассвета. Городок уже проснулся. По узким улицам спешили прохожие. Стайки темнокожих ребятшек, одетых только в набедренные повязки, то и дело пробегали от дома к дому и скрывались в отдалении. У наглухо закрытых дверей сидели в полной неподвижности старики — одни курили длинные трубки, другие потягивали ка-

кое-то густое черное варево, запивая его холодной водой из больших глиняных кружек, третьи просто глазели на улицу — застывшие, смуглые, морщинистые, похожие на ящериц.

Женщины, закутанные в черные покрывала, несли на плечах кувшины с водой, большие корзины, полные фруктов. Скаля зубы в улыбке, предлагали прохожим свой товар бродячие разносчики лепешек и напитков.

Соня шагом ехала по извилистым улочкам Кароса. Она и сама еще не знала, что будет делать в этом городе. Для начала неплохо было бы отыскать постоянный двор и передохнуть.

Ей указали небольшую гостиницу для небогатых купцов, расположенную почти у самых городских стен. У низенького глинобитного забора, окружавшего белое прямоугольное здание с рядом маленьких окошек по второму этажу, росло старое кряжистое дерево. В тени этого дерева спал нищий.

Соня спешила и направилась к воротам, держа лошадь в поводу. Гнедая тихонько упиралась и пофыркивала — что-то здесь явно не нравилось животному.

— Перестань, Подружка, — сердито проговорила Соня по-турански, обращаясь к кобыле. — Мне и самой здесь не по себе, да что поделаешь!

Нищий под деревом вдруг оглушительно всхрапнул и перевернулся на другой бок.

Соня решительно вошла во двор. Тотчас же к ней подскочил маленький вертлявый слуга, черный, как сапог, и зачистил:

— Приветствую благородного господина... ох, простите! Приветствую благородную госпожу! Неужто госпожа путешествует одна? Ай-ай! Та-кая красотка не должна пускаться в путь без охраны! Ай-ай! Большие опасности — везде, везде! Времена-то какие! Только госпоже повезло, очень повезло, сказочно повезло — ведь это лучший в Каросе постоянный двор, здесь только порядочные люди, только добрые люди, сплошь зажиточные, вежливые, аккуратные люди... А у госпожи... э-э...

— Держи.— Соня вытащила из кошелька медную монетку и сунула слуге. Тот поморщился при виде меди, но тем не менее довольно ловко спрятал ее в широком рукаве своего грязноватого белого одеяния.

Продолжая расписывать Соне выгоды ее пребывания на этом постоялом дворе, слуга то плелся за нею следом, то семенил сбоку, то забегал вперед, пока она ровным широким шагом пересекала двор.

«Веселый Вепрь» действительно выглядел вполне приятным заведением. Из кухни распространялся аппетитный запах жареного мяса и тушеных овощей. Большой котел стоял в дверях кухонного помещения, и виден был голый по пояс чернокожий повар, увлеченно колдовавший над варевом. Судя по всему, там готовилась похлебка.

У Сони, которая уже восемь дней не ела ничего, кроме сухарей и сушеной рыбы, изредка разнообразя скудную трапезу найденными по

пути ягодами, при одной только мысли о горячей еде потекли слюнки.

От сморщенного маленького слуги, внимательно наблюдавшего за гостьей, конечно, не укрылось и это.

— А уж какая у нас кухня, госпожа,— сюда приходят даже слуги из богатых домов и берут у нас готовые блюда, чтобы угощать своих господ! Да-да, это чистая правда, и если госпожа поживет у нас подольше, то у нее будет возможность убедиться в этом! Да что я рассказываю! Правду ведь говорят: лучше все попробовать на себе...

— Да,— задумчиво повторила Соня, обращаясь больше сама к себе,— лучше все попробовать на себе...

Последняя фраза маленького слуги странным образом отвечала ее мыслям. Она знала, что неспроста оказалась в этом городке, выросшем у подножия мрачных угрюмых пирамид — обиталищ мертвых темных богов. Неспроста — потому что сон о Голосе Неведомой Тревоги звучал в ее душе все громче и громче. И единственным способом все понять было именно попробовать на себе...

Испробовать — что?

Соня даже споткнулась. Слуга услужливо подхватил повод лошади.

— С позволения госпожи, я отведаю эту красоту на нашу конюшню. У нас превосходные конюшни и очень умелые конюхи. Будут следить за ним, как за невестой из собственного

гарема... тьфу, что я говорю! Какая еще невеста в гареме!

Он визгливо засмеялся. Почти против своей воли засмеялась и Соня. Вот пройдоха, подумала она, направляясь к низенькой деревянной двери, украшенной причудливой резьбой.

Хозяин постоялого двора встретил ее чрезвычайно приветливо, предложил неплохую комнату на втором этаже окнами во двор. Выглянув, Соня увидела маленького слугу, который оглаживал ее Подружку и что-то нашептывал гневой на ухо, то и дело озираясь по сторонам,— точно сообщал коню нечто секретное. Соня приснула. Да, забавный человечек.

Она заплатила за неделю вперед и спустилась в зал, где ей тотчас же подали похлебку. Соня с жадностью проглотила содержимое большой глиняной миски, а под конец обтерла ее лепешкой. Теперь ей наконец-то стало по-настоящему хорошо. Она даже почувствовала себя отдохнувшей.

Итак, следует вернуться к самому началу.

Сон о Голосе настиг ее на стигийской границе. С тех пор пляшущий огонек горел в ее сновидениях все ярче, звал все настойчивее. Следовательно, нужно ждать ночи. Если она у цели, то...

Да, но какова эта цель? Соня не думала, чтобы боги избрали ее для какой-то важной миссии. Кто она такая? Обыкновенная женщина... Ну не совсем, конечно, обыкновенная... (При этой мысли Соня горделиво расправила плечи и посмотрела по сторонам: так и есть, несколько мужчин, завсегдатаев заведения, таращатся

на нее, почти не скрывая плотоядного интереса.) Воспитанница храма Белой Волчицы... И оружием владеет неплохо. Однако — и это следует признать — ничего сверхъестественного.

Соня потянулась, с удовольствием хрустнув косточками, встала из-за стола и направилась к выходу.

В воротах ее поджидал тот самый нищий, что прежде спал под деревом. Соня, нахмурившись, окинула его взглядом. Это был немолодой человек с неряшливой бородой, черной с проседью. Резкие морщины залегли в углах его рта, темные глаза смотрели мутно, словно их обладатель надышался какого-то дурмана. Одет он был в невообразимые лохмотья. Его кожа — не то смуглая от природы, не то сожженная жарким солнцем — казалась просмоленной.

— Соня,— отчетливо проговорил он.

Рыжая Соня вздрогнула. Она не ожидала встретить здесь кого-то, кто узнал бы ее. Да еще к тому же совершенно незнакомого человека!

— Что тебе? — спросила она, довольно быстро и ловко скрыв удивление.— Денег? Напрасно надеешься. У меня почти ничего нет.

— Соня,— повторил он так, словно не слышал Сониной тирады,— о Соня. Уезжай отсюда. Быстрее, быстрее! Здесь...— Он помолчал, потом судорожно сглотнул, оглянулся по сторонам и прошептал: — Здесь очень страшно.

Несмотря на царившую в городке полуденную жару, Соня ощутила, как ледяные пальцы ужаса гладят ее по спине.

— Что значит «страшно»? — сердито возразила она.

— Страшно,— прошептал нищий.— О, как здесь страшно! Беги, беги!

Он поднял руку и медленно сжал в кулак черные тонкие пальцы. Соня невольно отшатнулась.

— Перестань!

— Беги, Соня! Беги из этого проклятого места! Вот так они схватят тебя за горло, вот так! — Он показал ей судорожно стиснутый кулак.— И нет спасения, нет!

Соня оттолкнула нищего и решительно вышла из ворот. Она шагала по узкой улочке Кароса к городской стене, чувствуя на спине взгляд обезумевших темных глаз.

* * *

Беликая Пирамида неудержимо притягивала Соню. Когда-то давно, в Хауране, она слышала об этом загадочном и ужасном сооружении древних; сейчас ей предстояло убедиться воочию — настолько ли огромна эта легендарная Пирамида, и действительно ли даже ее тень навеивает на зрителя суеверный ужас.

Чем ближе Соня подходила к Пирамиде, тем больше склонялась она к мысли, что старые предания не лгут. Действительно, что-то зловещее таилось в этом здании с острыми гранями, облицованном блестящими черными плитами.

Тень от Пирамиды упала на Соню и, казалось, поглотила ее. Соня остановилась. Задрав

голову, она принялась рассматривать Пирамиду. Невольно она поймала себя на том, что не столько смотрит на здание, сколько вслушивается в тишину, окружавшую и путницу, и саму Пирамиду, и белые пески вокруг нее.

Эта тишина была живой. Как будто чье-то ухо улавливает каждый вдох, каждый выдох человека; как будто невидимый хищник притаился в черном зеве полузаваленного входа в древний храм и ждет...

— Желаете осмотреть храм? — послышался чей-то вежливый голос за спиной у Сони.

Она резко повернулась, как ужаленная. Соня могла бы поручиться, что мгновение назад здесь никого, кроме нее самой, не было. Вряд ли она погрузилась в задумчивость так глубоко, чтобы не услышать шагов подходившего к ней человека. И все же он стоял перед ней, ослепительно улыбаясь и всем своим видом выражая дружелюбие.

Это был рослый стройный человек с красивым лицом оливкового цвета. На нем было просторное черное одеяние, расшитое по подолу и рукавам золотым орнаментом. Такой же орнамент в виде свивающихся клубками змей украшал и его пояс.

— Ментаптэ,— представился он, слегка поклонившись.— Это древнее стигийское имя, госпожа.

Простая вежливость потребовала, чтобы Соня, в свою очередь, назвалась и поклонилась.

Между тем незнакомец уже непринужденно болтал, рассказывая Соне о своих предках — знат-

ных стигийцах, многие из которых принадлежали к жреческой касте.

— Они служили Сету, богу-змею, спящему под этими пирамидами.

— Сет? Ведь это воплощение зла...— начала было Соня.— Впрочем...

— Не следует понимать Сета так однозначно,— возразил Ментаптэ, ничуть не смутившись.— Зло действительно существует как противник добра, подобно тому как свет существует в качестве противоположности тьмы, однако не всегда добро и справедливость... м-м... *добры* в прямом смысле этого слова.

— То есть? — Соня остановилась и в упор посмотрела на своего собеседника.

— Иногда человечнее проявить несправедливость, не так ли? Помиловать виновного и так далее...

Соня не могла с этим не согласиться. К тому же она не была готова к длительным дискуссиям на богословские темы. Поэтому она просто пожала плечами и последовала за своим спутником. Тот продолжал рассказывать о строительстве пирамиды, в основании которой, под камнями фундамента, было положено больше тысячи живых рабов.

— Говорят, их тени до сих пор бродят по верхним этажам пирамиды... Другие говорят, будто они превратились в духов подземной реки...

— Подземной реки? — переспросила Соня.

Ментаптэ махнул рукой.

— Еще одна легенда. Говорят, под этой пирамидой находится большое подземное озеро и

что подземная река соединяет все четыре пирамиды Стигии... По правде сказать, я не верю ни в реку, ни в то, что при строительстве было произведено такое грандиозное жертвоприношение... Знаете ли, это уж слишком — даже для тех ужасных варварских времен.

Соня остановилась перед входом в Пирамиду. Центральные ворота храма действительно были наполовину завалены камнями и обломками какого-то более позднего строения, но сбоку имелась резная деревянная дверь — вроде тех, что запирали дома Кароса, — и эта дверь была приоткрыта.

Ментаптэ распахнул ее перед Соней:

— Прошу.

Пригнувшись, она вошла и оказалась в полумрачной пыльной комнате, всю мебель которой составляла большая стопка соломенных циновок, сложенная в углу. Соня остановилась посреди комнаты, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Только потом она заметила ржавую лампу, свисающую с потолка, несколько медных и глиняных сосудов в углу комнаты, небольшую жаровню и десяток книг, из которых высовывались языки разноцветных тканых закладок.

— Вы ученый? — спросила Соня.

— Скажем так, я — любопытствующий, — ответил Ментаптэ.— Чтение старинных книг составляет почти весь мой досуг. Вы можете считать меня полоумным, однако еще в ранней юности я обнаружил, что обладание знанием дает наслаждение подчас более острое, нежели облада-

ние женщиной. Не говоря уж о том, что знание, однажды обретенное, никогда тебя не покинет, в то время как женщина...

— Да,— усмехнулась Соня.— Встречаются такие женщины. Уж кажется, приобрел ее, обладаешь ею — но вот что-то произошло, и поминай красавицу как звали!

Ментаптэ бросил на Соню острый, пронизательный взгляд.

— Это вы не о себе ли, моя госпожа?

— И о себе тоже,— улыбнулась Соня. Ментаптэ нравился ей все больше и больше. Было в нем что-то располагающее к доверию.

— Я мог бы угостить вас вином, но, думается, куда лучше было бы угостить такую прекрасную гостью Пирамидой,— заявил потомок древних жрецов.

— Вы не боитесь, что я сломаю себе зубы о такое угощение? — рассмеялась наконец Соня.— Грызть гранит, знаете ли,— занятие довольно утомительное...

Вместо ответа Ментаптэ протянул ей свою тонкую руку, и Соня сжала его пальцы. Влекомая своим новым приятелем, она прошла по комнате и нырнула вслед за хозяином в низкий ход, открывавшийся в стене. В обычное время, пояснил Ментаптэ, этот ход занавешен циновкой.

Некоторое время они ползли на четвереньках по узкому коридору, но затем оказались в огромном зале. Переход от почти гробовой тесноты к необъятному простору был таким неожиданным и острым, что Соня задохнулась.

Каменный свод терялся в полумраке где-то высоко над головой. Стены — насколько мог охватить их глаз — были украшены резьбой.

Украшены? Скорее изуродованы. Ужасные монстры, искаженные страданием лица, извивающиеся в агонии тела... И повсюду изображение змеи.

— Что это? — содрогнувшись, спросила Соня.

Ментаптэ ответил не сразу. Его красивое лицо казалось озаренным каким-то таинственным внутренним светом. В глазах горел иступленный восторг, губы беззвучно шевелились. Скрестив на бурно вздымающейся груди руки, он жадно созерцал зал, буквально упиваясь открывшимся ему зрелищем.

В этот миг Соня безоговорочно поверила всему, что этот странный человек рассказывал о себе. Смотреть на святилище черного Сета такими глазами мог только истинный потомок жрецов этого зловещего божества.

У одной из стен до сих пор стоял алтарь — большой черный камень с желобком для стока крови. Посреди зала находился бездонный колодец — место, куда сбрасывали обескровленные тела жертв, догадалась Соня. Над колодцем вздымались две медные змеи. Их высоко поднятые головы соприкасались, длинные тела перевивали друг друга. Одна голова была змеиной, другая — женской. Женское лицо неземной, страшной красоты глядело на Соню, будто живое. Неожиданно Соне показалось, что статуя моргнула.

— Уйдем отсюда,— сказала Соня нарочито громко, чтобы разрушить царившую здесь тишину.

Ментаптэ вздрогнул, как человек, пробужденный от сна.

— Прошу вас,— обратился он к Соне мягким, ласковым голосом,— не спешите...

— Я хочу уйти,— повторила она.

— Вы не можете уйти просто так... без жертвы.

— Что вы имеете в виду? Я должна прыгнуть в этот ваш проклятый колодец?

— О нет, разумеется, нет. Одна капля крови — вот и все. Коснитесь окровавленным пальцем этого алтаря — Сет сочтет вашу жертву достаточной.

Соня пожала плечами. Спорить с этим безумцем было бессмысленно, а убивать его не хотелось. Было в нем что-то привлекательное, несмотря на всю увлеченность мертвым богом.

— Сет не мертв,— сказал Ментаптэ, внимательно наблюдавший за Соней.

— Что?

Соня была уверена в том, что не имеет привычки размышлять вслух. Во всяком случае, последнюю фразу она явно произнесла про себя. Однако он услышал.

— Никаких чудес,— улыбнулся Ментаптэ.— Нетрудно было догадаться, о чем вы сейчас думаете. Об этом думает любой, оказавшись на вашем месте. Сет — мертвое божество, а этот Ментаптэ, потомок его жрецов, помещан на былой славе своих предков, не так ли?

Чуть смущаясь, Соня кивнула:

— Почти.

— Вот видите. Я не умею читать чужих мыслей... пока.

Соня не обратила внимания на это странное «пока». Ей хотелось как можно скорее покинуть это жуткое место. Она вынула из-за пояса кинжал, чтобы сделать надрез на пальце и покончить с ритуалом, которого требовал от нее Ментаптэ. Но тот вдруг схватил ее за руку.

— Умоляю!..— прошипел он.— Умоляю вас, дайте мне!.. Я — жрец! Я обязан сделать это сам!

Явив недюжинную силу, он подтащил Соню к алтарю и быстро уколол ей палец тонкой золотой иглой, которую незаметно вытащил из своего тюрбана. Несколько капель крови упало на алтарь и почти мгновенно впиталось в черный камень.

Соня не верила своим глазам. Но следов на камне не осталось. Камень всосал кровь, словно изголодался по теплой влаге человеческой жизни.

— Я ухожу.— Соня решительно вырвалась из рук безумца и направилась к ходу. Ментаптэ больше не удерживал ее. Он стоял перед черным алтарем, разведя в стороны руки в широких шитых золотом рукавах и подняв голову к одному из изображений змеи, вырезанных на стене. Губы его беззвучно шевелились.

* * *

Как ни удивительно, но ночь Соня провела совершенно спокойно, без сновидений, и проснулась отдохнувшей.

— Может быть, потому, что женщина не должна месяцами спать на голой земле,— ворчала Соня, разглядывая себя в зеркало.

Зеркало было плохонькое, мутное, с трещиной в углу, но его было вполне довольно, чтобы рассмотреть выразительное лицо Рыжей Сони, обрамленное копной огненных волос. Она тщательно расчесала их и заплела в косу, а затем обернула голову тюрбаном.

Было раннее утро. Солнце уже встало, заливая весь Карос яркими лучами. Соня спустилась во двор, желая навестить Подружку, и вдруг замерла. Звериный инстинкт проснулся в ней, настойчиво требуя одного: бежать! Еще ничего не случилось, но Соню охватило предчувствие страшной беды.

Она огляделась по сторонам, машинально хватаясь за рукоять ножа, с которым не расставалась. Но во дворе никого не было.

Спустя миг над городом пронесся низкий гул, и сильный ветер пригнул к земле деревья, громынул черепицами крыш, заставил беспокоиться лошадей в конюшне и выть двух бродячих псов, бродивших под забором в поисках объедков.

Соня прижалась к стене гостиницы, стремясь уберечься от ветра, готового, казалось, подхватить ее и завертеть в бешеном вихре. Однако ветер почти сразу стих.

И тотчас же над городом начала расти тень. Она становилась все больше и больше и постепенно накрыла собою весь Карос. Воцарилась серая тьма. Теперь ни былинки не шевелилось

во всем городе. Казалось, ничто здесь не ворохнется — настолько властным было это черное безмолвие.

Но и это длилось недолго. Спустя несколько минут тень рассеялась, будто ее и не было. И сразу же запели птицы, залаяли собаки, раздались людские голоса. Соня с облегчением перевела дыхание. Ей почудилось, что неведомая злая сила, только что сжимавшая ее горло, ослабла хватку и разжала пальцы.

— Ха-ха, госпожа, наверное, испугалась? — слышался рядом голос маленького сморщенного слуги.— Оно и немудрено, откуда госпоже знать про Серую Тень Великой Пирамиды!

— Что за Серая Тень? — отозвалась Соня. Она действительно была напугана, но ей вовсе не хотелось признаваться в этом какому-то болтливому слуге.— Что творится у вас в городе?

— А, это происходит каждое утро, на рассвете, когда тень от Пирамиды достигает определенной длины. Все уже привыкли, никто не обращает внимания. Только приезжие, новички, только они — ох как иной раз пугаются! А никакого страха нет, никакого вреда нет, ни людям, ни животным, ни товару! Оттого купцы и наезжают к нам, в Карос, и ничего не боятся.

— Не болтай.

— Слушаюсь. Каждый день на рассвете на одно мгновение дух умершего бога Сета воскресает и выглядывает из своей гробницы. Это и есть Серая Тень. У нее нет силы, одно только любопытство...

— Дух умершего бога? Любопытство? Да знаешь ли ты...— начала было Соня и замолчала, прикусив губу. Какая разница, был ли этот человек в Пирамиде и видел ли он страшный черный алтарь! Соне вдруг показалось, что маленький слуга знает куда больше, чем выбалтывает.

— Вот так-то, госпожа! Вот так-то, красавица! А страха тут никакого нет. Я бы присоветовал вам одно место, там продают и шелк, и полотно, и красные нитки для вышивания, и стеклянные бусы для украшения, и притирания для глаз... Ежели угодно...

— Отвяжись.

Соня решительно зашагала к воротам. Ей вовсе не хотелось слушать бессмысленную болтовню маленького человечка, который все время словно намекал на что-то, так усиленно и выразительно подмигивал он ей сморщенным черным веком.

* * *

Ментаптэ снова и снова перечитывал старинную книгу, хотя рассказ, записанный древними иероглифами на пожелтевшем от времени пергаменте, знал уже почти наизусть. И все же каждый раз эта история странно волновала его, заставляла сильнее биться сердце.

Несколько тысяч лет назад... То были века могущества Ахерона, века поклонения Сету, великому змею, воплощению первобытной тьмы, первобытной силы и первозданного ужаса. Пирамиды создавались не как гробницы — это пред-

ставление о них возникло значительно позже, когда жрецы-некроманты начали свои поиски источников власти. Нет, пирамиды изначально были хранилищем огромной силы.

При строительстве здесь действительно приносились человеческие жертвы. Тысяча молодых воинов с черными, как эбеновое дерево, телами, сильных, стройных — все они добровольно легли на плиты, чтобы быть замурованными в стенах Великой Пирамиды. Их духи навечно остались здесь — бессменными стражами и слугами Сета.

Но они спали, и как разбудить их — об этом книга молчала.

Напрасно Ментаптэ перечитывал ее раз за разом — тщетно. Несколько страниц недоставало — там, вероятно, и помещался полный текст необходимого заклинания.

Ментаптэ со вздохом отложил книгу, подлил масла в светильник и растянулся на циновках. Молодому жрецу едва сравнялось тридцать лет, но древняя кровь, текущая в его жилах, словно состарила его раньше времени. Рассказывая Соне о себе, Ментаптэ не солгал: он действительно принадлежал к жреческому роду Стигии. Его предки читали нараспев заклинания, вызывающие духов, приносили жертвы на черном алтаре, служили Змею Пустыни. Память о них не давала Ментаптэ покоя. Сейчас, когда со всех сторон надвигаются зверобоги, жалкие подобию духовных властителей древности, как никогда прежде необходимо воскресить былую славу истинных, исконных богов! И Сет — не последний среди них.

Ментаптэ фыркнул: «Не последний!» Сет — первый! Разве не он — первое порождение Праматери-Тьмы?

А эти жалкие еретики, ничтожества, возомнившие себя жрецами, учредили в Луксуре культ какого-то Сабиха, бога-крокодила, и приносят ему в жертву молодых собак, телят и косы девственниц. Смешно!

Птейон погряз в поклонении богу-павиану — как бишь его? Эти звериные имена даже в памяти не задерживаются. Чем, интересно, умиловливают своего божка птейонские жрецы? Связками бананов?

О великий Сет, прости мне эти мысли!

Свое призвание Ментаптэ обрел далеко не сразу. Его семья жила торговлей. Дед молодого жреца был одним из тех, кто основал город Карос — поначалу как торжище на подходах к предместьям Кеми, эдакую «ловушку» для купцов, передвигающихся по караванным дорогам.

Прошло немало лет, прежде чем Ментаптэ узнал — от отца — о своем происхождении. А затем заезжий караванщик продал ему эту книгу...

Она стояла целого состояния, но Ментаптэ без сожаления расстался с небольшим домом, где жил с наложницей и двумя чернокожими слугами; продал он и слуг, и наложницу. Отныне его жильем сделалась Великая Пирамида, а жизнь его посвящена изучению культа великого Сета и служению этому божеству — единственному истинному богу Темной Стигии.

После той первой книги были и другие, содержащие сведения о Сете и его служителях. Кое в чем эти сведения дополняли друг друга, кое в чем отрицали, создавая неразрешимые противоречия.

И вот теперь эта рыжеволосая чужестранка!.. Какая-то связь... какая-то связь...

У входа в жилище Ментаптэ кто-то заскребся. Погруженный в свои размышления жрец не сразу услышал это и очнулся от раздумий только после того, как кто-то почти бесшумно вошел в комнатуху. Ментаптэ подскочил на циновках.

— Кто здесь?

— Я, господин,— ответил пришелец, низко кланяясь.

— Ты, Биджаз?

Маленький сморщенный чернокожий человек ухмыльнулся, обнажив в усмешке свои желтые кривые зубы.

— Разумеется.

Ментаптэ сел, потер виски. Бросив взгляд на масляную лампу, он понял, что заснул: огонь погас, масло прогорело.

— Сколько времени прошло?

— Сколько времени прошло после... чего, господин? — хихикая, осведомился человек.

— Неважно.

Слуга подал Ментаптэ глиняный горшок, накрытый крышкой.

— Откушайте сперва нашей похлебки. А вот здесь, в тряпице,— лепешки.

— Когда ты приучишься приносить хлеб в чистой тряпке,— проворчал Ментаптэ, однако

принял подношение и принялся поглощать его. Он изрядно проголодался.

— О господин, я буду делать все, как ты велишь... А ты не забудешь меня в своей великой державе Сета, не так ли? Ведь 'ты не забудешь маленького Биджаза, который воровал для тебя продукты, чтобы ты мог спокойно изучать свои великие книги?

Ментаптэ невнятно промычал что-то. Маленького слугу это отнюдь не смутило. Он давно привык вести долгие бессвязные монологи и почти не надеялся услышать ответ.

— Ну, господин, продвинулся ли ты в постижении своей тайны?

— Какое тебе дело, червяк? — отозвался наконец Ментаптэ, отодвигая от себя пустой горшок.

— Большое дело, — возразил, ничуть не смутившись, Биджаз. — Ведь это я направил сюда рыжую девку...

Ментаптэ заметно вздрогнул.

— Она ведь была здесь, не так ли? — продолжал человечек. — Она входила в зал жертвоприношений и глаза Сета видели ее?

— Да, — ответил наконец Ментаптэ. — Почему ты знаешь, что она — та, кого мы ищем?

— О господин! Ты сказал «мы»! Я счастлив! Воистину, мы двое — ты и я — мы последние адепты великого бога, и мы вместе ищем...

Ментаптэ топнул ногой:

— Не забывайся, насекомое! Помни, кто ты и кто — я.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Биджаз схватил пустой горшок, прижал его к животу и согнулся в низком поклоне. Однако исподлобья он поглядывал на Ментаптэ, и если бы молодой жрец мог видеть глаза маленького слуги, он бы глубоко задумался: Биджаз явно насмехался.

— Она остановилась в «Веселом ведре», господин, — добавил маленький слуга, пятясь спиной к выходу. — Там ты найдешь ее... если пожелаешь. — Биджаз нащупал спиной дверь и открыл ее. Полоска вечернего света проникла в полутемную комнату. Ментаптэ понял, что день миновал и приближается ночь. — Выслушай напоследок совет ничтожного насекомого, господин, — прошепестел голос маленького чернокожего слуги уже из-за двери, — привяжи эту рыжеволосую сучку к себе. Привяжи ее к себе тем, чем обычно привязывают сучек... Заставь ее полюбить себя.

Ментаптэ швырнул в дверь туфлей. Дверь беззвучно затворилась.

* * *

Соня проснулась среди ночи оттого, что в комнате кто-то был. Не выдав своего пробуждения ни единым движением, она несколько мгновений лежала совершенно тихо, стараясь даже дышать, как спящая. Да, инстинкт не обманул ее: в гостиничной комнатке на втором этаже действительно затаилась какая-то темная неясная тень.

Очень осторожно Соня нащупала кинжал, который хранила под подушкой. Холодная сталь

успокаивающе легла в ладонь. Теперь девушка почувствовала себя куда увереннее.

Резким движением она вскочила на ноги, держа перед собой кинжал.

— Кто ты? — крикнула она тени.

Тень метнулась из стороны в сторону, словно ища спасения. Соня колебалась: метнуть кинжал и пригвоздить незваного гостя к стене? Убить? Поймать живым и допросить? Если это всего лишь местный воришка, нелепо будет лишать его жизни за попытку обокрасть путешественника — к тому же такого, как Соня, почти неимущего.

Неожиданно тень глухо, жалобно застонала, протянула к Соне руки и упала на колени.

Соня отступила на шаг, все еще держа кинжал наготове. Она опасалась ловушки.

— Что тебе нужно? — повторила она. — Кто ты?

— Со... ня... — прошептал тихий голос, от которого у Сони по спине побежали мурашки. Ледяной ужас стиснул ее сердце. Ей показалось, она узнала голос из сновидения — Голос Дальней Тревоги.

— Клянусь Кобылицей! — воскликнула Соня. — Исчезни, тварь!

— Со... — прошелестел голос. И внезапно ощущение чужого присутствия оставило Соню. В комнате была она одна. Темная тень исчезла.

Проклятье! Опять сон? Соня уколола себе палец кинжалом и вздрогнула, ощутив боль. Да нет же, это явь! Но куда исчезло существо, которое обращалось к ней по имени?

Достав трут и кресало, Соня зажгла маленькую глиняную лампу, скудно заправленную плоским рапсовым маслом. Комната озарилась слабым дрожащим светом. Здесь действительно никого не было. Ставни закрыты и заперты изнутри на щеколду, дверь тоже не открывается с первого толчка, хотя замок, конечно, слабенький...

Какие глупости! Нет здесь никого. Да и какой вор, простите, залезет в комнату, где заведомо спит хозяин того имущества, которое бедняге вздумалось прикарманить? Кражу лучше совершать днем, пока путник отсутствует — торгует, покупает или бродит по улочкам Кароса, где ох как есть на что поглазеть...

Почудилось. Да, Соня перепутала сон с явью. Вот единственное объяснение всему, что с ней случилось.

Отчасти успокоенная этой мыслью, она снова села на кровать и убрала кинжал под подушку. Надо погасить лампу и ложиться спать. А завтра... Завтра она, пожалуй, последует совету маленького нахального гостиничного прислужника и отправится в лавки — посмотреть на шелка и украшения. Говорят, это успокаивает нервы и развлекает любую женщину. Даже такую, как Рыжая Соня.

* * *

Но утро принесло с собою только новые тревоги. Посмеиваясь над своим ночным испугом, Соня оделась и уже затянула пояс с кинжалом, как вдруг замерла в изумлении. Что там, в углу?

Быстрым шагом Соня подошла к окну и запахнула ставни. Тотчас же шум дневной суеты хлынул в комнату. Внизу конюх шумно ругался со слугой какого-то купца, остановившегося в гостинице на первом этаже. Слуга находил, что конь его господина находится в ужасном состоянии, он не кормлен, не поен и не чищен — за что только конюх выпросил третьего дня у бедного, доверчивого купца сразу два аквилонских золотых! И ведь было заплачено! За что? За безделье!

Конюх, разумеется, приводил свои аргументы. Послушать конюха, во всем виноват нерасторопный слуга.

Где-то слышался зычный голос туранского торговца, который кричал, чтобы ему седлали коня.

Внизу, на кухне, гремел котлами повар. Аппетитный запах тушеного мяса донесся до Сони, и она невольно раздула ноздри. Готовили в «Веселом ведре» и впрямь отменно.

Соня ощупала кошель, висевший у нее на поясе рядом с кинжалом. Довольно тощий после того, как она заплатила за гостиницу, но все же не совсем еще пустой.

И все же... что это там, в углу?

Странно. Соне совсем не хотелось смотреть на это. Даже любопытство не могло пересилить этого нежелания. Почти против своей воли она приблизилась все-таки к этому месту и наклонилась над бесформенной черной тряпкой, брошенной в углу. Соня готова была дать руку на

отсечение, что, когда вечером она ложилась спать, этой тряпки здесь не было.

Взяв тряпку в руки и расправив ее, она вздрогнула: это была черная кожа, целиком снятая с человека, как чулок. На месте глаз и рта зияли провалы, но все остальное: пальцы рук и ног, даже волосы — курчавые, вьющиеся — были в сохранности.

Соня выронила кожу, как будто та обожгла ей руки. Что за мерзость!

Сжав губы, она вновь подошла к окну. Неожиданно ей показалось, что бросить все и бежать из этого проклятого места будет обыкновенной трусостью. Какие-то темные силы явно бросали ей вызов. Чего они хотели от нее? Замыслили ли погубить ее или же хотели перетянуть на свою сторону?

И так ли темны эти силы, чтобы ненавидеть их и стремиться уничтожить?

* * *

А лавки в Каросе и впрямь хороши и богаты. Одно наслаждение бродить по торговым рядам, перебирая шелковые ткани самых разных цветов — и лазурных, как море, и желтых, как яичный желток, и красных, как кровь... Торговцы встречали ее, низко кланяясь и расхваливая свои товары, и даже когда Соня уходила из лавки, ничего не купив, желали ей доброго дня и удачных покупок.

В других лавках Соня прикладывала к шее и ушам ожерелья и серьги из жемчугов, корал-

лов, резного эбенового дерева, редчайших туранских изумрудов и слоновой кости.

Торговцы парфюмерией охотно показывали ей свой товар, подводили черной тушью светлые глаза Сони, с помощью особой кисточки и щеточки придавали ее бровям то удивленное, то суровое выражение, красили ее рот в кроваво-красный цвет, отчего Сонино лицо приобрело оттенок чувственности, румянили ее слишком бледные, на их взгляд, щеки...

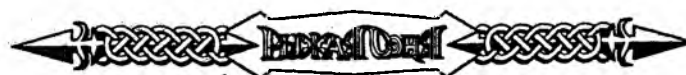
Когда же и в этой лавке Соня не сделала ни одной покупки, торговец в отчаянии всплеснул руками и преподнес ей подарок: маленький флакон в виде поднявшейся на хвосте кобры. Соня понюхала: благовонное масло.

— Одна капля, госпожа, нанесенная на волосы или между грудей,— и ты станешь неотразимой для мужчины, которого изберешь для утех. О, он решит, что это он тебя выбрал, но ты-то будешь знать, какова истина! Поверь мне, прекраснейшая.

Соня улыбнулась. Хотя ее и одолевали тягостные мысли, весьма далекие от развлечений и покупок, торговец косметикой сумел развеселить ее. Она попыталась представить себе здесь, в Стигии, мужчину, которого захотела бы пленить... и неожиданно образ Ментаптэ властно встал перед ее внутренним взором.

Поспешно она вышла из лавки, сжимая флакон в кулаке.

Почему она вспомнила о молодом жреце давно уснувшего бога? Несомненно, он хорош собой,

но... И этот пьянящий, сводящий с ума запах густого масла, заточенный в маленьком сосудике... с чего бы торговцу делать такие подарки? Соня почти не сомневалась, что и сосудик, и благовоние — очень дорогие вещи.

Долго не раздумывая, она зашла в соседнюю лавку. Торговец, сухощавый человек с огромным носом и пронзительными черными глазами, уставился на нее так пристально, словно хотел спросить: «Ну а вы в каком преступлении пришли сознаться, моя милая?»

— Чем могу быть полезен госпоже? — осведомился он скрипучим голосом.

— Я получила подарок от одного... мужчины,— слегка запнувшись, заговорила Соня.

— Так, так.— Торговец облокотился о прилавок и шевельнул своим огромным носом.— Думаю, об этом вам лучше рассказать вашей матушке, прекраснейшая.

— Я просто хотела попросить вас посмотреть — действительно ли это дорогая вещь. Видите ли, мне неловко принимать подарок, если он стоит дороже пяти медяков... Ведь это означает, что я должна...

— Ну, это уж не мне решать, что вы там должны мужчине, который делает вам подарки, превосходнейшая,— оборвал торговец.— Впрочем, я охотно выполняю вашу просьбу. Я — величайший знаток самых разнообразных товаров, ибо в своей жизни торговать мне приходилось и шелками, и сосудами, и изделиями из стекла и глины, и драгоценностями, и благовониями, и...

— Именно о благовонии и идет речь, хвала Кобылице! — обрадованно сказала Соня, прерывая излияния торговца. — Вот, взгляните. Дорого ли стоит эта вещица?

Торговец взял сосудик и поднес к самым глазам. Несколько минут он вертел его и так и эдак, колупал ногтем, стучал о нему пальцем даже пробовал на зуб, но скривился и быстро оставил эту попытку. Затем, в целях более точной экспертизы, вынул из-под прилавка большое увеличительное стекло и навел его на сосудик.

При этом лицо торговца оживленно двигалось: нос шевелился, губы кривились, лоб то и дело бороздили морщины.

Наконец он снял крышечку и понюхал масло.

— Да, моя дорогая и блистательная, — обратился торговец к Соне, — если вы думаете, что что-то задолжали этому мужчине, то выбросьте из головы подобные мысли. Конечно, я не ваша мать и не ваша наставница, но на правах старшего и умудренного годами испытаний могу дать совет: если этот человек предложит вам супружество — откажите. Подарок его стоит от силы три медяка, да и то не во всякий базарный день. Это грошовый сосудик самой кустарной и примитивной работы. Сейчас таких не делают — вот единственное, что заставляет думать, будто он представляет какую-либо ценность, но в былые годы такими сосудиками была наводнена вся Стигия. Не было грошовой потаскушки, у которой в комнате не стояла бы

такая кобра. Можете мне поверить, блистательная! Что до масла, то это дешевка. Не вздумайте пользоваться им. К тому же оно прогоркло. Станный запах.

— Мне не показалось... — начала было Соня. — То есть я хочу сказать: по-моему, запах как запах. Здесь, кажется, любят сильные, тяжелые ароматы.

Торговец сморщил нос:

— Прошу вас, сверкающая! Я вас умоляю! В запахах я понимаю куда больше вашего! Масло прогоркло! На вашем месте я выбросил бы эту безделку и забыл о ней, а того мужчину навсегда бы изгнал из своего сердца и мыслей! Впрочем, ваша воля со мной не соглашаться. К сожалению, советы просят для того, чтобы им не следовать.

С этими словами он вернул Соне флакон и отвернулся, явно обиженный до глубины души. Соня заверила его в том, что непременно воспользуется полученным советом, и совершенно искренне поблагодарила за разговор.

Она вышла из лавки на яркое солнце и прищурилась. Выбрасывать флакончик она не собиралась. Конечно, вещица грошовая... но иногда и на последний грош можно купить лепешку или краюху хлеба!

* * *

— Она взяла! — Голос маленького сморщенного человечка дрожал от возбуждения. — Она взяла! Сработало, господин, сработало!

Ментаптэ полулежал в своей убогой темной комнате, а слуга приплясывал перед ним, то приседая, то бегая взад-вперед, то внезапно останавливаясь и хлопая себя ладонями по бедрам.

Вся комната была окутана сладко пахнущим дымом, поднимавшимся над курильницей.

Ленивым движением Ментаптэ подбросил туда еще горстку ароматических углей, и новая струя дыма заволокла его, точно обвив лентой.

— Что ты кричишь? — осведомился он у слуги недовольным тоном. — Я созерцал мое божество, я пребывал в иных временах, и иные прислужники воздавали мне почести... О, что я видел! Позолоченные черные храмы, вереницы девственниц, чьи груди умащены благовонными маслами, а лбы хранят кровавую печать жертвенности... Длинные позолоченные тела змей, извивающиеся в темных коридорах... Танцовщицы в пышных одеяниях цвета пурпура и расплавленной меди, обнаженные по пояс, с живыми змеями в руках и косах... Звон колокольчиков, гром барабанов... пронзительная песня флейты...

Молодой жрец опустил веки и вновь погрузился в свой транс, где мог созерцать картины былого величия Сета.

Но Биджаз сделал попытку вырвать его из этих сладких грез.

— Очнитесь, господин мой! Вернитесь на миг в этот бранный, в этот отвратительный умирающий мир! Это ведь ненадолго — всего лишь на миг. Если вы не выполните своей миссии, утонув в сладких мечтах о былом, то это былое

никогда не вернется к нам в своем прежнем блеске и великолепии!

Однако одурманенный своими видениями Ментаптэ не слышал слов слуги.

— Проклятье, — пробормотал Биджаз, обращаясь больше к самому себе, — этот самонадеянный молодой болван, кажется, накурился какой-то дряни или нанюхался испарений черного лотоса и теперь глух к голосу рассудка! Что же мне делать? Эдак он проспит истинное величие, удовлетворяясь фальшивым и иллюзорным!

Схватив кожаное ведро, Биджаз выбежал из комнаты.

Колодец находился довольно далеко от Великой Пирамиды. В былые времена служители Сета брали воду непосредственно в самой Пирамиде — рассказы о подземной реке не были ложью. Там, в земных глубинах, стояли черные прозрачные воды и текли медленные реки, никогда не видевшие солнечного света.

Однако маленький черный слуга не решался спускаться туда... во всяком случае, пока. Вместо этого он направился к самому обычному земному колодцу — глубокой скважине в земле, обложенной камнями и закрытой каменной крышкой.

Пыхтя и ругаясь, Биджаз налег на каменную крышку и сдвинул ее в сторону. Хотя колодец и считался общественным, брать из него воду чужакам не позволялось, и любой местный житель мог жестоко покарать черного коротышку из города за кражу воды. Поэтому Биджаз спешил. Быстро опустив в колодец ведро, он несколько раз воровато

оглянулся и только после этого вытащил ведро. Почти бегом возвратился в обиталище Ментаптэ.

Там ничего не изменилось. Молодой жрец по-прежнему оставался во власти своих видений. Не раздумывая, Биджаз окатил его потоком колодезной воды.

Ментаптэ вскочил, рыча от ярости, как дикий зверь.

— Негодяй! Как ты смеешь врываться ко мне! Я прикажу перерезать тебе глотку! Клянусь, я так и сделаю!

Извиваясь в руках Ментаптэ, Биджаз завизжал:

— Это я, господин! Я, Биджаз! Ваш преданный слуга! Я принес хорошие вести, господин!

Сознание медленно возвращалось к Ментаптэ. Он разжал руки и выпустил маленького человечка, который тотчас скорчился на полу у его ног и захныкал.

— Вот награда за верную службу! Я приношу вам пищу — заметьте, совершенно бескорыстно! Я слежу за вашим домом, чтобы здесь не шлестались чужаки! Я направляю к вам разных... гм... кого требуется. А сегодня я пришел с доброй вестью — и вот получил по заслугам! Меня едва не задушили!

— Ты вбежал ко мне как угорелый и окатил водой, — проворчал Ментаптэ. — Я не сразу узнал тебя. А и придушил бы — невелика потеря.

— Кто окатил водой господина? — Биджаз изумленно вытаращил глаза и поворачивал ими. — Я?! Как такое могло прийти в голову столь ученому, столь умному человеку?

— А кто же, по-твоему, вылил мне на голову вот это ведро? — в свою очередь удивился Ментаптэ.

— Понятия не имею, — невозмутимо заявил карлик. — Может быть, господин сам... из-за жары и духоты... решил освежиться... и...

Ментаптэ махнул рукой. В своем полубредовом состоянии, в которое погрузили его пары черного лотоса, он плохо понимал, где явь, а где грезы. В конце концов, оно и неважно, чьих рук было делом это злополучное ведро. Главное — Биджаз прибежал с какой-то доброй новостью, и Ментаптэ готов внимать ей.

— Так что ты хотел сообщить мне? Ради чего оторвал от моих... э... научных размышлений?

— Она взяла благовония! Все прошло как по маслу. Я как бы мимоходом заметил нашей огненноволосой приятельнице, что неплохо бы ей побродить по лавочкам, развеяться, посмотреть главную достопримечательность Кароса — его торговые ряды. Она, видимо, и не собиралась этого делать — у нее, пожалуй, и денег-то почти не водится... Знаю я таких... гордых... — Биджаз слегка приосанился. — Но я сумел... э... слегка коснуться ее сознания... Ну, ерундовая штучка, она даже не заметила. Не думаю, чтобы люди в наше время умели распознавать такие вещи.

— Так ты колдун? — Ментаптэ проницательно поглядел на Биджаза. — Что-то я прежде не слышивал от тебя такого.

— Что вы, господин! Какое тут колдовство! — спохватился расхваставшийся Биджаз. Упоенный

успехом, он не сразу сообразил, что выдал слишком много. — Просто я... удачно сумел подобрать слова. Она поверила... Ей захотелось прогуляться по торговым рядам — вот что важно, а вовсе не то, каким образом я этого добился. А там ей сразу попался на глаза Набиз...

— Набиз?

— Один человек. Господин его не знает. Это один... друг.

Ментаптэ расхохотался, глядя на разволнованного сморщенного черного слугу.

— У тебя могут быть друзья? Впервые слышу. Ну, ну, продолжай. Это становится любопытным.

— Набиз предложил ей в дар флакончик с благовониями... теми самыми.

Ментаптэ нахмурился, вспоминая. Биджаз ждал, затаив дыхание. Наконец морщины на лбу Ментаптэ разгладились.

— Ты и твои сообщники подсунули ей приворотное зелье?

Карлик усердно кивнул несколько раз.

Ментаптэ громко расхохотался.

— Теперь она у нас в руках! — воскликнул он, хлопая Биджаза по спине.

— Истинно, истинно вы говорите, мой господин, — угодливо поддакнул карлик. И прикрыл глаза, пылавшие ярким, злобным огнем.

* * *

— Ты говорил с ней? Что она сказала? Ты рассказал ей о нас? Что ты открыл ей? Не испугается ли она?

Голоса шелестели в темноте, как опавшие листья. В недрах земли, глубоко под Великой Пирамидой, в мрачных сырых лабиринтах, построенных руками рабов страшного бога-змея Сета, звучали эти бесплотные, полные страдания голоса.

Кому они принадлежали? Ментаптэ не знал этого. Одни книги утверждали, будто в лабиринтах Великой Пирамиды томятся неуспокоенные духи храмовых воинов, павших в бесчисленных сражениях, которые Стигия вела с соседними державами в годы своего могущества. В других древних манускриптах содержались совершенно иные сведения. Так, «Книга семнадцати деяний Птэ, верховного жреца Сокрытого и Точащего Яд», сообщала о грандиозных жертвоприношениях отборных юношей не старше двадцати лет, которые добровольно отдали свои жизни Сету и легли под жертвенные ножи, — это было в те дни, когда Великая Пирамида только создавалась.

Из их крови, выпущенной на землю, берет свое начало подземная река. Так утверждает манускрипт.

Более поздний свиток — «Отпечаток красной ладони жрицы Аннуэ» — содержит, помимо гимнов, составленных этой жрицей, заметки о подземной реке и ее духах. Багрянорукая Аннуэ, превосходная певица и танцовщица, поэтесса, одна из величайших жриц Сета, говорит о печали, охватывающей всякого, кто хотя бы прикоснется к этим водам. «Слезы девственников,

которые никогда не узнают мужской ласки, стоны матерей, разлученных с детьми, затаенные вздохи воинов, тоскующих по родине и возлюбленным,— ничто по сравнению с печалью черной воды подземной реки,— писала Аннуэ.— Вся скорбь мира заключена в этой черной жидкости... вода ли это? Кто ответит мне!»

Ментаптэ никогда не касался вод подземной реки. Он не знал, чем была вызвана знаменитая вечная печаль Багрянорукой Аннуэ. Быть может, виной тому подземная река... Быть может! Не стоило рисковать.

Голоса, раздающиеся в темноте, давно уже не пугали молодого жреца. Он знал, что они бессильны. Древние могущественные чары держали их в заточении здесь, в подземном лабиринте. С великим трудом, подвергая свою жизнь страшной опасности, Ментаптэ удалось пробудить их к жизни — для этого он испробовал не одно заклинание. Теперь у него были собеседники — бесплотные, бессильные, изнемогающие под бременем тоски и вечности, но все же собеседники.

— Ты говорил с ней о нас? Что она сказала?

— Тише! — прервал Ментаптэ шепот, раздающийся со всех сторон.— Нет, она ничего не знает о вас. Иначе, думается мне, она не станет нам помогать. Я предпочел держать ее в неведении.

— Ты уверен, что это — она? Та самая?

— У нее огненные волосы, она — молодая посвященная кого-то из новых богов... возможно, Рыси. Все совпадает! — объяснил Ментаптэ терпеливо.

Настала полная тишина. Потом чей-то голос проговорил нараспев — почти простонал:

— «И явится на зов молодая Рысь, и будет как пламя ее грива, и будет она Львицей, и станет она Огнем, и освободит...»

— Ш-ш-ш... — зашипело со всех сторон.

Голос умолк. Ментаптэ содрогнулся. Он никогда не видел своих бесплотных собеседников. Иногда он сомневался в том, что они вообще имеют какие-либо тела. Но иной раз — как сейчас — ему чудилось, будто они принимают облик клубка змей.

Вода подземной реки еле слышно плескала в отдалении. Ментаптэ стоял в пещере, вдыхая ее влажный воздух. Ноздри его трепетали, когда он улавливал слабый запах водорослей.

— Я почти уверен в том, что нашел ее,— сказал он, чувствуя, что его внимательно слушают.— Мои друзья устроили так, что она получила в дар флакон с благовониями, замешанными на воде здешних источников... Капля ее крови осталась на жертвеннике Великой Пирамиды. Кроме того, я посылал за ней сон, я призывал ее сюда... Она — посвященная, не следует забывать об этом. Посвященные не пренебрегают вещими снами, особенно если такие сны повторяются из ночи в ночь. Она придет.

— Она придет! Она придет! — зашептались голоса. В них слышались и страх, и ликование.

— Да, она придет. И тогда мы... сделаем то, чего ждем уже не первый год,— подтвердил Ментаптэ.— Ждите же. Осталось недолго.

Он повернулся и вышел из лабиринта. Голоса за его спиной перешептывались и переговаривались.

* * *

Когда Соня возвращалась обратно в гостиницу, солнце уже садилось. Длинные тени легли на пыльные улицы и глиняные стены домов Кароса. Постепенно смолкали голоса людей. Матери звали детишек домой ужинать. Через город прошло стадо коз, возвращавшихся с выпаса. Скрипели колеса тележек — купцы развозили по складам и домам товар, не нашедший сегодня покупателя. Путники спешили в гостиницы и харчевни — подкрепиться и отдохнуть.

Дневная жара сменилась приятной прохладой. Соня шла медленно, перебирая в памяти все события сегодняшнего дня, начавшегося со странного ночного кошмара, обернувшегося черной кожей, снятой с человека — кстати, куда эта кожа подевалась? Соня только сейчас задумалась над этим. Чья-то дурная шутка? Но чья? В этом городке у нее не было знакомых.

Кроме Ментаптэ. Соня тряхнула головой. Нет, молодой жрец Сета не способен вытворить такое. Просто потому, что он — человек совершенно иного полета.

Хозяин гостиницы? Глупо. Не станет же он отбивать постояльцев.

Больше ничего на ум не приходило. Ладно. Соня решила оставить темную историю с ночным видением до лучших времен. Тем более

что она не была до конца уверена в увиденном. Возможно, большая часть утреннего происшествия ей просто приснилась.

Соня была уверена в том, что разгадка всех этих странных событий и якобы случайных встреч близка. Предчувствие редко обманывало ее, особенно когда речь заходила о подобных вещах.

— Соня! Соня!

Она вздрогнула и остановилась. Кто-то подкрался к ней сзади — так незаметно, словно не обладал плотью или возник за ее спиной из воздуха. Ничем иным невозможно было объяснить столь внезапное появление неведомого собеседника. Любого обыкновенного человека, даже искусного следопыта и шпиона, умеющего ходить беззвучно, словно бы ступая не по земле, а в нескольких дюймах над ней, Соня бы услышала.

— Соня! — в третий раз окликнули ее.

Она медленно обернулась, одновременно с тем нащупав рукоятку кинжала на поясе.

Нищий. Тот самый, что предостерегал ее в самый первый день. Как он говорит? «Уезжай, здесь очень страшно»?

— Что тебе нужно? — спросила Соня, стараясь говорить хладнокровно.

Но как она ни старалась, спрятать свой испуг до конца ей не удалось.

— Ты ходила в Пирамиду, — произнес нищий. Это был не вопрос, а утверждение. — Ты говорила со жрецом. Он взял у тебя волосы...

— Каплю крови, — поправила Соня, решив, что скрывать от этого человека правду не име-

ет смысла. К тому же он может что-то знать...— Я оставила на алтаре каплю крови. Жрец объяснил мне, что таковы правила.

— Правила! — воскликнул нищий. — Какая чушь! Много он знает о правилах Великой Черной Пирамиды!

Соня с удивлением посмотрела на него. Мало того, что ему было известно ее имя — да и не только имя, он ведь знал все, что происходило с ней в Каросе! — он выказывал осведомленность в тайных культах Сета.

— Кто ты? — невольно вырвалось у нее. — Скажи мне! Уже не в первый раз ты останавливаешь меня. Кто ты такой? Ты следил за мной? Что тебе нужно от меня?

— Слишком много вопросов сразу, — проговорил нищий. — О, слишком много вопросов... Нет, Соня, нет... Я...

Его смуглое тонкое лицо вдруг исказилось, словно от боли. Мгновением спустя он зажал рот ладонями.

Поверх ладоней глянули его черные глаза, наполнившиеся вдруг нечеловеческим страданием. С тихим шипящим звуком нищий осел на землю и поник головой.

— Что с тобой? — воскликнула Соня. Она опустилась на колени возле неподвижного тела и слегка коснулась его рукой.

И едва не вскрикнула.

Плоти под пальцами она не ощутила. Только пустая человеческая кожа, еще теплая, бесильно лежала перед ней в пыли.

* * *

Кадаху, стражнику из личной охраны богатого птейонского купца, сегодня сказочно везло. Купец, утомленный долгим путешествием и трудными переговорами об аренде одной из самых лучших лавок Кароса, давно уже почивал. Он остановился в «Мельнице и Быке» — это была старая гостиница, где стояли широкие мягкие кровати, подавалось только выдержанное вино, где слуги были немые — от рождения или с отрезанными языками, чтобы постояльцы могли вести разговоры, не опасаясь, что прислуга сможет их выдать.

У Кадаха был выходной день. Он оставил господина мирно спать под охраной сменщика, а сам отправился бродить по харчевням. В «Веселом вепре» он решил осесть. Там шла бурная игра в кости. Кадах обыграл нескольких местных жуликов, что придало ему уверенности в своих силах, после чего подсел за стол к рыжеволосой женщине, сидевшей в одиночестве над кружкой местного вина. Судя по цвету вина, женщина разбавила его водой. Она невозмутимо потягивала свое питье, наблюдая за окружающими рассеянным взглядом. Похоже, ее заботило что-то совсем далекое от происходящего вокруг.

— Замечталась, красавица? — обратился к ней Кадах, шлепаясь на табурет напротив рыжеволосой. Он улыбнулся как можно шире, стремясь завоевать доверие собеседницы сразу.

Соня устремила на него пронзительный взор. Рука ее скользнула к поясу и нащупала рукоятку кинжала.

— Если и замечталась, то не о тебе,— отрезала она.

— Обо мне мечтает другая,— заверил ее Кадах.— Я так... поболтать, выпить винца. Ты ведь одна, без спутника?

— Да,— сказала Соня.— Но пусть это тебя не обольщает. Я *всегда* одна... пока мне этого хочется.

— Можно мне выпить с тобой? — примириительно произнес Кадах.

Соня окинула его взглядом с головы до ног. Рослый широкоплечий детина, судя по всему — гирканец, с простоватым, рубленным лицом. Но глаза... глаза холодные, оценивающие. Глаза убийцы.

— Ты охранник в купеческом караване? — небрежно спросила Соня.

— Именно,— хохотнул Кадах. И, видя, что Соня не прочь завязать с ним знакомство, не принужденно заорал на весь зал: — Эй, ты! Принеси кувшин вина! И не такого пойла, как обычно, а хорошего!

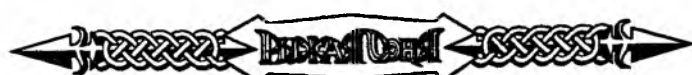
— У нас все вино хорошее,— обиженно произнес маленький сморщенный слуга, появляясь возле столика как по волшебству.

— Самого лучшего! — лихо выкрикнул Кадах.

— Господин! — с видом оскорбленного достоинства изрек черный Биджаз.— У нас все вино *самое лучшее!*

— Тогда неси любого,— сдался Кадах. И, откинувшись к стене, гулко захохотал.

Улыбнулась и Соня. Ей не хотелось идти наверх, в свою комнату, и оставаться наедине с

непонятными сновидениями, мучительными предчувствиями, тревожными голосами, которые звучали не то извне, не то в глубине ее сознания.

Здесь же все было просто: кувшин вина, простодушный жизнерадостный детина собеседник, стук игральных костей.

Вскоре Кадах уже поведал ей, доверительно ухмыляясь и скаля зубы, что обязанности его сводятся не только к охране персоны купца.

— У него пять жен, Рыжуха,— рассказывал Кадах, потягивая вино.— Вообрази себе! Пять! И все налитые, красотки как на подбор! Бедра — так и укусил бы, глазки как у лошадок. Поглядит эдак строптиво, головой мотнет, подвесками и серьгами как зазвенит — у меня аж сердце заходится! А купец — он же старый. Ему и одной жены многовато... Этих держит для фасону. Чтобы видели и завидовали.

— И с которой же из них ты завел любовь? — спросила Соня улыбаясь.

Кадах захохотал:

— Со всеми пятью! Сочные, ласковые, отзывчивые красавицы! Они сами между собой решают, которая из них придет ко мне, когда купчина захрапит. А уж я их не обижаю, поверь.

За таким приятным разговором Кадах выиграл у Сони несколько серебряных монет. Когда же она объявила, что прекращает игру, взмолился:

— Не уходи! Нынче такой уж вечер... Не хочется оставаться без доброй компании.

— А как же купеческие жены? — спросила Соня.— Неужто решил их оставить?

— Нет... Мне назначила сегодня встречу старшая, Вайба. Смуглая, как персик, не ходит — плывет по воздуху... Купец ее хорошо откормил. Погладишь — тело так и играет под ладонью...

Он невольно облизнулся, думая о предстоящем свидании.

— Так иди к ней! — сказала Соня. — Вижу, тебе не вмоготу. Зачем ты томишь себя здесь, в харчевне? Я тебе не пара...

— Это точно. Мужчине я не смог бы рассказать всего, что говорю тебе... Слушай! Она ждет меня после второй стражи. До этого срока купец держит ее у себя. Старшая жена ночует у него в шестой день луны. Так заведено.

— Коротаете время? — спросила Соня.

— Не обижайся! — воскликнул Кадах. — Это правда... Сыграй со мной еще. Может быть, тебе сейчас повезет.

— Я не стану больше играть на деньги, — решительно заявила Соня. — Иначе мне придется уехать из Кароса завтра утром, а это никак не входит в мои планы.

Она пошарила в кошелье и вдруг нащупала флакончик с благовониями, который подарили ей сегодня утром в лавке.

— Вещица грошовая, но хоть какую-то цену она имеет. — Соня поставила флакончик на стол.

Кадах повертел его в пальцах, открыл крышку, придиричиво понюхал тягучее содержимое судика.

— Приятный запах, — не без удивления констатировал он. — Хорошо, будь по-твоему. Ставлю против твоей змейки два серебряных.

— Идет.

Они бросили кости несколько раз. Кадах почти виновато посмотрел на Соню.

— Я опять выиграл...

— Что ж, мне в самом деле пора спать, — вздохнула Соня. — Бери свой выигрыш. Пусть твоя ночь будет приятнее моей.

Кадах сунул флакончик в кошель на поясе, похлопал Соню по плечу и вышел в черную ночь.

* * *

— Она пришла! — Биджаз приплясывал от возбуждения на пороге жилища Ментаптэ. — Вот она!

Ментаптэ застонал во сне и вдруг, разом пробудившись, рывком сел на своем аскетическом ложе.

— Кто пришел?

— Ты ждал ее? Вон она идет! Слышишь?

Ментаптэ прислушался. Ничего, кроме неумолчного стрекотания цикад, не доносилось до его слуха.

— Я ничего не слышу, — сердито заявил он, снова укладываясь на постель. — Глупый старый Биджаз! Совсем уже утратил рассудок! Что за дурацкая фантазия — ворваться ко мне среди ночи с криком о том, что кто-то якобы пришел!

— Говорю тебе, господин мой, она идет! Я слышу ее! Неужели ты настолько глух? — Маленький черный слуга устремил на Ментаптэ

презрительный взгляд.— Впрочем, о чем я! Конечно, ты ничего не слышишь. Ты же глух... Я слышу ее внутренним ухом.

Ментаптэ помрачнел:

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Помни, кто вытащил тебя из грязи! Кто поручился за тебя, когда стража уже волокла тебя к помосту, чтобы отрубить тебе за воровство правую руку! А кто устроил тебя на работу в «Веселого вепря»? Быстро же ты забыл обо всех благодеяниях, которые я оказал тебе!

— Я ничего не забыл,— огрызнулся карлик.— Ничего.

В последнее слово он вложил столько ненависти, что Ментаптэ вздрогнул. Может быть, впервые он посмотрел на Биджаза пристально, с истинно человеческим интересом.

— Так ты ненавидишь меня? — тихо спросил он.

— Я презираю тебя за бесхребетность и слепоту, за полную глухоту, за неумение распознавать истину и отделять ее от шелухи житейской неправды... Но это неважно, господин мой, ибо превыше моего презрения и моей боли — служение великому Сету. А ты служишь ему... на своем месте. И пока ты служишь ему — я твой раб, если этого требует *мое* служение.

— А когда оно перестанет этого требовать?

Биджаз пожал плечами:

— Кто знает, чего захочет от меня наш бог! Может быть, я оставляю тебя на произвол твоей страшной судьбы... а она страшна, не сомневайся, Ментаптэ, ибо ты замахнулся на истинное

величие! И горе тебе, если твоя роль окажется тебе не по плечу! Может быть, я убью тебя... Не знаю. Тише! — перебил он сам себя.— Говорю тебе, она идет.

Теперь уже и Ментаптэ различал чьи-то легкие шаги на песке. Действительно, кто-то приближался к двери.

Биджаз взял со стола масляную лампу, запалил ее и выбежал из комнаты, освещая себе дорогу.

За дверью Ментаптэ слышал негромкий разговор. Биджаз что-то говорил — видимо, сыпал приветствиями и добрыми пожеланиями. Вот уж этого добра у маленького чернокожего слуги всегда под языком навалом! Голос неизвестной женщины отвечал неуверенно и тихо. Незнакомка о чем-то спрашивала. Она говорила медленно, точно во сне.

Наконец дверь распахнулась, и в комнату вбежал Биджаз, неся над головой горящую лампу. Следом, неуверенно, будто во сне, вошла невысокая смуглая женщина с ладонями, выкрашенными охрой. Глаза ее, неестественно широко раскрытые, блуждали по сторонам, в углу большого чувственного рта выступила слюна.

— Кто это? — требовательно спросил Ментаптэ у карлика. Он видел, что разговаривать с женщиной не имеет смысла — она находилась в трансе. Безумная? Находится под воздействием колдовских чар? Откуда она взялась? И кто навел на нее эти чары?

— Говорит, что ее зовут Вайба, господин,— отвечал карлик.

— Откуда она взялась? — сквозь зубы процедил Ментаптэ.— Проклятье! Я хочу знать, зачем она явилась сюда!

Биджаз передернул острыми плечами с самым дерзким и независимым видом:

— Тебе видней, господин. Для чего эта женщина явилась к тебе посреди ночи?

Ментаптэ схватил его за плечи и сильно встряхнул, словно тряпку. Голова карлика мотнулась. Биджаз жалобно пискнул, точно птица, попавшая в сеть.

— Не болтай чепухи! Ты прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю! Должна была прийти та, рыжеволосая! Мне нужны рыжие волосы, огненные! Мне нужна кровь Рыси! А это кто, я тебя спрашиваю? Почему она здесь?

— Спро... си... ее! — выдохнул полузадушенный карлик.— И отпусти меня наконец, господин! Иначе я умру и не смогу больше приносить пользу — ни тебе, ни великому Сету, не говоря уж о бедном маленьком Биджазе, которому тоже нужна эта самая польза! Ох как нужна, господин!

Тяжело дыша, Ментаптэ ослабил хватку. Карлик выскользнул из его рук, уселся на пол и, обхватив руками голову, принялся громко причитать:

— Бедный я, несчастный! Невезучий я! Никогда не видел я в жизни радости! Всяк мною помыкает — и все оттого, что рожден я черным, что рожден я карлой, что рожден я сморщенным, как стручок! На беду зачали меня, в

жестокий час исторгло меня материнское чрево! И родители мои были рабами, а повитухой стала черная лисица, что шастает меж кладбищенских холмов!

— Замолчи! — рявкнул Ментаптэ.— Что за глупости!

Женщина между тем, тихонько напевая, прошла по комнате. Ее тяжелые серьги еле слышно позвякивали. Босые ноги ступали бесшумно по земляному полу, однако ножные браслеты звенели при каждом ее шаге. Неожиданно она вскинула руки, показав красные от охры ладони, и принялась танцевать перед Ментаптэ, покачивая полными бедрами. Волна чувственности против воли молодого жреца захлестнула его. Он застонал сквозь сжатые зубы.

Женщина смотрела прямо на него распахнутыми темными глазами, однако, казалось, совершенно его не видела. Она кружилась и кружилась, изгибаясь всем телом, под слышную только ей музыку. Ментаптэ начала бить мелкая дрожь. Карлик довольно захихикал.

Наконец женщина завершила свой танец и остановилась, тяжело дыша. Ее лоб и живот покрылись испариной.

Ментаптэ шагнул к ней и коснулся ее живота кончиками пальцев, точно желая собрать эту драгоценную влагу. Женщина громко застонала и изогнулась под этим прикосновением.

— Возьми ее! — пронзительно закричал карлик.— Возьми ее! Сейчас не поздно! Луна стоит высоко, ее белый глаз устремлен на тебя!

Ментаптэ с трудом перевел дыхание и отшатнулся от женщины, словно она вдруг превратилась в чудовище.

— Нет! Как ты смеешь!.. Я потеряю всю свою силу!

— Ты так думаешь? — засмеялся карлик. — Ты не маг! Ты ничего не можешь! Ты истомил себя девственностью, ты иссушил себя! Настоящий маг не думает об этом. Настоящий маг берет тех женщин, которых хочет, и сила его только прибавляется от этого.

— Значит... я... не настоящий маг... — еле выговорил Ментаптэ. Его язык заплетался. — Мне это безразлично. Я должен... взять ее кровь...

Он схватил Вайбу, старшую жену купца, за руку и повел за собой в подземный ход. Она следовала за ним безмолвно и покорно, точно животное. Ей было все равно. Она помнила, как приходил к ней Кадах, ее любовник, охранник старого глупого мужа, как подарил ей благовония в сосудике в форме змеи — очаровательная безделушка в старинном стигийском стиле... Потом... кажется, она наложила благовония себе на брови и уши.

И настала тьма. Затем она помнила себя на дороге к Пирамиде. Ее немного удивило, что она идет одна, без провожатых, без служанок, пешая... ночью... по пескам... Но впереди росла черная пирамида, ее силуэт неудержимо влек ее...

А затем зазвучала музыка. Вайба поняла, что должна танцевать. Ее охватило плотское желание. Рядом находился мужчина. Она чувствовала,

ла, что он отвечает на ее зов. Он был готов взять ее прямо там, где она танцевала, но потом передумал. Он повел ее куда-то... куда-то, где любовь будет еще слаще.

Огромная пещера, украшенная множеством изображений змеи. А! Вот и змейки, точь-в-точь напоминающие ту, которая содержала в себе благовония. Улыбка тронула губы Вайбы. Она потянулась было к этим изображениям, но мужчина мягко подвел ее к ложу из черного камня и осторожно уложил.

Она вытянулась, запрокинула голову, ожидая того, что должно за этим последовать. Она была счастлива. И когда жертвенный нож перерезал ей горло, она ощутила острое неземное блаженство.

* * *

...Теперь голосов было множество. Мириады пляшущих огоньков метались в темноте. Они обступали Соню со всех сторон и звали ее на все лады: умоляя, заклиная, требуя.

Соня вытягивала перед собою руки, пытаясь обороняться от их нашествия, но тщетно: те огоньки, к которым она прикасалась, не были ни горячими, ни холодными. На ощупь они были никакими. Их попросту не существовало...

И все же они были здесь — яркие, тревожные. Голоса звучали из середины этих таинственных искорок:

— Соня! Соня! Помоги нам, Соня! Приди, Соня! Дай нам свет, Соня! Дай нам покой!

Неожиданно вспыхнул яркий свет. Соня огляделась по сторонам и обнаружила, что находится в роскошном дворце. Стены просторного зала, посреди которого стояла Соня, были облицованы полированным алебастром. Под потолком висел орнамент из золотых змей, сплетенных хвостами. Высокие белые колонны также были обвиты золотыми змеями. Посреди зала, простирая к Соне руки, стоял высокий чернокожий человек, облаченный в просторные белоснежные одежды и золотые браслеты. Его лицо вдруг показалось Соне знакомым. Он открыл рот, чтобы заговорить с ней, но мучительная гримаса исказила его черты.

Соня закричала... и пробудилась.

Бледный рассвет уже пробивался сквозь щель в ставнях. В комнате, кроме Сони, никого не было. Со двора уже доносились какие-то звуки: слуги проснулись и приступили к своей обычной работе.

Спать больше не хотелось. Соня села на постели, заплела свои роскошные рыжие волосы, задумалась. Кто насылает на нее эти сны? Чего хочет от нее хозяин этих беспокойных сновидений? Чего он добивается?

Ответ таился в недрах Великой Черной Пирамиды. У Сони не было в этом никаких сомнений. Посвященные учат: понять волю чужого чародейства можно лишь одним путем — полностью отдавшись на волю того, кто насылает чары. Однако здесь необходимо тонкое чутье и крепчайшая сила воли, чтобы вовремя уловить то

последнее мгновение, когда требуется остановиться и поставить чужой магии свои заслоны.

Соня чувствовала себя в силах остановить чужую руку и разрушить козни врага в самом его логове.

Но для этого требуется попасть в это самое логово...

Ментаптэ?

Она тряхнула головой. Хотя бы и так! В молодом жреце немало привлекательного, кто станет отрицать, но все же таится в этом человеке какая-то гнильца, какая-то неприятная, жутковатая тайна.

Возможно, он только мнит себя верховным жрецом, а на деле является игрушкой в руках другого... или других.

Соня спустилась вниз и заказала завтрак: лепешку, прожаренную на масле, и кружку козьего молока.

Беспокойные мысли не оставляли ее. Эти сновидения приходили к ней не просто так. Кто-то упорно пытался заговорить с ней, используя такой необычный способ. Почему? Неужели нет другой возможности?

Неожиданно Соня поняла: этой ночью что-то случилось. Что-то страшное, непоправимое. Потому и сон, обычно просто тревожный, сегодня был почти невыносимым.

Она отодвинула от себя опорожненную кружку, обтерла рот и встала.

В этот момент в «Веселом ведре» показался еще один ранний посетитель. Это был Кадах.

Он явно был не в себе. Глаза его блуждали, загорелое лицо казалось пепельно-серым от бледности, одежда забрызгана грязью.

— Боги! Ты здесь!..— выговорил он с трудом, буквально падая на скамью напротив Рыжей Сони.

— Я собиралась уходить,— ответила Соня холодно. Ей не улыбалось провести утро в компании похмельного наемника.

Но Кадах страдал вовсе не от похмелья.

— Несчастье! — сказал он.— Какое несчастье!

Его серьезный тон и глаза, полные отчаяния, заставили Соню взглянуть на него более внимательно.

— Что случилось? — требовательно спросила она.

— Вайба, старшая жена господина...

— Та, которую ты собирался навестить нынче ночью?

— Да.

— Что же с ней случилось?

— Она исчезла! Могучие боги знают, я перерыл весь этот скверный городишко, заглянул во все притоны, во все кабаки, везде расспрашивал...— Кадах судорожно перевел дыхание.— Никто не видел ее!

— Подожди. Ты уверен, что она пропала? Может быть, она...

— Нет! Остальные жены также не могут найти ее.

— Что необычного было в ее... может быть, нового...— начала было спрашивать Соня и вдруг

прикусила губу. Ей показалось, что она начинает что-то понимать... скорее прозревать, поскольку облечь свои подозрения в слова она еще не могла.

— Нового? Ты спрашиваешь, что нового было в окружении госпожи? Да ничего, ровным счетом ничего!

— Кроме... флакончика с благовониями...— медленно проговорила Соня.— Кажется, понимаю... Как настойчиво пытался тот торговец всучить мне эти благовония! А когда я отказалась купить, сославшись на нехватку денег, подарил мне его — «от чистого сердца»...

Кадах дико посмотрел на Соню широко раскрытыми глазами.

— Какие благовония? О чем ты?

— О той безделушке, которую ты выиграл у меня в кости! Ты преподнес ее госпоже в ту же ночь, не правда ли?

— При чем тут безделушка! Говорю тебе, госпожа пропала! Мы сбились с ног! Господин безутешен, ведь Вайба — его любимая жена. Он взял ее в свой гарем, когда еще был относительно молод и мог спать с женщиной. Вайба — единственная, кто родил от него ребенка. Правда, это дочь...

— Замолчи! Ты подарил ей флакончик в форме змеи?

— Да, но какое это имеет значение...

— Отвечай на мои вопросы. Не рассуждай, Кадах. Я сама еще плохо понимаю, в чем тут дело. Просто чувствую, что что-то неладно с этими благовониями...

— Кого ты подозреваешь? — Кадах подскочил от волнения и с трудом удержался от того, чтобы схватить Соню за плечи и встряхнуть.

— Змея — символ древнего божества Стигии, Сета. Солнечная Рысь, моя покровительница, внушает мне глубочайшее отвращение к тайнам подземелий и недр Черной Пирамиды, но в то же время некая тайная сила неудержимо влечет меня туда...

— Черная Пирамида?

Как всякий наемник, Кадах был человеком практическим. Он слабо разбирался в божествах, древних и новых, ничего не знал о посвящениях, ритуалах и обрядах. Из всего, что проговорила Соня, он уловил лишь одно: госпожа, возможно, пропала возле Черной Пирамиды.

— Идем скорей туда! — воскликнул Кадах.

— Остановись, горячий ты человек! — возразила Соня. — Может быть, нас ждет там гибель! Нельзя бросаться в пасть зверя, не приняв сперва меры безопасности.

Но Кадах был уже на ногах и настойчиво тянул Соню за руку.

— Идем, идем, женщина! Я вижу, ты знаешь, о чем говоришь! Какие могут быть меры безопасности? Ты — со мной! Я сумею уберечь тебя от любой опасности. Да ты и сама, судя по тому, как хватаешься за свой кинжал, можешь постоять за себя. Идем!

Соня поднялась из-за стола. В самом деле, возможно, Кадах прав. Они ничего не выигрывают, сидя здесь и рассуждая.

Не успели они пройти и десятка шагов по улице, как кто-то начал их преследовать. Соня чувствовала пристальный взгляд чьих-то внимательных глаз у себя на затылке. Она невольно замедлила шаг. Но, как оказалось, и Кадах заметил непрошеного соглядатая.

— Иди как шла, — прошипел он сквозь зубы. — За нами следят.

— Знаю.

Они завернули за угол и оказались в тесном глухом проулке. Кадах обнажил меч и прижался к стене. Соня встала за его спиной, держа наготове кинжал.

Послышались легкие шаги, и в переулке показался высокий стройный человек, до самых глаз закутанный в просторное белое покрывало. Кадах метнулся вперед, занося руку с мечом, но Соня остановила его:

— Стой! Кажется, я знаю этого человека!

Незнакомец опустил покрывало с лица. Но Соня узнала его не по чертам, не по сложению и фигуре. От этого человека исходили странные флюиды. Несомненно, она встречалась с ним в Каросе уже несколько раз. И всякий раз он предстал перед нею в новом облиции. Поначалу он встретил ее в облике нищего, сидевшего под деревом возле «Веселого вепря». Затем он являлся к ней дрожащим рабом, молящим о помощи и пощаде, который непостижимым образом исчез, растворился в ночной темноте...

— Я знаю этого человека, — сказала Соня Кадаху не таясь, во весь голос.

— Соня,— проговорил странный пришелец.— Ты — Соня. Кто с тобой?

— Это Ка...— начала было Соня, но пришелец перебил ее:

— Тише! Не называй его имени, иначе я буду владеть им, как владею тобой.

— Наглец! Как ты можешь говорить, будто владеешь мной! — рассердилась Соня. Она не любила двусмысленностей, особенно такого дурного толка.

Однако незнакомец не обратил никакого внимания на ее праведный гнев.

— Я властен над твоими сновидениями, следовательно, владею и твоими мыслями,— пояснил он неторопливо.— А кто владеет помыслами человека, тот, можно сказать, владеет и самим человеком. Поэтому я не хочу знать имени твоего спутника. Скажи лишь: друг он или враг?

— Друг,— не раздумывая ответила Соня. Кадах фыркнул, однако меча в ножны не убрал.

— Что тебе нужно, зануда? — спросил он у закутанного в покрывало незнакомца.

— Мое имя — Мардж-Са, что означает «Хозяин Сновидений», — невозмутимо отозвался незнакомец.

Кадах расхохотался:

— Хорошенькое дело! Мое имя он знать не хочет, чтобы, стало быть, не «овладеть» моими мыслями... А свое запросто называет первому встречному!

— Во-первых, это никак не может мне повредить.— Казалось, ничто не могло вывести из себя

этого незнакомого чернокожего человека, закутанного в белое покрывало.— Я Хозяин Сновидений, вы же — простые смертные. Силы слишком неравны, чтобы выходить на поединок с вами. Кроме того, вы мне нужны. А во-вторых, вы — не «первые встречные». Я знаю эту женщину. Рыжая Соня — так ее зовут, о да. Много раз я встречал ее в своих сновидениях и всякий раз понимал все глубже: связь между нами крепка, Соня, она очень крепка. Ты спасешь меня... Ты, быть может, спасешь сотни погибающих душ!

— Ну а как насчет меня? — Кадаху не слишком понравилось, что он, мужчина, стоит тут, словно лишний, при мутном разговоре Сони с незнакомцем, и никому, кажется, нет никакого дела ни до внушительных мышц наемника, ни до его обнаженного меча.

Мардж-Са медленно повернулся к Кадаху и оглядел его с головы до ног:

— Грубая сила на защите чистоты помыслов? Неплохо. Будь.

Последнее понравилось Кадаху еще меньше.

— Я и так *есть*, будь ты неладен! — заревел он, замахиваясь на незнакомца мечом.— И твое позволение «быть» мне не требуется!

Соня решительно удержала его за руку:

— Успокойся, Кадах. Это жрец. У жрецов иногда бывает странная манера выражаться.

Весь красный от негодования, Кадах вложил наконец меч в ножны. Мардж-Са спокойно стоял рядом. Казалось, вся эта история его скорее забавляет, чем пугает.

— Вы закончили? — осведомился он. — В таком случае я могу ответить на твой вопрос, наемник.

— На какой еще вопрос? — проворчал Кадах, совершенно сбитый с толку. — Кажется, я не задавал тебе никаких вопросов!

— Ты хочешь знать, что случилось с той женщиной... кажется, ее звали Вайба?

Кадах подпрыгнул как ужаленный.

— Вайба? Откуда тебе известно об исчезновении этой женщины?

— А! Она исчезла! — Мардж-Са, казалось, чувствовал удовлетворение. — Стало быть, в ловушку попала не Соня...

— Говори яснее! — крикнул Кадах вне себя от нетерпения.

— Тише, друг мой. Будет лучше, если мы пройдем в мою убогую хижину и продолжим наш разговор там, — предложил Мардж-Са. — Вдали от посторонних глаз мы по крайней мере будем чувствовать себя спокойнее.

Кадах переглянулся с Соней. Та пожала плечами.

— Я не боюсь его, — проговорила она вполголоса. Этого оказалось достаточно, чтобы убедить наемника последовать за нею и Хозяином Сновидений по запутанному лабиринту узких улочек с глухими стенами и низкими глинобитными заборами.

Они прошли, казалось, совсем немного, но и Кадах, и Соня безнадежно заблудились, потеряв ориентировку. Вроде бы совсем небольшой го-

род Карос, а вот поди ж ты — Хозяин Сновидений умудрился запутать здесь своих спутников.

— Прошу, — с полупоклоном проговорил он, приотворяя низенькую резную деревянную дверь, которая вела в небольшой домик, крытый соломой.

Пригнувшись, Кадах, а за ним и Соня, вошли в дом. Мардж-Са осторожно закрыл за ними дверь.

Они очутились в полной темноте, однако Соня чувствовала какое-то странное дуновение воздуха. Казалось, внутри хижины значительно просторнее, чем это можно было подумать, глядя на нее снаружи.

И точно! Когда Мардж-Са зажег глиняную лампу и помещение озарилось дрожащим золотистым светом, Соня увидела, что находится посреди большого зала...

Она вздрогнула. Это был тот самый зал, который она видела в одном из своих снов. Облицованные полированным алебастром стены, белоснежные колонны, обвитые золотыми змеями... Да! Если не наяву, то в сновидении Рыжая Соня уже побывала здесь.

Кадах бесцеремонно плюхнулся в одно из кресел. Это было изящное кресло, сделанное из черного дерева, инкрустированное перламутром и слоновой костью и обитое шкурами леопарда. Вытянув мощные ноги в сандалиях, перетягивающих ремнями икры, Кадах вызывающе зевнул во весь рот.

— Так что ты хотел нам сообщить, Мардж?

— Мардж-Са,— мягко поправил Хозяин Сновидений.— Я хотел предложить вам немного вина и фруктов и рассказать о том, что случилось с пропавшей женщиной...

Он хлопнул в ладоши. Тотчас в зал откуда-то из бокового хода, забранного бархатным занавесом, вбежал слуга. При виде его по спине Сони пробежали мурашки. Слуга Хозяина Сновидений был бледен как полотно. В его лице не было ни кровинки. Огромные черные глаза смотрели мертво и пусто. В них не было ни зрачков, ни белков — сплошные темные провалы. Длинные белые пальцы, унизанные золотыми кольцами в форме змей, обвивающих руки, шевелились сами собой, точно жили самостоятельной, отдельной от их владельца жизнью.

Низко поклонившись своему господину, странный слуга замер.

Мардж-Са обратился к нему на каком-то неизвестном Соне языке, тихом и шипящем. Так могли бы разговаривать змеи, превратись они вдруг в людей, с содроганием подумала Соня. Видимо, сходные мысли посещали и Кадаха, потому что наемник, несмотря на всю свою показную браваду, побледнел и теперь сидел с зеленоватыми щеками и застывшей, будто наклеенной улыбкой.

Не отвечая ни слова, слуга еще ниже поклонился Хозяину Сновидений и вышел из зала, чтобы почти мгновенно возвратиться с большим серебряным блюдом, на котором стояли кувшин с узким горлом и несколько ажурных ваз с фруктами.

Мардж-Са протянул руку, и словно из пустоты перед ним возник тонконогий столик, на который слуга и поставил поднос. Ни Кадах, ни Соня не заметили, как слуга исчез — словно он растворился в воздухе.

— Прошу вас, друзья,— проговорил Мардж-Са.

— Ты что, будешь это есть? — с подозрением спросил Кадах у Сони.

— Да.— Соня не колебалась.— Он не станет нас травить.

— Возможно, он хочет нас одурманить.

— Не думаю. Не следует проявлять неуважения к хозяину. В конце концов, он хочет нам помочь или попросить нас о помощи.

И Соня решительно протянула руку к сочной грозди черного винограда.

Мардж-Са снова хлопнул в ладоши, и вновь перед ним появился белокожий слуга с золотыми перстнями. Однако — как заметила Соня — это был другой, не первый. Он был еще выше ростом, а волосы его, выкрашенные золотой краской, ниспадали на узкие плечи пышной волной. Соня даже не поняла, мужчина это или женщина. Одежда почти полностью скрывала тело слуги.

Мардж-Са распорядился о чем-то, и слуга поспешно выбежал из зала, шурша по мраморному полу босыми ногами. Вскоре он возвратился, держа за руку женщину, до самых глаз закутанную в покрывало. Она ступала неуверенно, будто была слепой или шла по скользкому льду.

Мардж-Са сдернул с нее покрывало, открывая обнаженное женское тело с пышными формами. Кожа женщины была неестественно бледной, а на горле багровела рана. Кровавая полоса казалась наклеенной на эту мертвую белую кожу.

— Вайба! — закричал Кадах, срываясь с места. Женщина не пошевелилась, словно не слышала.

Мардж-Са выбросил руку в сторону наемника, останавливая его властным жестом.

— Итак, это она — та самая пропавшая женщина, Вайба? — требовательно спросил он.

— Да! Но что она здесь делает? И... боги, что с ней такое? Она отравлена? Накурилась черного лотоса?

— Она мертва, — спокойно ответил Мардж-Са. — Ее заманили в ловушку. Как я уже говорил, в эту ловушку должна была попасть Рыжая Соня, Посвященная Солнечной Рыси.

— Благовония! — сказала Соня. — Какая-то пахучая мазь, хранившаяся в маленьком флакончике, сделанном в форме змеи... Мне подарил это один торговец в лавке, где продавали женские украшения и косметику...

Мардж-Са схватил Соню за локоть. У него оказались неожиданно сильные пальцы, так что синяк, подумала Соня, теперь обеспечен.

— Кто направил тебя в эту лавку?

— Направил? — Соня пожала плечами. — Я пошла бродить по городу, потому что меня одолевала мысли, и мне хотелось развеяться...

Но Мардж-Са не могло удовлетворить подобное объяснение.

— Это лежит на поверхности, — сказал он нетерпеливо. — Это то, что ты сама думаешь... На самом же деле все произошло иначе. Кто-то подсказал тебе... Кто-то дал тебе совет пойти туда... Кто-то внушил тебе, что это твое желание — отправиться за украшениями. Скажи, Соня, неужто ты часто делаешь это?

— Нет. — Теперь Соня задумалась по-настоящему. В самом деле! Не так уж часто приходило ей в голову заглянуть в торговые ряды, где продавались украшения для женщин и тем более мази, притирания и прочая дребедень. Соня была молода и красива без всяких ухищрений. К тому же она часто оказывалась в таких условиях, когда человеку лучше не источать запахов — тем более крепких и терпких ароматов стигийских благовоний.

— Нет, — повторила Соня, — я нечасто поступаю так... Стало быть, кто-то подсказал мне... А! — Ее лицо просияло. Она вспомнила! — Это был слуга с постоянного двора. Черный сморщенный малыш, большой пройдоха. Он что-то говорил мне насчет торговых палаток Кароса...

— Биджаз. Я так и думал. — Плечи Мардж-Са опустились, словно на них легла большая тяжесть. — Итак, этот негодяй начал забирать слишком большую власть. Он сумел внушить тебе несвойственное тебе желание. И почти достиг цели! Почти. Если бы тебе не встретился этот достойный воин, — Хозяин Сновидений покло-

нился Кадаху,— и ты не проиграла бы ему в кости этот злополучный флакончик... если бы он не преподнес благовония в качестве дара своей возлюбленной...— Мардж-Са коснулся мертвой руки Вайбы.— То теперь на месте несчастной Вайбы стояла бы Соня!

Несмотря на жару, по спине Сони пробежал холодок. Только теперь она начала сознавать, какой страшной опасности подвергалась. Цепь случайностей спасла ее!

— О, Рысь,— прошептала Соня,— о, солнце...

— Прикосновение яда, заключенного во флакончике, полностью лишает человека воли,— продолжал Хозяин Сновидений.— Оно внушает ему лишь одно стремление: идти к Черной Пирамиде и отдать свою кровь ножу жреца... А потом мертвое тело может бродить по земле... Так случилось и со мной — много лет назад. Так случилось со многими, кто томится сейчас на берегах подземной реки и ждет избавления. Ментаптэ, потомок жрецов Сета, жаждет обрести власть и вернуть бывшее величие своего бога, а для этого он предполагает использовать тела и души бесчисленных жертв Сета. Но я, Мардж-Са,— Хозяин Сновидений. Я могу ходить по земле, под солнцем. Отчасти я могу посещать сны других людей. Но случается так, что кто-то, кто сильнее меня, призывает мою душу во мрак... и тогда я исчезаю.

— Куда? — с живым любопытством спросила Соня.

— Не знаю,— тихо ответил Хозяин Сновидений.— Я перестаю *быть*. Но потом всегда воз-

вращаюсь... Первой возвращается боль, затем — зрение...

— А Вайба? — Кадах не сводил глаз с бывшей жены своего господина.— Неужели она мертва? Ведь она стоит, ходит... Наверное, может и разговаривать.

— Да, она понимает речь...— Мардж-Са произнес несколько слов на своем странном шипящем языке, и женщина повернула к нему голову. Хозяин Сновидений добавил еще одну фразу. Вайба шепотом ответила на том же языке.— Она говорит, что ей хорошо,— обратился Мардж-Са к наемнику.— Но это на самом деле не так. Бедняжка заблуждается. Просто она забыла обо всем на свете. Она не помнит даже собственного имени. Помнит лишь блаженство, которое испытала, отдавая свою кровь Сету...

Хозяин Сновидений коснулся ладонью макушки женщины, и та с еле слышным вздохом осела на пол. Когда Кадах подбежал к ней, на мраморном полу у ног Хозяина Сновидений лежала лишь пустая оболочка — белоснежная кожа и копна темных волос, перевязанных красной шелковой лентой.

Мардж-Са печально глядел на нее. Кадах пал возле кожи Вайбы на колени и, касаясь лбом пола, громко зарыдал.

Соня налила себе немного вина. Ей было не по себе.

Мардж-Са сочувственно наблюдал за Кадахом и Соней.

— Я понимаю, вам, смертным, трудно вместить подобные вещи... Однако что случилось, то случилось.

— Кто же ты такой? — спросила Соня. — Кто ты, меняющий обличия? Ты уходишь и приходишь, твой дух то жив, то мертв, и я часто видела тебя во сне в виде пляшущего огонька, который преследовал меня в темном лесу...

— Да, это был я, — подтвердил Мардж-Са. — Слушай же, Соня. Много столетий назад, когда Великая Черная Пирамида сверкала под солнцем отполированными плитами, по которым струилась свежая кровь жертв, я был огромным змеем, жившим в подземельях храма. Мне приносили девушек, чтобы я душил их и ел. И я душил их, и проводил сладостные жаркие ночи, обнимая их бессильные тела, а потом поглощал их, и они спали в моей утробе...

Соня содрогнулась.

— Это уж слишком, — прошептала она.

Но Мардж-Са не обращал внимания на ее испуг. Невозмутимо он продолжал:

— Шли века, и власть Сета ослабела. И меня изгнали из тела гигантского змея. Тело мое расчленили и погребли, и оно превратилось в подземную реку, а съеденные мною жертвы до сих пор оплакивают меня на берегах этой безрадостной реки... Я же скитаюсь то здесь, то там в обличии человека. Я давно забыл свою змеиную жизнь. Я хочу лишь одного: успокоиться навсегда.

— Какую же роль играет во всем этом Ментаптэ? — поинтересовалась Соня. — И зачем я ему понадобилась?

— Он ищет Молодую Рысь, которая оживит для него духов подземной реки, — пояснил Хозяин Сновидений. — Это пророчество записано в одной книге, которую он купил за огромные деньги у торговца древностями... Ментаптэ грезит былым величием своего умирающего бога. Твоя кровь, Соня, наполнит подземную реку огнем и жизнью. Это предсказано.

— Моя? — Соня в волнении прошла по залу. — Только моя?

— Любой Посвященной. Но сейчас в Каросе только одна женщина имеет это посвящение — ты. И Ментаптэ охотится за тобой. Ты должна прийти и лечь под нож добровольно. Одной капли не хватило...

— Понимаю. — Соня села в кресло, взяла с подноса сочный персик, но есть не стала. — У тебя есть план, Мардж-Са?

— Да. Врагов у нас двое: Биджаз и Ментаптэ. Кто из этой ядовитой парочки опаснее, сказать трудно. Ментаптэ — наследник древнего жречества, он владеет жреческим ножом, который проливает и выпивает кровь. Кроме того, он — хранитель Пирамиды. Но Биджаз хитер и умен. К тому же Биджаз не курит порошок черного лотоса...

— Следовательно, против силы и хитрости необходимо применять силу и хитрость, — заключила Соня.

Кадах недоверчиво переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Будь я проклят, если понимаю хоть слово,— зарычал он.— О чем это вы тут толкуете?

Соня положила руку на плечо наемника.

— Все очень просто, Кадах. Тебе надо подстеречь слугу с постоянного двора — того чернокожего сморщенного коротышку, который повсюду суетится, везде лезет с советами и непрерывно болтает.

— А! Помню такого,— проворчал Кадах.— И что я должен с ним сделать?

— Всего лишь убить,— просто сказал Мардж-Са.— Ни в коем случае не вступай с ним ни в какие разговоры. Пырни его ножом. Потом отнеси подальше, отрежь ему голову. Рот набей камнями. Голову брось в канал, где есть вода. Проследи, чтобы вода закрыла его веки.

— А с телом что делать?

— Да ничего. Брось свиньям или собакам. Главное — отрежь и утопи голову.

— Не так уж и трудно это сделать,— сказал Кадах.

— Да,— согласился Мардж-Са.— Главное, помни: не разговаривай с ним. Просто ударь ножом. Думай о ней.— Он указал на бессильно простертую Вайбу.— Ты же, Соня, должна уничтожить Ментаптэ. Помни: убить его может лишь его собственный жреческий нож.

Хозяин Сновидений воздел над головой тонкие черные руки, обвитые золотыми браслетами, и громко пропел какую-то молитву или

заклинание. Тотчас же и зал, и сам Мардж-Са, и тело Вайбы бесследно исчезли. Кадах и Рыжая Соня стояли посреди улицы, под палящим полуденным стигийским солнцем. Кругом ходили люди — женщины в черных покрывалах, полуголые ребятишки, степенные старики. Хижины Хозяина Сновидений не было и следа.

* * *

— И если ты, господин, думаешь, что Биджаз предложит тебе какую-нибудь потертую девочку, какую-нибудь холодную и скучную, как рыба, плоскую, будто лепешка, неумелую, как корова,— то плюнь Биджазу в глаза,— трещал слуга, бойко пробираясь по зловонным трущобам, выросшим за последние годы на окраинах Кароса.

Кадах с мрачным видом следовал за ним. Заставить черного карлика выйти с ним с постоянного двора и отправиться в куда-нибудь подальше от людских глаз оказалось проще простого. Наемник показал слуге серебряную монету и попросил найти ему девку поговорчивее. Биджаз, надо полагать, имел свои виды на простодушного наемника и потому охотно согласился оказать ему эту услугу.

Кадах старался не слушать, что плетет ему карлик. Главное — улучшить момент и ударить ножом.

— Вот этот дом, господин,— заявил наконец карлик, показывая на жуткую с виду лачугу с покосившимися стенами.— Здесь живут три сестры, и все три готовы встречаться с добрыми,

щедрыми и великодушными мужчинами день и ночь. Никто еще не уходил отсюда... обиженным.

С последними словами карлик забарабанил ногами в дверь лачуги.

— Эй вы, жабы! Отворяйте! Это Биджаз, ваш милый? славный дружок! Он привел к вам большого веселого мужчину! Вам будет хорошо!

Наконец дверь распахнулась. На пороге показались три девушки, как на подбор чернокожие, с иссиня-черными волосами, большими, странно светлыми глазами. Все три были очень маленького роста, почти карлицы. Уж не дочери ли Биджаза, подумалось Кадаху невольно. Или его сестры? Хорош карлик!

Маленький сморщенный человечек приплясывал от удовольствия.

— Глядите, жабки, какого я вам привел славного парня! Какой он горячий, какой... живой...

Даже не слишком впечатлительный наемник вздрогнул, услышав, с какой жадностью произнес Биджаз последнее слово. Пора, решил он и, ничего не говоря, ударил Биджаза ножом в горло.

Карлик испустил громкий булькающий звук и бесформенной кучей тряпья повалился на грязную землю. Кадах едва успел отскочить, чтобы его не забрызгала кровь, фонтаном хлынувшая из раны.

Против всякого ожидания? три девицы, высыпающие на улицу перед лачугой, даже не вскрикнули. Ни одна из них не переменялась в лице. Выпученными светлыми глазами они неподвижно таращились на мертвое тело карлика.

Кадах наклонился над трупом и двумя взмахами ножа отсек голову от туловища. Шея у карлика была тонкой, как у ребенка.

Голова покатилась в сторону. Преодолевая отвращение, Кадах поймал ее за волосы, ножом раскрыл мертвой голове рот и сунул туда несколько камней. Затем спихнул голову в канаву.

Едва вода коснулась век, как голова Биджаза начала двигаться, словно оживая и начиная свою собственную, потустороннюю жизнь. В тот же миг задержалось и обезглавленное тело. С ним происходили странные метаморфозы. Между пальцев рук вдруг выросли перепонки, живот стал толще. Ноги с непомерно большими ступнями судорожно подтянулись к животу, потом выпрямились, снова подтянулись...

Девицы с тупым любопытством наблюдали за этим изменением. Кадах переводил дикий взгляд с обезображенного трупа на затонувшую в грязи голову убитого. С головой тоже происходило нечто странное. Глаза вылезли из орбит, рот растянулся, будто разрезанный у щек ножом...

Мертвый Биджаз явил наконец свою истинную сущность. Он превратился в огромную черную жабу.

* * *

Беззвездная ночь повисла над Черной Пирамидой. Там, в ее недрах, Ментаптэ лежал на алтаре, окутанный парами черного лотоса. Картины былого величия вставали перед его глазами, словно живые. Они сменяли друг друга,

чередуюсь и никогда не повторяюсь. Ментаптэ не уставал наблюдать за ними. Сам он был центральной фигурой, главным действующим лицом всех происходящих в храме событий. Он был жрецом, верховным магом, хранителем и владыкой пирамиды... иногда ему чудилось, что сам он превращается в пирамиду и продолжает земное бытие уже в нечеловеческом облики.

От Биджаза не было вестей. Зато бесплотные тени принесенных в жертву девушек и юношей окружали Ментаптэ тесной толпой, выполняя любой его каприз. Снова и снова умирали они на алтаре — под ножом, в объятиях гигантского змея или замурованные заживо. Их поющие, шипящие, молящие голоса ласкали слух жреца.

И вот в этой бесконечной череде юных жертв появилась новая, полная горячей свежей крови. У нее были огненно-рыжие волосы, собранные в косу, перевязанную золотыми и алыми лентами. На лбу и висках девушки покачивались подвески в форме рысей, застывших в прыжке. Она была облачена в облегающую одежду из белого шелка. Разрез, доходящий до бедра, позволял видеть ее белые стройные ноги. Девушка была боса.

При виде новой жертвы Ментаптэ громко застонал от наслаждения. Его тело пронизывали судороги, словно молнии, когда он думал о том, как ее белое горло покорно изогнется под его рукой и живая сталь ножа соединится с горячей кровью, бегущей под этой нежной кожей.

Девушка начала ходить вокруг Ментаптэ по кругу. Молодой жрец, не шевелясь, смотрел на

нее. Он был не в силах отвести от нее глаз. Бесплотные тени со слабыми криками вились вокруг Рыжей Сони, однако она не обращала на них внимания. Ее взгляд был прикован к молодому жрецу.

Постепенно круги сужались, шаг убыстрялся. Вот она начала что-то напевать сквозь стиснутые зубы. Какая-то завораживающая мелодия, способная лишить воли. Посвященная! Юная, полная сил Рысь!

Приподнявшись на алтаре, Ментаптэ протянул к ней трепещущие руки. Жертвенный нож дрожал в его пальцах. Пары черного лотоса, истекавшие из курильницы, стоявшей у подножия алтаря, становились то гуще, то жиже.

Вот девушка приблизилась к жрецу. Он запустил пальцы в ее шелковистые волосы, осторожно вытащил из косы ленту. Прохладное душистое пламя ее волос на миг окутало его, и он задохнулся.

Соня затаила дыхание. Она знала, какую опасность таит в себе черный лотос. Наркотик! Несколько вдохов — и она, подобно Ментаптэ, перестанет отличать явь от реальности.

Скорее, скорее!..

Не переставая напевать, Соня бережно взяла Ментаптэ за руку и уложила его на алтарь. Он лег, потянул ее за собой, и она прикорнула рядом. Ментаптэ забормотал нежные слова. Он обожал эту женщину. Он обожал ее кровь, ее волосы, ее солнечную природу. Он жаждал обладать ею.

Медленно Ментаптэ поднял руку с ножом. Соня стиснула пальцы на его запястье. Ментаптэ застонал от этого прикосновения.

— Ты еще лучше, еще жарче, чем я думал,— пробормотал он.— Сет! Подземная река наполнится живой кровью! Она выйдет из-под пирамиды, зальет Карос и захлестнет Птейон! О молодая Рысь! Какая жгучая сила заключена в тебе!

Так. Можно позволить себе один вдох. В запасе останется еще один. Соня осторожно втянула в себя воздух сквозь сжатые зубы. Сладковатый аромат черного лотоса заполнил ее рот. На мгновение перед глазами расплылись темные и золотые круги.

Пора!

Резким движением она вырвала нож из руки Ментаптэ. Одновременно с тем левой рукой она схватила молодого жреца за волосы и отогнула его голову назад. Широко раскрытые темные глаза молодого жреца смотрели на нее восторженно, с бесконечной любовью и ожиданием. Соня не колебалась. Одним движением она перерезала жрецу горло.

Черная кровь хлынула фонтаном, заливая алтарь. Соня спрыгнула с камня и отбежала в сторону. Шипя, пузырясь и источая невыносимое зловоние, кровь Ментаптэ быстро исчезала в черном камне алтаря. Камень впитывал ее, как губка.

Соня почувствовала, что ее бьет крупная дрожь, и с трудом взяла себя в руки. Она потерла лицо ладонями, взывая одновременно к

Кобылице и Рыси — своим покровительницам, дабы они дали ей сил и спокойствия.

Когда Соня отняла от лица руки, она обнаружила, что в храме никого, кроме нее, нет. Бесплотные тени, кружившие здесь, точно бабочки, исчезли.

Только на камне алтаря в неестественной позе лежал скорчившийся труп Ментаптэ. Жертвенный нож остался торчать у него в горле.

* * *

— Ты храбрее меня,— признал Кадах, когда вечером того же дня они с Соней ехали прочь от Кароса и обменивались впечатлениями о случившемся.— Но и мне досталось! Я чуть не обмочился, когда этот мерзкий сморчок превратился в жабу. Интересно, эти девки — его дочери или сестры? Мне только сейчас пришло в голову, что он обращался к ним — «жабки».

— Может быть, дочери. А может, они из одного племени людей-лягушек... Я слышала, что в Стигии существовало такое,— отозвалась Рыжая Соня.

— Какая мерзость,— с чувством проговорил Кадах.

Вечерело. Наемник и Рыжая Соня продолжали путь, решив отъехать от Кароса на возможно более близкое расстояние. Они вообще стремились побыстрее покинуть пределы Стигии. Оба чувствовали, что сыты этой древней страной и ее зловещими тайнами по горло.

— Интересно, что случилось с Хозяином Сновидений? — спросила Соня.

— Спроси его, когда он явится к тебе во сне, — предложил Кадах.

— Думаю, теперь он обрел покой. В таком случае я больше его не увижу — ни во сне, ни наяву.

— Да, досталось тебе! — продолжал сочувственно Кадах. — Сперва эти тревожные сны, потом странные явления Мардж-Са, а под конец этот упырь с черной кровью... Я бы не сумел с ним справиться. Мардж-Са прав: ты умна и хитра. Ловко ты придумала — отвлечь его внимание храмовыми гимнами!

— Это был не гимн, — фыркнула Соня. — Просто колыбельная песенка, которую мама напевала мне в детстве.

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА

Прошлое сокрыто туманом легенд и преданий, и лишь отголоски его доносятся до нас, повествуя о героических деяниях людей, живших в ту эпоху. Атлант Кулл, киммериец Конан, гирканка Рыжая Соня — вот лишь некоторые имена героев, ставшие известными потомкам. Понять, какими были эти люди, что двигало ими, что они любили, ненавидели и к чему стремились, возможно лишь, если хорошо представлять себе ту эпоху, когда им довелось родиться, и мир, в котором они жили¹.

Об эпохе, названной немедийскими летописцами Допотопной Эрой, нам известно немного. Самые ранние исторические свидетельства рассказывают об упадке цивилизации, существовавшей до Великой Катастрофы. Наиболее влиятельными державами того периода были Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Туле и Коммория. Народы, их населявшие, говорили на одном языке, что свидетельствует об их общем происхождении.

Существовали тогда и иные государства, находившиеся на сходной степени развития, где обитали народы более древнего происхождения.

Варварами этой эпохи были пикты, жившие на островах, расположенных далеко в Западном океане; атланты,

¹ Здесь и далее курсивом выделены примечания издателя.

населявшие небольшой континент между островами пиктов и большим Турийским материком; а также лемурийцы, обитавшие на крупном архипелаге в Южном полушарии.

Обширные пространства оставались неисследованными. Цивилизованные государства, при всей их обширности, занимали весьма скромную часть поверхности планеты.

Самым западным царством Турийского континента была Валузия, самым восточным — королевство Грондар, чьи жители были менее цивилизованны, чем их соседи. К востоку от Грондара простиралась бесконечная пустыня, безлюдная и дикая.

Там, где земля была более щедрой, в джунглях и отрогах гор, жили примитивные первобытные племена. Далеко на Юге существовала таинственная цивилизация, не имеющая ничего общего с турийской — скорее всего, дочеловеческая.

Восточные побережья континента населяла другая раса, также не турийская по происхождению. Время от времени с ней вступали в контакты лемурийцы; раса эта происходила, по-видимому, с загадочной, вечно покрытой туманом земли, лежащей к югу от Лемурийских островов.

Турийская культура клонилась к упадку. Армии Турии состояли по большей части из варваров-наемников. Полководцами, политиками, а нередко и правителями турийских государств становились пикты, атланты и лемурийцы.

О междуусобицах и стычках, о войнах между Валузией и Комморийей, о том, наконец, как атланты покорили часть старого материка и основали там державу, — легенд для потомков осталось куда больше, чем достоверных исторических свидетельств.

А потом Катастрофа сотрясла планету. Ушли на дно Лемурия и Атлантида; Пиктские острова, напротив, поднялись и стали горными вершинами нового материка. Исчезли в волнах целые регионы Турийского континента, а в глубине материка образовались внутренние моря и озера.

Повсюду клочкотали вулканы, и чудовищные землетрясения обращали богатые города в груды развалин. Целые народы исчезли с лица земли.

Варварским племенам повезло больше, чем цивилизованным народам. Пиктские острова погибли со всем населением, но большая колония пиктов, основанная на южном границе Валузии для защиты ее рубежей, не пострадала. Поощаил катаклизм и континентальную державу атлантов: тысячи их соплеменников прибывали туда на кораблях, покинув погружающуюся в океан отчизну.

Многие лемурийцы спаслись на почти не потревоженном катастрофой восточном побережье Турийского континента. Там они попали под иго загадочного древнего народа. Их история на многие тысячелетия стала историей жестокого угнетения и рабского труда.

Изменившиеся природные условия в западной части континента привели к расцвету причудливых форм флоры и фауны. Густые джунгли покрыли равнины, бурные реки в своем стремлении к морю пробили глубокие ущелья, до небес поднялись горные массивы, а развалины древних городов, расположенных в некогда цветущих долинах, очутились на дне озер.

Со всех сторон стекались к континентальной державе атлантов стаи зверей и первобытных людей, обезьян и человекообразных, спасавшихся из затонувших областей. В постоянной борьбе за существование атланты сумели, однако, сохранить остатки своей варварской культуры. Лишенные металла и руды, они, подобно предкам, вернулись к обработке камня и преуспели в этом, но столкнулись с сильным народом пиктов.

Пикты также изготавливали кремниевые орудия, но их военное искусство развивалось быстрее, чем у атлантов. Пикты были расой многочисленной, хоть и примитивной, — от них не осталось ни рисунков, ни резьбы по кости — только отличное каменное оружие.

Две державы каменного века сошлись в битве, и после ряда кровопролитных войн пикты отбросили атлантов на уровень самого примитивного варварства, но и сами остановились в развитии.

Спустя пятьсот лет после Катастрофы государства варваров исчезли с лица земли. Пикты стали просто расой

дикарей, непрестанно враждующих с дикими племенами атлантов. И числом, и организацией пикты превосходили атлантов, распавшихся на разрозненные кланы.

Таков был Запад в эту эпоху.

На далеком Востоке лемурийцы, отрезанные от остального мира гигантскими горными хребтами и цепями великих озер, продолжали владеть рабское существование под пятой своих древних владык.

Отдаленные области Юга по-прежнему были сокрыты во мгле. Катастрофа их не коснулась, но этой земле еще не скоро спасению было сыграть свою роль в истории человечества.

Из цивилизованных рас Турийского континента сумели выжить остатки народа невалузийского происхождения. Эти люди жили среди холмов на юго-востоке и называли себя «земри».

По всему миру были разбросаны племена обезьяноподобных дикарей, ничего не знавших о возникновении и гибели великих цивилизаций. Но далеко на Севере постепенно складывалась новая раса.

Во время Катастрофы небольшая группа дикарей, по уровню недалеко ушедших от неандертальцев, в поисках спасения бежала на Север. Там они нашли заснеженную страну, населенную лишь воинственными обезьянами — сильными, обросшими белой шерстью животными, вполне приспособившимися к здешнему климату. Пришельцы вступили в борьбу с ними и вытеснили обезьян за Полярный круг — на верную, как им думалось, гибель. Но обезьяны выжили и там.

После того как войны пиктов и атлантов уничтожили то, что могло стать зачатком новой цивилизации, следующая, так называемая Малая Катастрофа, вновь преобразила материк. Цепь великих озер слилась в одно континентальное море, отделившее Восток от Запада. Землетрясения, наводнения и извержение вулканов довершили гибель варваров — гибель, которой они сами положили начало межплеменными войнами.

Через тысячу лет после Малой Катастрофы Запад представлял собой дикую страну джунглей, озер и бурных рек. На Юго-Западе между лесистых холмов бродили кочевые племена человекообразных, не знающих ни речи, ни огня, ни орудий — потомки атлантов, погрузившиеся в бездну дикости, из которой с таким трудом выбрались их предки. Там же, на Юго-западе, обитали племена выродившихся пещерных людей, говоривших на примитивном языке. Они по-прежнему называли себя пиктами, но сейчас это слово означало просто «человек» — чтобы отделить себя от животных.

Только это имя связывало пиктов с древней историей их племени. Ни выродившиеся пикты, ни обезьяноподобные атланты не вступали в контакты с другими народами.

На Дальнем Востоке лемурийцы, доведенные почти до животного состояния рабским трудом, подняли восстание, перебили своих угнетателей и стали вести первобытный образ жизни среди развалин загадочной цивилизации.

Остатки их поработителей, спасшихся от возмездия, двинулись на Юго-запад материка, где захватили на древнее государство и установили там свою власть. Культура победителей под влиянием культуры побежденных подверглась переменам. Так возникло государство, именуемое Стигией. Известно также, что исконных жителей этой страны осталось немного и завоеватели относились к ним с почтением.

Одновременно возрастало могущество народов Севера. Они называли себя хайборийцами. Божеством их был некий Бори — некогда великий вождь, который, согласно легендам, правил ими еще до того владыки, что привел их на Север в дни Катастрофы — в дни, что остались только в преданиях и сказках.

Хайборийцы распространились по Северным областям и стали неторопливо двигаться к Югу. До сих пор они не сталкивались с другими народами и воевали лишь между собой. Полторы тысячи лет, проведенных в снежной стране, сделали этих светловолосых, рослых людей вспыльчивыми и воинственными. Уже на этой стадии развития их культу-

ру отличала своеобразная природная поэтика. Жили они главным образом охотой, но южные племена уже в течение нескольких сотен лет занимались скотоводством.

Только один случай нарушил полную изоляцию хайборийцев от других народов — когда вернувшийся с Дальнего Севера странник принес известие, что ледяные пустыни вовсе не безлюдны — их населяют многочисленные племена человекообразных, происходящих, по его словам, от тех самых обезьян, которых прогнали в те края предки хайборийцев.

Странник утверждал, что следует послать за Полярный круг вооруженные отряды и перебить этих бестий, пока они не превратились в настоящих людей. Над ним посмеялись. Только небольшая группа молодых воинов в поисках приключений двинулась за ним на Север и пропала: ни один не вернулся назад. Хайборийцы же по мере увеличения своей численности постепенно продвигались на Юг, и по мере роста населения это движение становилось все более мощным. Следующее столетие было эпохой путешествий и завоеваний.

По исторической карте мира текут реки племен, постоянно изменяя общую картину... Посмотрим на эту карту пятьсот лет спустя.

Отряды русоволосых хайборийцев продвинулись к Югу и западу, покорив или уничтожив множество малых неизвестных народов. Потомки первых волн переселенцев, смешиваясь с побежденными, приобрели иной расовый облик. На них наступали племена чистокровных хайборийцев, гоня перед собой народы, словно щетка мусор; в результате чего племена еще больше перемешивались между собой.

Но до сих пор завоевателям не довелось столкнуться с более древними расами.

Тем временем на Юго-западе потомки народа земри, получившие толчок к развитию от смешения с каким-то неизвестным племенем, старались хотя бы отчасти возродить свою древнюю культуру.

На Западе начали свое долгое и трудное восхождение опустившиеся до уровня обезьян атланты. Цикл развития для них замкнулся, они давно забыли, что их предки были людьми, и лишились памяти о прошлом.

Живущие к Югу от них пикты оставались дикарями. Нарушая все законы эволюции, они не развивались и не деградировали.

Еще дальше на Юг располагалось таинственное, древнее государство Стигия. На ее восточных рубежах обитали кочевники-номады, уже тогда известные как Сыны Шема, или шемиты.

Рядом с пиктами в цветущей долине Зингт, защищенной высокими горами, безымянное примитивное племя, родственное шемитам, сумело наладить развитое сельское хозяйство.

Мощное стремление хайборийцев к расселению усилилось, когда одно из племен этой расы овладело искусством возводить каменные постройки. Вскоре явилась на свет первая хайборийская держава — Гиперборея, образовавшаяся вокруг первой неуклюжей каменной крепости, что была возведена для защиты от нападений других племен.

Люди этого племени вскоре отказались от шатров из конских шкур и переселились в грубые, но крепкие каменные дома. Защищенные таким образом, они стали гораздо сильнее.

Немного было в истории событий, сравнимых по значению с созданием примитивного и воинственного государства Гиперборея, жители которого отказались от кочевой жизни и возвели дома из неотесанных глыб, окружив их циклопическими стенами. И совершил это народ, только что вышедший из каменного века, который благодаря счастливой случайности открыл основные принципы строительного искусства.

Рождение Гипербореи подтолкнуло к дальнейшему расселению многие хайборийские племена. Одни были побеждены в бою, другие отказались стать данниками своих оседлых собратьев — и те и другие двинулись в дорогу. Эти дороги протянулись через полмира. И уже тогда самые северные племена хайборийцев стали все чаще подвергаться

нападениям рослых светловолосых дикарей, недалеко ушедших в развитии от человекообразных обезьян.

Рассказ о следующем тысячелетии — это повесть о возвышении хайборийцев, воинственные племена которых подчинили себе весь Запад.

Возникли первые примитивные государства. Светловолосые захватчики встретились с пиктами и вытеснили их на бесплодные западные земли. Осевшие на северо-западе потомки атлантов постепенно превратились из обезьян в первобытных людей.

Далеко на Востоке лемурийцы развивали свою собственную странную цивилизацию. На Юге хайборийцы основали королевство Коф, граничившее со скотоводческой страной, именуемой Шем. Полудикое местное население постепенно отказывалось от варварских обычаев — отчасти благодаря контактам с хайборийцами, отчасти под влиянием Стигии, которая в течение столетий донимала скотоводческие племена грабительскими набегами.

Светловолосые дикари-северяне так укрепились числом и силой, что хайборийские племена устремились прочь от них, на Юг. Одно из этих племен покорило древнюю Гиперборею, но название державы осталось неизменным.

На Юго-востоке от Гипербореи возникло государство народа земли, названное Заморой. На Юго-западе пикты вторглись в плодородную долину Зингг, покорили ее жителей и осели там. Таким образом возникла смешанная раса.

Ее, в свою очередь, завоевало кочевое племя хайборийцев. Смешение этих рас дало начало королевству Зингара.

Пять веков спустя границы государств были уже четко определены. В западной части мира господствовали хайборийские державы — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и Пограничное Королевство. К востоку от них лежала Замора, на Юго-западе — Зингара.

Народы двух последних были схожи между собой смуглой кожей и причудливыми обычаями, но в остальном ничем не были связаны.

Далеко на Юге таилась Стигия, не затронутая вторжениями иноземцев. Но шемитские народы сменили стигийское ярмо на менее тягостную зависимость от королевства Коф. Смуглолицые угнетатели были оттеснены к югу от великой реки, именуемой Стикс, Нилус или Нил. Река эта протекала на Север из неведомых южных земель в глубине континента, затем поворачивала почти под прямым углом и через щедрый пастбища Шема несла свои воды на запад к великому Океану.

К северу от самого западного из хайборийских государств, Аквилонии, обитали киммерийцы, потомки атлантов. Ни одному другому народу не удалось покорить их, но благодаря контактам с иноземцами киммерийцы развивались куда стремительнее своих извечных врагов — пиктов, населявших пустоши к западу от Аквилонии.

Спустя еще пятьсот лет хайборийская цивилизация была развита уже настолько, что контакты с ней диких племен давали тем возможность вырваться из варварства. Самым могущественным государством стала Аквилония; прочие стремились сравняться с ней богатством и влиянием.

Хайборийская раса сделалась очень неоднородной. Наибольшей близостью к общим северным предкам могли похвалиться только обитатели Гандерланда — северной провинции Аквилонии. Но чужая кровь не ослабила воинственную расу. Хайборийцы по-прежнему оставались решающей силой на Западе, хотя в степях росли и множились новые племена и народы.

На Севере потомки арктической расы дикарей — русоволосые голубоглазые варвары — окончательно вытеснили племена хайборийцев из северных земель. Им противостояла только древняя Гиперборея. Страна северного племени получила название Нордхейм, обитатели ее делились на рыжих ваниров из Ванахейма и беловолосых ваниров из Ванахейма.

На карте истории вновь появились лемурийцы — на этот раз под именем гирканцев. В течение веков продвигались они на запад, обошли с юга континентальное море Вилайет и заложили королевство Туран на его западном побережье.

Между внутренним морем и восточными границами западных государств раскинулась дикая степь, а на крайнем Юге и Крайнем Севере — пустыни.

Разбросанные в степи пастушеские племена не были гирканцами. О происхождении северной их ветви ничего не известно, южная вела род от шемитов, с небольшой примесью хайборийской крови.

К концу этого периода другие кланы гирканцев, продвигаясь на запад вокруг северной оконечности внутреннего моря, столкнулись с восточными форпостами хайборийцев.

Как же выглядели люди в ту эпоху?

Господствующие в мире хайборийцы уже не были одинаково светловолосы и сероглазы. Они смешались с другими расами. У жителей королевства Коф были ярко выраженные шемитские и даже стигийские черты. В меньшей степени это относилось к обитателям Аргоса, которые больше смешались с зингарцами, нежели с шемитами.

Восточные бритунцы породнились со смуглыми жителями Заморы, а южные аквилонцы — с темнокожими зингарцами до такой степени, что черные волосы и карие глаза преобладали в Пуантене, самой южной провинции Аквилонии. Древняя Гиперборея всегда держалась в стороне от прочих государств, но и в жилах ее подданных тоже текло немало чужой крови. Причиной тому стали рабыни из Гиркании, Ванахейма и Заморы.

Чистую хайборийскую кровь можно все еще было отыскать в Гандерланде, поскольку рабство не получило распространения в тех местах.

Сохранили расовую чистоту и варвары. Киммерийцы были рослыми и крепкими, черноволосыми, с голубыми или серыми глазами. Схожи с ними телосложением были нордхеймцы, однако кожа у них белая, глаза голубые, а волосы рыжие или золотистые. Пикты не изменились с древних времен — низкорослые, очень смуглые, черноглазые и черноволосые.

Темнокожие гирканцы изначально были худощавыми и рослыми, но все чаще среди них стали появляться люди

приземистые, широкоплечие, с раскосыми глазами — следствие смешения с расой, которую гирканцы покорили в горах к востоку от моря Вилайет в ходе своей миграции на запад.

Шемиты чаще всего были среднего роста, хотя иногда примесь стигийской крови давала им огромный рост и мощное телосложение. Все они были горбоносы и темноглазые, с иссиня-черными волосами.

Стигийцы, особенно представители правящего класа, отличались высоким, пропорциональным сложением, правильными чертами лица. Низшие классы представляли собой пеструю смесь негроидов, стигийцев, шемитов и даже хайборийцев.

К югу от Стигии лежали обширные государства чернокожих — амазонок, кушитов и прочих, а также населенная самыми разными народами империя Зимбабве.

Между Аквилонией и Пиктскими пустошами располагалось Боссонское пограничье. Его жители вели род от местной расы, покоренной хайборийцами в давние времена. Эта смешанная раса не достигла уровня развития чистокровных хайборийских племен, и была оттеснена ими на самый край цивилизованного мира. Боссонцы были среднего роста и сложения, с серыми или карими глазами. Жили они преимущественно крестьянским трудом, обитали в деревнях, обнесенных крепким частоколом, и подчинялись аквилонским владыкам.

Их земли защищали Аквилонию как от киммерийцев, так и от пиктов. Боссонцы отличались стойкостью в бою. За столетия войн с северными и западными варварами они так научились держать оборону, что прорвать ее прямой атакой было практически невозможно.

Таким был мир во времена Конана.

Пятьсот лет спустя хайборийская цивилизация была стерта с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру на самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного Королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Бритунию, Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разрастающуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и — как всегда, тайно — Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии были еще усилены наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев была отвоевана Замора, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились за-

падными, не более того. В Заморе расквартировали аквилонских солдат — не только ради защиты разоренной страны, но и для удержания жителей в покорности.

Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы — хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья внутреннего моря.

Потерпев сокрушительное поражение, Туран на время отказался от дальнейших завоеваний, занятый внутренними распрями. Гирканские наемники, не получив вожаемой добычи, сочли себя оскорбленными и обрушили всю мощь своего гнева на недавних союзников. И теперь уже пришел черед Турана отражать опустошительные набеги восточных варваров. Особенно усердствовали племена степняков, огибавшие море Вилайет с севера. Многие города на побережье были преданы огню и мечу, и Туран счел за лучшее перенести столицу в Аграпур — в относительно безопасную внутреннюю область державы. На востоке наступило временное затишье.

Именно в это время появилась на свет женщина, чья судьба оказалась теснейшим образом связана с судьбами всего хайборийского мира. Женщина, которую называли Рыжей Соней.

Родиной воительницы стал Аграпур, однако отроческие годы ей суждено было провести в северном городке (уточнить!), близ Султанапура, а позднее — в Хауране, давно превратившемся в одну из туранских провинций, пользовавшихся лишь номинальным суверенитетом.

Взращенная в ненависти к Аквилонии и всей западной цивилизации в целом, в ту пору девушка еще не подозревала, какую роль ей доведется сыграть в дальнейших событиях.

Тем временем сила, которой суждено было сбросить с трона королей Аквилонии, возрела на западе, а не на востоке.

Вернемся на несколько десятков лет назад.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями Северных стран. Жители Ванахейма использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались в саму Аквилонию, но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских Дебрях удивительным образом росли и население, и военная мощь. По старинному капризу судьбы пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеземника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решился отправиться в дебри Запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не устроили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, державшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, — и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благоприятны для пиктов — несмотря на то, что пикты всегда яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не была богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари.

Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домах, выстроенных в подражание боссонским.

Кормились они по-прежнему охотой, ибо их родные леса кишели разнообразной дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли они его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев.

Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кроваважны. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфера: тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения — хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и тем не менее созданных для завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм позволил ему избежать расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь изменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человеческие жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя.

Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигриную шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках, на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного

дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус был достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра была в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от вьющейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств — ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе?

Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчавшихся в битву. А Горм, ведомый безобидным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком.

И в жалкой лачуге с плетеными стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах, — вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус был человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, которыми образованная личность может облагодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в тигриные шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные

залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы.

Пикты были обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и, наконец, он впервые установил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и нескольких избранных воинов через Боссонские Пределы, где на них изумленно глазели честные поселяне, во внешне блистающий мир.

Без сомнения, Арус считал, что обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, чтобы пикты с охотой приняли учение, предписывающее им прощать своих врагов, и променяли тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжелой повседневной работы. Мы уже знаем, что пикту была чужда артистическая утонченность; самая натура его требовала войны и кровопролития.

Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимание на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, успехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы. Они делали что считали нужным, и не очень об этом распространялись. И Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделять грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине от-

крылся новый мир; спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь этим вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам, кого силой, кого хитростью и дипломатией. И надо отметить, что по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все больше сведений о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стравить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на Юге и Востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли Запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались к ним на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров; между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь, — сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, понял, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное

красноречие несколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигриных шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он был совершенно прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигриных шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатой броне, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть Аквилонскую Империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь.

Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни владык, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных непомерной данью. С Аргосом, Зинга-

рой, Офиром, Заморой и шемитскими странами общались, как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись — и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии; состоя под ее «защитой» против гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось — хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и были одержаны с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи были провалившиеся попытки присоединить Немедию и разгром одной из армий, посланных в Ванахейм. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью были направлены в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою была уничтожена армия Стигии, а стигийский правитель принужден — хотя бы одновременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия.

Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, последовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками; казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные на-

логи и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, с которых боссонцы не имели никаких выгод.

В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали бой смутлокожим захватчикам и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как все императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам Боссонии. Местных вождей пригласили на совет; и под видом намечаемой экспедиции против пиктов отряды свирепых шемитских солдат были размещены среди ничего не подозревавших поселян.

Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна была разорена на всем протяжении; уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиту границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег — это было согласное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом.

Огнегровкой воительнице Соне сравнялось к тому времени шестнадцать зим, и вести о потрясениях в Аквилонии она приветствовала со всем пылом бескомпромиссной, не знающей пощады юности — ибо ненависть ее к Западной державе, до сих пор бывшая скорее умозрительной, унаследованной от матери-ванирки и отца-гирканца, теперь глубоко укоренилась в ее сердце. Именно отряд аквилонских наемников стал

причиной гибели всей ее семьи. Сама Соня уцелела лишь чудом. Лишенная крова и родных, она стала вести вольную жизнь, странствуя, подобно перекасти-полю, по всему Востоку. И с жадностью ловила любые новости с Запада, все более неутешительные для цивилизованных держав.

Горм был уже стар, но его яростное стремление к цели с годами не притупилось ничуть. И в этот раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути.

Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге.

Пикты неудержимо двигались на восток, втапывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывалась орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем.

И тут, посреди царившего хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пикты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рушилась Аквилонская Империя...

Одновременно из голубых далей востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступила их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных

городов гирканский король устроил свою столицу. Первая волна завоевателей пришла из Турана, которому вновь удалось столкнуться с прежними союзниками-гирканцами; однако с Севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная.

Всадники-номады миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, откуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана.

Не кто иная, как Рыжая Соня, сыграла свою роль в его возвышении — однако не слепо, подобно немедийцу Арусу. — а вполне осознанно. Говорили, будто при этом она исполняла волю жрецов Белой Волчицы — одного из многочисленных культов Зверобогов, расплодившихся за последние полторы сотни лет на континенте.

Эти древние боги, пришедшие из тьмы веков, ширили свое влияние повсюду, постепенно вытесняя прежних божеств. В Немедии, Аквилонии и некоторых других державах Запада они подвергались жесточайшим преследованиям, сравнимым лишь с гонениями на чернокнижников во времена короля Конна Третьего. Однако в восточных странах влияние их становилось все сильнее, и идеи жрецов Звероликих охватывали все большие слои населения.

В век крушения прежних идеалов культ Силы и Очищения имел для многих особую привлекательность, а доктрина Последней Битвы, казалось, получила наглядное подтверждение, ибо весь ход событий подтверждал близость конца старого мира.

Аквилонской армии, могущей воспротивиться нашествию с Востока, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Бритунию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в

Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А откуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями жесточе, чем когда-либо были хайборийцы.

Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары — тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к Западу гирканцев, которые и поселили их в Замоге как своих подданных.

Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до черных королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных туда, расселили между шемитскими племенами.

Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажата между владыками Востока и меченосцами Запада, пока с Севера не пришло племя ваниров, покинувших свою занесенную снегом страну. Ваниры подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: они не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на Восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась

от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге — Шем, Замога, Бритуния, Пограничное королевство, большая пустыня Кофа и весь восточный Шем — до самых пустынь.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и Северные Страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращающейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — и города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев.

На далеком Юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем Севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

В этом странном, пугающем и неустойчивом мире рыжеволосой воительнице Соне пришлось пережить множество приключений. Став свидетельницей низвержения западной цивилизации, она не присоединилась к варварам, что гировали на ее руинах. Ибо ею двигали иные идеалы, и откровение, обретенное в далекой Облачной Стране, сыграло здесь не последнюю роль. Рок уготовил ей Путь, который пока оставался тайной и для нее самой.

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асов. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет — долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов — краткий миг.

За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сиживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей.

Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асы, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Ваниры заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правила в ней потомки ваниров-наемников.

Под напором выходцев с Севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели Гандерланд, и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Бритунии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды ваниров и ваниров, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полувцилизированные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо.

По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд ваниров изгнал восточных всадников из Бритунии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах внутреннего моря.

Итак, мощь восточных завоевателей была сломлена. Неспособные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже

вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок.

Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на Востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ваниров просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваниры возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший класс — и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ваниров, явившихся с Севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от Полярного круга до страны Шем, единственными обитателями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в Туране.

Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сровняли всех их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрстая путанными легендами и сказаниями — пока вся история Хайборийской эры не покрылась патиной вымысла и мифа.

Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; ваниры, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Бритунии, были позже названы бритунийцами, бритонами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял собственный вождь, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось навеки неизвестно. Ибо последовала новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей. Громадные участки западного побережья погрузились в хаос. Ванахейм и западный Ванахейм — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах.

Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, похожие, известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели Пиктские Дебри и расстилались Боссонские Пределы.

На Севере образовалось Балтийское море, разделившее Ванахейм на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении.

Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину Африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними.

На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, яв-

ляя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишённые смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и её события нет нужды заново излагать. Причиной, вызвавшей её, был рост населения. Степи к западу от внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью.

Племена двинулись на юг, на Север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных ваниров. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские ваниры. Датчане — потомки чистокровных ваниров, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов — потомки смешанной расы, у истоков которой стояли юты, виниры и киммерийцы.

Гэлы — предки ирландцев и нагорных шотландцев — ведут свое происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породила легенду о гэльском первородстве.

Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, как и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону высшего внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на

запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они были смешанным народом гиркано-шемитского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты.

Невысокие, плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов, жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

Роберт Говард

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дм. Арсеньев. Рыжая Соня:</i>	
<i>Информация к размышлению</i>	<i>5</i>

Роберт Говард. Питер Нейл

СЛЕД РЫСИ

Глава первая	17
Глава вторая	33
Глава третья	45
Глава четвертая	67
Глава пятая	89
Глава шестая	109
Глава седьмая	133
Глава восьмая	149

Крис Уэйнрайт

ВЕТЕР БЕЗДНЫ

Часть первая. Старый дом

Глава первая	165
Глава вторая	181
Глава третья	189
Глава четвертая	197
Глава пятая	207

Часть вторая. Клинки Майрана

Глава первая	219
Глава вторая	231
Глава третья	257
Глава четвертая	267

Часть третья. По бурным волнам

Глава первая	275
Глава вторая	285
Глава третья	291
Глава четвертая	303
Глава пятая	313
Глава шестая	329
Глава седьмая	339

Дуглас Брайан. Повелитель сновидений

353

Роберт Говард. Хайборийская эра

435

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ГОВАРД
ПИТЕР НЕЙЛ
КРИС УЭЙНРАЙТ
ДУГЛАС БРАЙАН

РЫЖАЯ СОНЯ И ВЕТЕР БЕЗДНЫ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*
Обложка *Сергея Шикина*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Алла Борисенкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 09.06.98 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 7000 экз. Заказ № 1040.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского, орды варваров предают
Хайборию огню и мечу.
В этот жестокий мир приходит воительница,
неустранимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР БЕЗДНЫ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА ПАДШИХ

«Северо-Запад»®

РЫЖАЯ СОНЯ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы
о новой серии

«РЫЖАЯ СОНЯ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

Северо-Запад®

ЭЖУАА

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-киммерийца,
легендарным правителем Валузии.

КУЛЛ
И ТРОН ВАЛУЗИИ

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

КУЛЛ
И КЛИНКИ ЛЕМУРИИ

Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •

SCIENCE FICTION

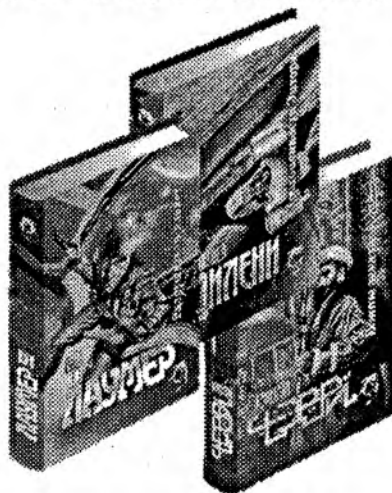
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Сенсация!

Впервые на русском языке
пенталогия

БАРБАРЫ ХЭМБЛИ «ХРОНИКИ ДАРВЕТ»

- Время тьмы •
- Стены воздуха •
- Легионы света •
- Дворец зимы •
- Педяной ястреб •

Чудовища, приходящие в ночи,
заброшенные замки, разрушенные города,
драконы, сторожащие древние клады,
ждут вас на страницах романов
Барбары Хэмбли

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ

МАЙКЛА МУРКОКА "САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

**ЧИТАЙТЕ
дилогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

•Северо-Запад®

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОКИНУЛО ЗЕМЛЮ —
И НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ПРАВЯТ МИРОМ,
ПОГРУЖЕННЫМ В ХАОС И ОДИЧАНИЕ.
ГИГАНТСКИЕ ПАУКИ-ТЕЛЕПАТЫ —
ПРОТИВ ЛЮДЕЙ, ОТЧАЯННО БОРЮЩИХСЯ
ЗА ВЫЖИВАНИЕ!

ЧИТАЙТЕ
«МИР ПАУКОВ: ЦИТАДЕЛЬ»
ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
«МИР ПАУКОВ: ПОСЛАНЕЦ»

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г.Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

